

опустошитель

[иверсния курутьлы]

#49

политика

Журнал «Опустошитель»
#49. Политика
Москва, август 2026
242 страницы

Главный редактор Вадим Климов

К счастью, в «августе» не встречается ни одной литеры, напоминающей «р», разве что «в», но она не в счет (интересно, почему?). Августовский Опустошитель дарит гражданскому обществу #49. Политика. Платон, Томас Бернхард, Агота Кристоф, Юлиус Эвола, Эдуард Лимонов, Роже Витрак, Пьер Дрие Ла Рошель, Флэнн О'Брайен, Сергей Нечаев, Ги Дебор, Рене Домаль, Матей Вишнек, Филипп Соллерс и выуженная из самых пыльных закутков проза Егория Простоспичкина расскажут о политике больше, чем самый толстый словарь и самый визгливый телеведущий. Август 2026-го никогда больше не повторится. Ловите этот — единственный.

В оформлении обложки использована работа Лори Липтон.

ISSN 2219-5424

Опустошитель, 2026
<http://pustoshit.ru>

ж у р н а л

ОПУ СТО ШИТ ЕЛЬ

#49. Политика

Антуан де Баек
Томас Бернхард
Флэнн О'Брайен
Роже Витрак
Матей Вишнек
Жиль Вольман
Ги Дебор
Рене Домаль
Вадим Климов
Агота Кристоф
Эдуард Лимонов
Сергей Нечаев
Платон
Егорий Простоспичкин
Пьер Дрие Ла Рошель
Филипп Соллерс
Николай Старообрядцев
Юлиус Эвола

Москва
Август 2026

БУКВА «Р» НИКОЛАЯ ТРУБЕЦКОГО

В программной статье «Мы и другие» Николай Трубецкой прописывает лейтмотив многочисленных нападков на большевизм. Разъясняя различия между евреями и большевиками, князь Трубецкой неожиданно выхолащивает свою критику до самых приземленных градаций.

Большевики, мол, вообще не мыслят о культуре, ставя во главу угла пролетариат, чисто экономическую дефиницию, определяемую трудовыми отношениями. Но ведь оттого что мы что-то посчитали это что-то не становится чисто количественным. Звезда не перестает светить, даже находясь в созвездии, превращаясь в единицу счета этого множества.

А буржуазия, чисто экономическая дефиниция, определяемая отношением к средствам производства, способна на создание культуры? А крестьянство, военная аристократия, купечество? Все это понятия, вводимые акультурно, вне культурного контекста.

Подобные ангажированные выводы о пролетариате, не способном создавать культуру, напомнили мне эпизод из романа Андрея Аствацатурова. В младших

классах его герою не давалась на письме какая-то буква, кажется, «р». Мальчик безбожно коверкал ее, подменяя неразборчивыми каракулями.

Первой тревогу забила бабушка. В прошлом школьная учительница, а теперь беспокойная пенсионерка, впала в шумное отчаяние, считая, что на ее глазах происходит что-то невообразимое.

Горячность пожилого педагога пришлось остудить отцу школьника, который задал всего один вопрос: встречала ли она хоть раз в жизни взрослого человека, не способного написать букву «р». После чего старушка взяла себя в руки, отстала от внука, который совсем скоро забыл о проблемах правописания, начав выводить букву «р» так же легко, как все прочие буквы.

Если бы в политической жизни проблемы разрешались так же просто...

Но нет!

Нет же!

В политике раз замеченная загвоздка будет возникать вновь и вновь, какой бы банальной и смехотворной она ни казалась. Единожды споткнувшись, букву «р» вы не научитесь писать никогда.

Вы слышите?!

Никогда!

К счастью, в «августе» не встречается ни одной литеры, напоминающей «р», разве что «в», но она не в счет (интересно, почему?). Августовский Опустошитель дарит гражданскому обществу #49. Политика. Платон, Томас Бернхард, Агота Кристоф, Юлиус Эвола, Эдуард Лимонов, Роже Витрак, Пьер Дрие Ла Рошель, Флэнн О'Брайен, Сергей Нечаев, Ги Дебор, Рене Домаль, Матей Вишнек, Филипп Соллерс и выуженная из самых пыльных закутков проза Егория Простоспичкина расскажут о политике больше, чем самый толстый словарь и самый визгливый телеведущий.

Август 2026-го никогда больше не повторится. Ловите этот — единственный.

п р о з а

Николай Старообрядцев **ОКОШКО В СТАЛИНИЗМ**

Сталинское время часто ругают. Дескать, жизнь была тяжёлая — ничего не достать. На самом деле достать можно было всё что угодно. Ломоть хлеба, стакан молока, кусок мяса. Что ещё нужно? И самое главное — совершенно бесплатно. В этом ведь и заключалась идея социализма. В каждом городе были сделаны специальные окошки для выдачи всего необходимого. Подходи, проси и получай. Весь вопрос в том, где найти заветное окошко. Вот это нужно было знать. И знание это дано было не всякому, но лишь тем, кто в нём по-настоящему нуждался и был к нему готов. Всё-таки, знание — это сила, а социализм рождается в обществе людей умных и волевых, имеющих мужество отказаться от сиюминутных прихотей во имя высокого идеала.

Уже в наши дни, когда общий упадок сил и одичание нравов заставили отложить построение социализма на неопределённый срок, в России жил один потомственный диссидент по имени Макар Борисович. Всю свою жизнь он посвятил развенчанию сталинизма. Десятилетиями он выступал на радио и в свободной печати с обличительными заявлениями. Вечерами в его квартирке собиралась молодёжь, и при свете ночника, в благоговейной атмосфере Макар Борисович вливал в молодые чуткие души не сказки, но был о кровавом тиране, сгубившем многие миллионы человеческих жизней.

Когда местные мужики, заседавшие в пивной, видели, что к барной стойке подходит Макар Борисович, они улыбались друг другу:

— Ну всё, Макар пришёл — Сталину крышка!

— Опять достанется на орехи нашему Иосифу Виссарионовичу!

— Дядюшке Джо капут!

— Допрыгался Джугашвили. Зря он Макару дорогу перешёл. Теперь кранты ему!

— Кобе какюк, — подначивал бармен, ставя на стойку кружку пива и рюмку водки — ежедневную норму Макара Борисовича.

Макар Борисович, как человек интеллигентный и рефлексирующий, а прежде всего самолюбивый и мнительный, чувствовал, что мужики над делом его жизни немножко подтрунивают. Пусть его и слушают, но больше от любви к застольным речам, не имеющим никакого значения за порогом питейного заведения. Но не был бы он истинным диссидентом, если бы отступил от своей темы. Он прекрасно понимал, что окружающие его люди выросли в атмосфере замалчивания позорных исторических фактов. Они духовно неразвиты и неспособны прямо смотреть правде в глаза. Такими их воспитала система пропаганды античеловеческого государства, и корни её уходили в сырые сталинские застенки. Но вода точит камень. Ежедневной своей проповедью Макар Борисович по капле просвещал заблудшие души, опутанные чутунными цепями сталинского наваждения. Силы его многократно увеличивала почти тайная, но крайне интенсивная работа, которую он вёл с неослабевающим энтузиазмом уже много лет. Макар Борисович писал многотомный всеобъемлющий трактат, опираясь только на строжайше выверенные и тщательнейше взвешенные факты. Итогом должно было стать окончательное и бесповоротное уничтожение сталинизма.

— Разобрать Сталина на атомы и развеять по ветру. Всего-то делов, — говоря так, Макар Борисович ставил опорожнённую кружку на стол, гордым взглядом

триумфатора обводил случайных собутыльников и уходил восвояси. Регулярным собутыльникам о своей тайне он предпочитал не рассказывать, не желая упустить эффект разорвавшейся бомбы.

Однажды, работая в городском архиве с документами злополучной эпохи и уже предвкушая окончание многолетнего величественного труда, Макар Борисович вдруг наткнулся на крохотную, почти незаметную статейку в одной истлевшей региональной газете. Там как-то мимоходом, будто о чём-то незначительном и совершенно обыденном, упомянуты были окошки, из которых любой желающий бесплатно мог получить всё, чего бы ни попросил, будь то ломоть хлеба, стакан молока или даже кусок мяса.

Ледяной озноб пробежал по скрюченной спине Макара Борисовича. Ему показалось, что из-за стеллажа с книгами бесшумно вышел сталинист в сером плаще, подкрался сзади и воткнул в его тело смазанный ядом кинжал, сделав это с такой проникающей силой, что ножки стула, на котором сидел Макар Борисович, разом подомились. Диссидент закашлялся, как будто окровавленные руки сталинистов вставили ему в горло огромную рыбную кость. Он понял, что бомба, которая уже так скоро должна была взорваться с оглушительным эффектом, теперь даст осечку. Вместо взрыва, сотрясающего сами основы, прозвучит слабый хлопок, достойный лишь снисходительной улыбки.

В полной тишине раздался звонкий девичий смех. Он донёсся с улицы. Это студентки, вышедшие на волю из пыльного библиотечного плена, резвились под окнами, чтобы поскорее забыть прочитанное. Макар Борисович почувствовал, что за этим невинным смехом стоит нечто другое — инфернальный хохот, поднимающийся из глубин преисподней. Сам Сталин торжествовал, осмеивая бедного правдолюбивого старика. Поддавшись мимолётному приступу отчаяния, Макар Борисович не выдержал. Он сделал нечто такое, что по его же собственным убеждениям было совершенно непозволительно. К таким грязным приёмам

прибегали отъявленные сталинисты, душиатели свободы и могильщики правды. Но Макар Борисович был не таков. Он служил делу правды всю свою жизнь и, стало быть, мог претендовать на маленькое вознаграждение. Даже не для себя. Для всего человечества. Во имя справедливости и гуманизма. Маленький гнусный факт подрывал прекрасное стройное здание, которое Макар Борисович возводил столько лет, не щадя живота. Сомнительное окошечко, о котором никто не знал, вкрадывалось разрушительной червоточиной в совершенную крепостную стену, которой предназначалось навечно оградить этот мир от яростных демонов сталинизма. Пережив все эти терзания в считанные секунды, почти убитый наповал, но тут же воскрешённый идеей бескорыстного служения, Макар Борисович принял страшное решение. Дождавшись, когда смотритель читального зала отлучится, он тихонько вырвал статью из подшивки газет, скомкал её, незаметно для всех затолкал в рот, пожевал сколько было возможно, чтобы не привлечь постороннего внимания, и проглотил.

***

Прошли годы. Фундаментальный трактат Макара Борисовича так и не был опубликован. И сам он как будто исчез. Собрания молодёжи на его квартире прекратились. Смолкли антисталинские разоблачения на радио и в прессе. Даже в пивную он больше не заходил. Поговаривали, что старика засадили в тюрьму. Один из случайных посетителей пивной сообщил по секрету, что сам он — измученный совестью и решивший покаяться сотрудник компетентных органов, после чего рассказал во всех подробностях о заговоре сталинистов, о незаконном ночном аресте и об ужасающих пытках, которым был подвергнут всем известный поборник правды, а также о невероятной стойкости, с которой тот их принимал, смеясь в лицо истязателям. Было это правдой или нет, никого осо-

бенно не интересовало. Как-никак, дело было в пивной. Все и так чувствовали, что без Макара Борисовича призрак Сталина как будто вновь вырвался на свободу и разгуливал по улицам, сея ужас и всеобщее озлобление. Когда реальность мрачнее любых слухов, доказательства никому не нужны — страх и тревога, становясь всеобщими ощущениями, сами свидетельствуют о смысле происходящего.

Однако траур по старому диссиденту был преждевременным. Как и радость последователей кровавого тирана, быстро обо всем проведавших и снова почувствовавших себя безнаказанными. Макар Борисович не умер, не был арестован и тем более не изменил своим взглядам. Ему просто пришлось изменить распорядок дня.

Несколько оправившись после трагического случая в читальном зале библиотеки, Макар Борисович понял, что изменить своим принципам он имеет право только в одном случае: когда нужно стать ещё твёрже и ещё принципиальнее. Он решил не скрывать факты, а докопаться до истины и разгадать загадку злополучных окошечек — последней опоры жестокого социалистического безумия. Факт — вещь упрямая, но ещё упрямее человек, решивший во что бы то ни стало доискаться до правды.

Макар Борисович вывел своё исследование на новый уровень. Теперь почти всё его время уходило на поиск следов хитроумного сталинского изобретения. Квартира диссидента стала напоминать притон помещанного: все стены были завешаны ксерокопиями архивных документов и газетных вырезок. Эта сложнейшая интеллектуальная карта была покрыта паутиной пометок и связей. Пол комнаты был завален картонными папками, газетными подшивками, старыми журналами, записными книжками, пустыми бутылками и засохшими остатками пищи. Макар Борисович мало ел и почти не спал. Подкрепляя свои силы водкой и сигаретами, он настойчиво всматривался в бушующий хаос разрозненных фактов и думал, думал, думал.

И вот на излёте одной из многих бессонных ночей случилось именно то, чего Макар Борисович больше всего опасался. Вся его деятельность последних лет была направлена на опровержение самой возможности этого, и всё же это произошло.

Следы и гипотезы сошлись в одной точке. Проклятые окошки действительно существовали. Теперь в этом уже нельзя было сомневаться. Хуже всего было то, что одно окошко, похоже, сохранилось и даже продолжало работать, понемногу отравляя Россию дурманом застарелого сталинизма. Макару Борисовичу с большим трудом удалось выяснить, что это последнее окошко расположено на севере страны, на окраине одного захудалого городка. Можно было надеяться, что город, постоянно отравляемый ядами сталинизма, скоро окончательно развалится и дыра в преисподнюю будет надёжно скрыта под завалами. Но Макар Борисович понимал, что права на риск у него нет, так же как и права на ошибку. Современные стаалинисты не так свирепы, как прежние. Общими усилиями всего цивилизованного мира их порядочно уgomонили. Однако они не дремлют. Они рыщут по России. У них всюду глаза, уши и носы. Они подсматривают, подслушивают и вынюхивают. Если они найдут окошко в первозданный сталинизм раньше Макара Борисовича, они превратят его в свой оплот и бросятся в контратаку. Нужно было скорее во всём удостовериться самому, а потом с помощью всемирных правозащитных организаций надавить на местные органы власти с тем, чтобы замуровать и опечатать вредоносный родник тоталитаризма.

Добившись экстренной выплаты от всемирного антисталинского фонда, Макар Борисович взял билет на поезд, купил в кулинарии жареную курицу, упаковал в саквояж блок сигарет и бутылку водки, после чего постоял минутку перед старой фотокарточкой Солженицына и отправился на вокзал.

В самом конце своего пути Макар Борисович долго шёл по узкой тропинке вдоль высокого покосившегося

забора, с которого тут и там уродливыми ржавыми спиралями свисали нити колючей проволоки. Окраина захолустного городка быстро погружалась в сумрак. Вокруг не было ни души, словно население города было поголовно расстреляно. Где-то вдалеке отчаянно лаяла собака, на свой животный лад воспевая массовые репрессии. Макар Борисович не заметил, как забор сменился столь же покосившейся стеной деревянного барака, потемневшей от времени. Древесина впитала в себя боль десятков тысяч измученных людей. Эта боль разрушала дерево изнутри, хуже чем орды короедов, но гниющий остов продолжал стоять, злобно сопротивляясь самой природе. Измотанному старому диссиденту казалось, что всё это здание держится только на обрывках вылинявших листовок, хаотично наклепленных на стену. Пятна грязи, присохшей к листовкам, заменили некогда пестревшие там лживые героические призывы и теперь, напоминая брызги крови, как будто смеялись над ни в чём неповинными людьми, убитыми без суда и следствия. Там, где стена от сырости уже поросла мхом и в темноте казалась сделанной из ржавого железа, Макар Борисович обнаружил то, что искал. Крохотное окошко, в которое едва просунешь и голову, было вырезано в стене примерно в метре над землёй.

— Чтобы кланялись, — догадался Макар Борисович, в совершенстве изучивший деспотические повадки сталинистов.

Окошко было заперто изнутри деревянной дверцей. Это вселило в сердце старика тревогу.

— Уж не опоздал ли? — спросил он сам себя вслух, имея в виду не только поздний час, но и вообще немолимый ход исторического процесса, интенсивность которого всегда так мешает взыскательному научному наблюдению.

Однако Макар Борисович был не из тех, кто легко сдаётся. Он сжал кулак и крепко, настойчиво поступал. Он знал, что только такой язык понимают «там» —

в тёмном царстве звериной жестокости, лютой ненависти, изоощрённого насилия и дьявольской лжи.

Окошко открылось почти сразу. Внутри барака было ещё темнее, чем снаружи, так что Макар Борисович не мог ничего рассмотреть. Изнутри протянулась человеческая рука, державшая простое фаянсовое блюдо, на котором лежал ломоть ржаного хлеба.

Посомневавшись лишь мгновение, Макар Борисович схватил хлеб, после чего рука исчезла, а дверца захлопнулась.

Диссидент внимательно осмотрел подношение.

— На подкуп не похоже, — была его первая мысль.
— Слишком мало.

Он отломил кусочек и попробовал.

— Не чёрствый, — анализировал он. — Даже мягкий. Однако же и не французский багет.

Пожевав хлеб, Макар Борисович не стал его глотать. Он и не думал, что его хотят отравить, но сразу уловил идеологическую подоплёку происходящего. Сплюнув прожёванное и туда же бросив остаток, он сделал заключение:

— Хлеб испечён руками политзаключённых. Не удивляюсь, если в муку был добавлен пепел из лагерных крематориев.

Церемониться было некогда, так что Макар Борисович снова постучал в окошко. На этот раз на блюде был стакан молока.

— Стакан гранёный, — подметил характерную деталь намётанный глаз диссидента.

— Довольно жирное, не разбавлено, — пригубив, он почмокал губами. — Но в Швейцарии пожирнее будет.

Сплюнув и туда же вылив остальное, он поставил стакан на землю возле стены и вынес напиток приговор:

— Сколько ни в чём неповинных людей нужно было сгноить в колхозах, чтобы тощая корова смогла выдавить из себя этот стакан молока?

На третий стук из окошка показался крупный кусок сырого мяса, который Макару Борисовичу пришлось принять прямо в руки.

Он стал разрывать мясо пальцами, почти прижимая его к лицу. Выпучив глаза, он жадно всматривался в сырую плоть, потому что предвкушал найти там червей — верный признак гнилой сущности кровавого режима. Но червей не было. Мясо было чистым и свежим, словно его только что вырезали из туши, ещё не остывшей после убийства. Мясо такого качества — не такая уж редкость для Европы, но всё же совсем не тот продукт, который там стали бы раздавать налево и направо даже по выгодной стоимости. Макар Борисович заставил самого себя признать этот факт. И тут его осенило:

— Идейной основой сталинизма всегда был антисемитизм, — возликовал прозорливый старик. — Следовательно, это свинина!

Дойдя до ключевого звена логической цепочки, Макар Борисович понял, что остальное уже дело техники, мелкая силлогистика, не достойная трудов крупного учёного. Сталин и евреи — тема большая и благодарная. Как говорят в кухмистерских: нажористая. Однако по ней уже собран крупнейший материал, и сам производственный процесс прекрасно налажен. Сейчас же решается задача редкая и безотлагательная. Решив так, диссидент кинул истерзанный кусок мяса на землю и растоптал его ботинком — с таким же отвращением, с каким растоптал бы самого Сталина, если бы душа красного душегуба переселилась в приличествующее ей тело ядовитого паука.

Глядя на плоды своих рук, смешавшиеся под его ногами в уродливое грязное месиво, вполне передающее вневременную суть сталинского владычества, Макар Борисович почувствовал, что какую бы загадку ни загадал ему этот сатанинский сфинкс с кавказскими усами, он решит её с лёгкостью мартышки, разбивающей острым камнем кокосовый орех. Годы работы над великим трактатом не прошли впустую. Он видел

сталинизм насквозь и знал наизусть все его дьявольские ухищрения. В порыве бранного вдохновения диссидент снова забарабанил кулаком в окошко, чувствуя, что каждый его удар с нарастающей силой потрясает истлевшие основы советской деспотии. Ему даже представилось, как он, собрав в себе всю боль и обиду миллионов репрессированных, раздробляет кулаком, окаменевшим от справедливой ярости, череп самого Сталина, скелет которого, возбуждаемый ко злу тёмными чарами Антихриста, медленно выползает из расстроженной могилы.

Дверца окошка отворилась. Макар Борисович развеселился и уже потирал ладони в предвкушении, что вот-вот на его критический анализ будет подано новое угощение, которое после короткого и точного вердикта будет втоптано в грязь. Однако же ничего не происходило. Макару Борисовичу это не понравилось. Он ещё не в полной мере наслаждался своим триумфом. Приготовившись требовать и угрожать, используя обширный арсенал крепких лагерных выражений, изученных им по самым компетентным монографиям, Макар Борисович сам полез в окошко. Но просвет рамы был так мал, что в него вошло только пышущее гневом лицо диссидента. Когда голова Макара Борисовича протиснулась в окошко насколько это было возможно, так что уши его плотно сжало широкой рамой, какая-то рука, вероятно, та же самая, что до этого выдавала угощения, сжалась в стальной кулак и нанесла прямо в лицо диссидента такой удар, что голова его выскочила назад словно пробка из бутылки шампанского. Макар Борисович повалился навзничь огулушённый.

Придя в себя, он попытался открыть глаза. Перед его взором ослепительно вспыхивали сплетающиеся сети тончайших линий, окружённых мириадами светящихся точек, будто спирали колючих проволок спуститься с забора и теперь влезали в его глаза, чтобы опутать и задушить мозг. Выносить это не было никаких сил. Веки Макара Борисовича мгновенно налились тяжестью и смыкались. И всё же, перед тем, как

сомкнуть очи, он успел заметить, что с той стороны сверкающей ряби на него направлен взгляд.

Он сразу узнал его. Это был Сталин.

Сталин был жив. Долгие годы, меняя обличия, он прятался от посторонних глаз в покосившемся бараке. Сталин прятался в хлебе, в молоке, в сыром мясе. Но никому не хватало ума и терпения, чтобы продумать связь этих трёх элементов и обнаружить логовище тирана. Понемногу, мелкими подачками Сталин подкармливал воспоминания о себе, чтобы однажды, накопив силы, выйти из укрытия, быть узанным и вновь взять в свои руки власть над половиной земного шара. Теперь, когда элементы соединились, он вырвался на волю. Макару Борисовичу стало страшно, что Сталин, которого он только что нечаянно освободил, плюнет ему в глаза, дабы выказать презрение не только лично, но и всему диссидентскому движению. Желая хоть как-то защититься от позора, Макар Борисович начал машинально шарить рукой подде себя. Нащупав растерзанный кусок мяса, валявшийся в грязи, он схватил его и положил себе на лицо.

Влажное и немного прохладное мясо подействовало успокаивающе. Его обильные соки потекли в рот диссидента, и он почувствовал вкус молока и крови. Он жадно присосался старческими губами к растерзанной плоти и стал всасывать в себя её живоносную влагу, с каждой каплей обращая свою боль в неизведанное до селе блаженство.

Он впитывал мудрость и молодость мяса, взамен отдавая ему дряхлость и убожество своих идеалов.

— Все мы ищем только одного, — истекала смыслом его обновлённая плоть, белая, как колхозное молоко, и крепкая, как колючая проволока. — Все мы ищем Сталина. Иного Сталина. Истинного Сталина. Доброго Сталина. Светлого Сталина. Святого Сталина. Не жестокого и властного отца, не тирана и не хозяина, но ласковую кормящую мать. Реки смерти стекаются к Сталину. Останавливает их Сталин. Выпивает их Сталин. И обращает их в сладкие соки вечности.

Сталин — великая мать мира, вскармливающая само время.

Обретение этой истины, столь сильное и столь неожиданное, принесло Макару Борисовичу долгожданный покой. Всем своим обновлённым и окрепшим естеством, вибрирующим от неземного восторга, он почувствовал, что его трактат закончен. Ложь о Сталине погибла, а истина о нём стала плотью. Он не знал более, жив ли он ещё или уже мёртв. Но теперь это не имело никакого значения.

Егорий Простоспичкин
ТАМ НИЧЕГО НЕ БЫЛО

18

В зале царил душный желтяной столбняк, который в знойные лета бывает в занимающих целый дом городских апартаментах после полудня, и графиня, откинувшись на спинку дивана, лениво обмахивалась веером. Жужжали мухи, методично присаживаясь то на прямой благородный носик красавицы, то норовя проникнуть под корсет. На щеках графини толстым слоем лежал макияж, ничуть не скрывая природной красоты, потрескавшаяся и щиплющая кожу, смешанная с потом, маска — утром, когда графиня накладывала на лицо крем и пудру поверх еще вчерашних крема и пудры, она дрожала и постанывала от предвкушения близкого часа послеполуденного диванного полусна. Уже тогда, когда из открытого горничной окна теплый ветер вместе с гудком клаксона или шумом толпы или же дребезжанием таксомотора силился ворваться в спальню сквозь тяжелую темную занавесь, но не мог приподнять ее или отвести в сторону, графиня ощущала надсадное пощипывание под корсетом, надетым на нее графом перед отъездом в командировку. Корсеты невинности как-то незаметно вошли в обиход — это было поветрием, невинной модой поначалу, и красавицы щеголяли, это имело статусное значение, особый шик, на богемных балах в корсетах, но с течением лет стало и в быту делом своеобразнейшим.

Из груди графини вырвался стон — она мечтала о том времени, когда наконец изобретут какие-нибудь приборы для охлаждения воздуха и зажиточные графы непременно захотят установить их в домах. А пока это оставалось только уделом фантазии. Шел

1998 год от р. Хр. Графиня сменила положение, так как диван под нагими ягодицами взмок от пота, и со вздохом рухнула на подушки. Хотелось почесать интимное место, как это иногда делают дамы, но корсет плотно прилегал к коже и был сделан из непластичного плексигласа, который, кстати, и придумали использовать в самолетостроении только после того, как были опубликованы дневники графини Н.

Помнится, это произвело бум, настоящую революцию в средствах коммуникации. Толпы графьев в элегантных смокингах и с сигарами, деловито раскланивающиеся, словно по-мановению волшебной палочки, ринулись испробовать этот новый аттракцион, за ними следовали и дамы, жеманно подгибающие пальчики и таинственно перешептывающиеся, в шляпках, с зонтиками от солнца, подобные морю экзотических грибков. Самолет живо взмывал ввысь, слышались первые хлопки откупориваемого шампанского, смех, звон бокалов и оркестр. Кто-то предпочитал уединиться в каюте для работы, скрипел пером, кто-нибудь другой внезапно впадал в меланхолию, как это подчас случается у людей высокой душевной организации, и, прильнув к иллюминатору, скрывал хлынувшие слезы. Потрескивали под искусственных шелков платьями назлектризованные корсеты и незаметно пролетали приятные часы, за игрой ли в нарды, в изысканный труп, за беседою ли, пока под визг дам и напряженное молчание графьев, самолет не входил в пике.

Удар, звон бьющейся посуды — и пары, приятно потрясенные, высыпают из ничуть не пострадавшего самолета на поле, где заливается жаворонок. Похожий на пожилого конферансье стюард раздает указания девушкам, бородатые, закаленные в воздушных баталиях пилоты разжигают трубки и добродушно смеются, а подалече, почесывая в затылках, крестьяне побросали косы и дивятся невиданному для них зрелищу — где-ж еще простому человеку увидеть графьев, всегда занятых по-службе и заботливо управляющих жизнью

страны, собравшимися вместе, да и где — на поле, сразу у нашей деревни, у Синих Пенок!

«Вот в один из таких дней, — думает графиня, ногтем большого пальца левой руки пытающаяся проникнуть под плотно прилегающий к зачесавшейся груди корсет, — мы с графом отчего-то удалились от группы. Не помню уж, — думает она, — что стало тому основанием, обида ли, нанесенная Владимиру графьями, жулившими в изысканного трупа (а Володя к таким вещам как ложь испытывает соответственное его крови отвращение и не проходит мимо, где бы ни встретилось у людей злопахательство или обман), неудобный ли корсет, доставленный посыльным с утра, а может это было желание поприветствовать одетых в черные полотняные рубахи бородатых крестьян, которые о чем-то своим улыбались, двигаясь группами по двое-трое дорогою, вьющейся меж полей и холмов, и словно бы приглашали принять участие в их разговоре (Володя старается первым узнавать о нуждах людей), но так или иначе, мы оставили за спиной праздничный шум обмена впечатлениями и вышли в поле».

Сокол, описывавший в тот день круги над полем, мог бы увидеть, как пара, отделившаяся от окружавшей самолет разноцветной толпы, миновала платановую рощу, медленно обогнула холм, потом другой, перешла вброд мелкий ручей, взобралась на кручу, углубилась в смешанный лес, наткнулась на тропинку и уверенно двинулась по ней по-направлению к мрачно высящемуся в центре посередшей голой поляны Дому Ашеров.

Все вселяло ужас у Дома Ашеров. Куропатки не решались залетать сюда, бабочкам не было над чем виться, и даже ошалевшая лосиха, спасающая лосят от охотников, что с рожками и лаем собак под топот копыт осенью, продрогшие под мелким дождем прочесывали округу в поисках дичи, спешила скрыться в лесу, чуть выглянув на поляну и завидя Дом. Да и сами охотники, помещики из местных и гости их, не решались попросить огоньку в Доме Ашеров и объезжали

это место стороной. Казалось, тень отбрасывала каждая стена, и даже в яркий солнечный день над поляной зависала напряженная тихая гиблость. И только единственно лишь из всех звуков кукушкина песня имела дозволение доноситься сюда из леса в любое время.

Граф с графиней пересекли поляну и остановились у парадного.

«Володя, мне хотелось бы попить, а у меня в рюкзаке только пряники». — Молвила графиня.

«Дорогая, давай попросим воды, этот дом словно бы послала нам сама судьба!» — Благородно улыбаясь, раскатисто ответил граф и, слегка наклонившись, нажал находившуюся на уровне пояса кнопку интерфона.

Послышалось мелодичное гудение и щелкнул дверной замок. «Эта дверь приводится в действие электричеством!» — С уважением подумал граф.

Электричество было новомодным изобретением, его поставляли за большие деньги и только в семьи знатного статуса, для чего прокладывались специальные медные кабели от ближайшего соленого моря. Граф не очень хорошо представлял себе, как его добывали, но в журнале ему приходилось читать, что для этого над морем протягивали сетку, опуская в море стержни. В море при этом с самолетов заливали химикалии. Так или иначе, потратиться на электричество означало бы для графа финансовую смерть, насколько заманчивым это ни было с точки зрения статуса.

Граф нажал на массивную темную ручку, из металла выполненную в форме двух приставленных друг к другу основаниями рогов, и медленно раскрылись высокие створки, обнажая дверной проем, из которого повеяло холодом. Он пригласил графиню пройти вперед, как того требовало приличие. Графиню проглотила крошечная темнота, а створки дверей слегка поколебались. Преодолевая тянущее желание тотчас шагнуть вслед, осязательно исходившее из проема, граф прошел вдоль стены, рассчитывая найти другую

дверь, заглянул в узкое окно на уровне земли и ему стало не по-себе. Кладка в глубине амбразуры казалась совсем свежей. Он попробовал ногтями подцепить один из кирпичей, но, обломав ноготь, выругался и решил поискать другую возможность проникнуть вовнутрь. Он обогнул угол дома и вздрогнул от неожиданности, внутренне напрягшись. Сердце его застучало, как в тот раз, когда впервые они с супругой, поддавшись на уговоры друзей, приняли участие в падении самолета. Прямо перед ним стоял высокий старик в широкополой черной шляпе, и в таком же черном, воронова крыла, пальто до пят. Ничто в цвета пергамента лице старика не выражало удивления неожиданной встрече. Он внимательно глядел своими цепкими, из-под приопущенных век, глазами в лицо графа и чего-то ожидал.

«Мы с женою наткнулись на Ваш дом и Татьяне захотелось попить, и я подумал...» — Начал было граф, но старик резким пренебрежительным взмахом руки велел ему молчать. Графа поразила рука старика — она была серого цвета и словно птичьей, длинные со многими фалангами пальцы перемикались перепонками. На мгновение ужас сковал графа, но, опомнившись, он бросился что есть мочи бежать к спасительному лесу.

Достигнув леса, граф позволил себе отдышаться, нашел тропинку и побежал. Однако уже несколькими минутами позже чувство ответственности за Татьяну взяло верх над страхом и он остановился. Выкурив сигару, он спокойно зашагал по тропинке обратно, обдумывая на ходу план действий.

«Ворваться... нет, это может показаться смешным. Если старик выскочит из-за угла, я наброшусь на него первым».

Граф поднял с земли камень с острыми краями и опустил в карман смокинга.

«Старик, если он... Старики... А если они уже ждут на опушке?»

У графа перехватило дыхание.

«Значит так, чтобы не показаться смешным, надо... Впрочем, сначала потребовать выдать Татьяну. А если ее...»

Граф замер, не донеся ногу до земли, помотал головой, отгоняя наваждение, и пошел дальше.

«Короче, спокойно выхожу на поляну... Нет, схожу с тропинки... Фотоаппарат... У меня же есть с собой фотоаппарат! Сфотографировать со всех сторон и доложить в полицию? Люди моего круга не поймут этого. Засмеют. Лучше сделаем так: сначала кладу фотоаппарат в конце тропинки и выманиваю старика, а потом его камнем, когда наклонится. Отличная идея!»

Граф похлопал в ладоши и расплылся в улыбке, после чего задрал голову и застучал себя кулаками в грудь, говоря «ыыы», как он привык в одиночестве выражать упоение удачной мыслью. Затем подобрался и продолжил путь.

«Ну вот, они выбегают, а я их камнем!.. Блин, но они тогда полезут... Замкнутый круг...»

За такими размышлениями граф приблизился ко входу на поляну. Каково же было его удивление, когда, вместо дюжины взбешенных стариков, увидел он графиню, которая помахала ему рукой от дверей дома и даже как будто подпрыгнула, сомневаясь, заметил ли он.

«Но старики могли выставить ее как приманку. — Подумал граф. — От них всего можно ожидать. Они и сами могли бы принять ее облик, если бы захотели. Я должен быть начеку».

С этими мыслями, граф радушно улыбнулся, помахал Татьяне рукой и быстро вышел на поляну.

«Татьяна! Ты такая бледная! Я же так волновался! Как только ты вошла, двери за тобой захлопнулись, а я, решив во что бы то ни стало помочь тебе, стал колотить в них. Вот видишь, камень, — сказал граф и показал найденный в лесу камень, — этот камень сбросили с крыши и он пролетел почти у самого моего виска. Но я не сдавался, а решил взломать дверь. С этой целью я должен был найти в лесу крепкую палку. Дол-

го же я искал подходящий сук, Татьяна, и, представь себе, нашел! Он точно бы подошел к двери, крепкий, жилистый, дубовый сук. Конечно, выкинул его, когда увидел тебя невредимой. Что с тобой произошло? Что там было внутри?»

«Ах, Владимир, ты всегда подозреваешь худшее и идешь войной на несправедливость, и это, конечно же очень важно в твоей работе. Между тем, в доме ничего не было».

«Как?»

«Ну так, Владимир, когда я вошла, то там ничего не было».

«Пустой дом?»

«Нет, вообще ничего не было».

«Не понимаю, ты наверное неправильно выражаешь свою мысль».

«Нет, я стараюсь быть точной: внутри вообще ничего не было».

«Гм. Я не могу этого понять».

«Есть вещи, Владимир, которые может понять только женщина».

«Но я всегда вникаю в твои проблемы, ты же знаешь!» — Приложив руку к груди в области сердца, сказал граф.

«Да, Володя, ты прав, и я не обвиняю тебя в отсутствии желания понять, но ты сам сказал минуту назад, что не можешь сделать этого».

Лицо графа побелело и он ничего не ответил. Ему свойственна была выдержка, но в этот раз он едва удержал себя в руках, чтобы не высказать своих чувств. Ни слова не говоря, он повернулся и, заложив руки за спину, быстро зашагал по тропинке, надеясь не проронить ни слова вплоть до места падения самолета. В глазах графини блеснули слезы. Она поняла, что сделала нечто, что очень трудно будет исправить, ведь существуют грани, перешагнув через которые, трудно повернуть назад, и есть слова, обида сердечная, нанесенная которыми, долго еще будет хорониться в груди, горечью отдаваясь во всем, что будет про-

исходить между близкими друзьями. И намеренное оскорбление не стоит и пяди волос оскорбления, нанесенного по-недоумию.

Понурившись, графиня последовала вслед за графом и спустя полтора часа они достигли места падения, где их уже с тревогою ждали.

«Когда Володя последний раз уезжал в командировку, — подумала графиня, невольно мечтая о шиле, с помощью которого, возможно, удалось бы проникнуть под казавшийся пылающим корсет, — он, мне кажется, все еще немного дулся на меня».

Вздохнув, графиня откинула голову и посмотрела на часы, поднялась с дивана и проплыла сквозь липкую духоту в уборную, где смыла макияж, после чего проследовала в будуар, чтобы, отодвинув в сторону шкафчик, ногтем нажать на едва приметную шляпку гвоздя в стене. Ее глаза загорелись. Послышалось шипение и абсолютно незаметная дверца, питавшаяся электрическим током от трех портативных бочонков амонтильядо, медленно раскрылась. На графиню оттуда повеяло приятно освежающим ледяным ветром. Она сделала шаг в темноту.

«Я дождалась трех часов, как Вы и учили вчера, Сеньор!» — Прогрели ее слова, и если бы вы прятались в будуаре, как свойственно некоторым проходцам-повесам, то не слышали бы ничего, но только ледяной стужею сковало бы ваши кости в жаркий этот день и бежали бы вы вон.

Был слышен щелчок замка, треск разъезжающейся молнии и корсет упал с тела женщины. Ее тело слилось в пароксизме любви воедино с Сеньором. Чертоги Ничто были оглашены ее завываниями. Дом Ашеров кричал немым ужасом и жители окрестных деревень затыкали уши, заливаясь изнутри мраком. Осеняли себя крестным знамением понуро бредущие по ровной линии прорезавшей поля дороге крестьяне, облаченные в серые гимнастерки.

Сеньор же не проронил ни звука.

м е р т в ы й

т е к с т

Матей Вишнек
**САМЫЕ ХРУПКИЕ
ПЛОДЫ ДЕМОКРАТИИ¹**

Мелкий человечек оказался прав. Люди стали умирать от холода.

Каждое утро, когда гроздья тел разделялись, на полу общей спальни оставались самые хрупкие плоды демократии. Свернувшиеся в клубок трупы надо было закапывать, и могильщиков выбирали жеребьевкой. Замерзший грунт туго поддавался киркам и лопатам. Каждую яму приходилось силком выдаблывать в упрямой плоти земли. Люди уже проклинали мертвых. Живые возненавидели мертвых. Неделю за неделей живые ожесточенно боролись с мертвыми.

Потом один из могильщиков умер, прямо когда копал могилу. Его опустили рядом с тем, для кого он ее копал. Живые начинали ненавидеть друг друга. Каждый мог за ночь стать источником жестоких страданий для остальных. Голоса зароптали. Они роптали на мертвых. Зачем надо закапывать мертвых? Что, нельзя просто побросать их в пустой бассейн или в помойную яму колонии? Нет, был ответ. Мертвых нельзя бросать. Демократия заботится о своих мертвых. Демократия не может бросить своих мертвых, потому

---

¹ Глава из романа «Господин К. на воле» (Издательство Ивана Лимбаха, 2014). Перевод с румынского Анастасии Старостиной.

что демократия никогда не бросает своих. Неважно, мертвых или живых.

Снова поднимался ропот. Недовольные и кипящие ненавистью голоса обратились против *живых*. Разве это не форменное предательство — умирать, разве те, что вот так брали и умирали, — не предатели? Разве это не долг каждого — остаться в живых в эти суровые времена? Жить, просто чтобы не обременять других тяжелым трудом закапывания. Один ропщущий голос окончательно обезумел. Живите, сволочи, кричал голос, живите! Живите, подонки, живите, никому неохота вас закапывать. По всей видимости, голос, который окончательно обезумел, сам был при смерти.

Тем не менее живые несколько раз собирались, чтобы обсудить, как быть с мертвыми. Не рациональнее ли складировать мертвых где-нибудь до весны, когда земля как-никак оттает? Это никакое не бесчестие для мертвых, если они подождут до весны. Да хоть бы и до конца света, завопил еще один голос, который находился на грани безумия. Голос, который находился на грани безумия, тут же заткнули. Слово давалось только разумным голосам. Перешли к голосованию. Совершенно удивительным образом, хотя народ был сыт по горло копанием могил для мертвых, большинство потребовало, чтобы мертвых уважили. Снова живые копали могилы для мертвых. Снова случалось, что живые умирали, копая могилы для мертвых.

Когда голоса, которые явно находились на грани безумия, получили значительный численный перевес над разумными голосами, было еще раз созвано собрание. Голоса, которые явно находились на грани безумия, распоясались, как никогда. Эти голоса считали, что до сих пор никто не говорил правды. Так что они начали говорить правду. Правда состояла в том, что в самое сердце демократии прокралось что-то, пока неизвестно что: ЛОЖЬ, НЕНАВИСТЬ или ВРАГ. Иначе как объяснить то, что творилось? Почему в мире принципов, близких к совершенству, зима длилась дольше, чем в других мирах, и почему копание могил

занимало больше времени, чем *где бы то ни было?* Разумные голоса сгрудились в углу и зашущукались. Потом разумные голоса дали ответ. Во-первых, нет никаких других миров, кроме тех двух, о существовании которых знают все. Во-вторых, что значит *где бы то ни было?* В-третьих, мертвых надо предавать земле во что бы то ни стало, потому что человека надо любить во что бы то ни стало.

Перешли к голосованию, и снова, самым что ни на есть удивительным образом, голоса, которые находились на грани безумия, проиграли, хотя у них был значительный численный перевес.

Рене Домаль
КАТЕХИЗИС²

К пробуждению у Господина кюре всегда чуть нагнаивались глаза, но в то утро расклеить веки было особенно тяжело. Он промыл их ромашковым отваром и посмотрел на себя в зеркало. Глаза наконец-то открылись, стало свежее и легче, однако результат Господина кюре все равно не удовлетворил. Он видел свои глаза открытыми, но чувствовал их закрытыми. Словно внутри черепа имелась пара других очей со смеженными свинцовыми веками, обращенных в ночные миры. Он потряс головой, дабы отогнать мучительные мысли, но еще ошутимее почувствовал, как внутри закачались глазные яблоки. Откуда-то из памяти вознесся голос:

Секреция желез Мейбома
это секрет Духа Святого...

Он перекрестился. Стало еще хуже. Теперь он прекрасно ощущал эти веки и напряжение мышц, удерживающих их сомкнутыми, а также чувствовал, как они пытаются открыться, и ему требовалось усилие, чтобы держать невидимые глаза закрытыми. «Ах! Неужели я свихнулся? Господи, избави меня от сего искушения». Но Господь не отвечал, а ощущение стало напоминать желание чихнуть. «Открою или не открою?»

Переминаясь на месте, как школьник, которому учительница не разрешает выйти на минутку из класса, Господин кюре начал торопливо рыться в словаре

---

² Перевод с французского Валерия Кислова.

«Вопросы совести» из энциклопедии Миня. «Посмотрим: *глаз...* ничего! *глаза ...* ничего! *секрет...* *секреция...* ничего! *желание...* ничего! *неодолимое...* ничего! Ничего! Ничего. Ну что ж, по крайней мере, совесть моя чиста. Этот грех в списке не значитися. Наберемся мужества. Открываем!»

В голове раздался оглушительный треск, как если бы выдрали зуб — причем без анестезии и откуда-то изнутри, из глубокого средоточия всех костей. Затем — бесшумное скольжение, быстрое, но, кажется, нескончаемое, как подъем театрального занавеса. И все. Больше ничего. Это следовало обдумать.

Господин кюре положил в карман сутаны маленький хлебушек, чтобы съесть его после службы, и отправился в церковь. Поклон хозяину табачной лавки, поклон полицейскому, каламбур церковному сторожу, фривольное словцо прислужнице, взимающей плату за стулья, шлепок мальчишке-певчому, все как всегда, все как всегда, но впервые Господин кюре наблюдал за Господином кюре в его обычной жизни. Отслужил, как всегда, плохо, но на сей раз слушал себя.

За службой следовала катехизация. Все дети были в сборе, кроме двух, больных свинкой, итого дюжина: тупые и разбитные, чумазные и приглаженные, рахитичные и коренастые. Кюре хлопнул в ладоши, по фунту мяса в каждой, и, когда дети прекратили бужить, объявил:

— Дети мои, мы хорошо поработали в этом году и, надеюсь, все будем готовы к Святой трапезе.

А про себя прошептал: «Мы будем все готовы... А ведь и вправду, я всегда говорю им *мы*. Никогда не замечал». И продолжил:

— Сегодня, мы пройдемся по катехизису с самого начала. Но не так, как обычно. Поскольку мы хорошо выучили катехизис, то вряд ли стоит еще раз читать его наизусть. Вы будете отвечать то, что подсказывают вам сердце и совесть, словно вы никогда ничего не учили: будете отвечать только то, что диктует ваша (он

чуть не добавил «невинная», но удержался) душа.
Итак, Гюстав!

Гюстав, сын путевого сторожа, — не тупой и не разбитной, не чумазый и не приглаженный, не рахитичный и не коренастый, не веселый и не грустный, не красивый и не уродливый — в общем, образцовый ученик — приблизился.

— Скажи, дитя мое, что есть Бог?

Гюстав со знанием дела шмыгнул, раздулся, как волынка, и затыкнул:

— Бог — это чистый ду...

— Дубина! — рявкнул кюре и отвесил ему фунт мяса — это была правая длань.

Гюстав убежал в угол и расплакался. Воцарилась мертвая тишина. Такого еще не видели. Арсен, сын жандарма, описался. Муха замерла на лету.

— Ненес! — вызвал кюре.

Ненес, сын прачки, чистый и коренастый, без шеи, но с подбородком в пол-лица, подошел на цыпочках.

— Что есть Бог?

— *(дрожащим голосом)* Бог есть любовь...

— Экий умник!

И бац! — по хребтине.

— Огюст!

Подошел, не вынимая пальца из носа, рыхлый толстяк в бархатных штанах, врезавшихся в ягодицы. Выслушал вопрос, промямлил: «Э-э... Ну...», получил оплеуху и отвалил уже с двумя пальцами в носу.

— Фердинан!

Деятнадцатилетний Фердинан проходил катехизацию со своим братом-близнецом Гасдрубалом. Их мама, овдовев, переживала духовный кризис и, обратившись к религии, решила дать сыновьям христианское образование, которого те были лишены из-за материалистического упрямства покойного отца, держателя похоронного бюро и закоренелого атеиста. Близнецы недавно сдали экзамены на степень бакалавра (по философии) с оценкой «хорошо». Оба были отстающими с самых разных точек зрения.

— Фердинан, что есть Бог?

Фердинан кокетливо поправил галстук, свел большой и указательный пальцы, словно ухватывая в воздухе мысль, и заявил: «Бог есть необходимая суть, которую можно полностью отрицать». Засим получил звонкую затрещину и, насупившись, отошел.

Его сменил брат Гасдрубал, который кокетливо поправил галстук, свел большой и указательный пальцы и с чувством превосходства торжественно заявил: «Бог есть абсолютно произвольная суть, которую можно полностью признать».

Трах!

Брат, нахохлившись, отошел.

— Арсен!

Сын жандарма не вышел.

— Где Арсен?

— Сбежал, Господин кюре, — ответил Огюст.

— Вот паршивец, — заметил кюре и, подойдя к двери, запер ее на ключ. А сам подумал: «Сообразительный мальчуган».

— Хьюг!

Выдвинулся школьник Хьюг.

— Что есть Бог?

— Это голубь...

Бух! по шкодливой физиономии.

— Бебер! Что есть Бог?

— Отец наш небес...

— Не бес...? Ну-ка повтори: не бес...?

— Небес...

Бум! по больному зубу.

— Захария! Что есть Бог?

— Младенец Иисус...

Бац!

— Октав! Что есть Бог?

— Наш Спаситель, который...

Хрясь!

Малолетняя публика уже дрожала и скорбно покусывала.

— Мариюс! Что есть Бог?

— Это когда...

Трах!

— Шпинат!

Подошел сын ветеринара, дурачок по прозвищу Шпинат. У него были длинные соломенные ресницы, конопляные волосы и тело моллюска с кожицей, которая от страха и ступора побелела и, если бы не россыпь веснушек, стала бы совершенно прозрачной.

— Шпинат, что есть Бог? — отрешенно промолвил кюре.

Подросток сжался как губка, отчего слева и справа от переносицы выкатилось по хрустальной горошине, и, вздохнув, ответил:

— Это... плюха.

Тишина. Мертвая тишина. Кюре замер. Через минуту оживилась муха. Шпинат ждал; тем временем слезы докатились до подбородка.

— Ну что ж, дитя мое, можешь вернуться на место, — произнес кюре. — Раз катехизис мы уже знаем, то сейчас все вместе пропоем ежедневную молитву.

Он сел за фисгармонию, и началось гудение:

«Очи наши же меси но не бей всех да свей птица и мятво вовое дотри диод овца с твие твоеое еда бубу дед воли яд вово я яка на ней беси и наземь ли хлебно аж на суше дождь на дне неси а ста винам дол ганаша яка же мы остов валяем дожди ком машем и не веди нас войск ушение но изба вин на сад лука вава. Аминь!»

Вот так.

«Хоть бы, — думал, возвращаясь домой, Господин кюре, — хоть бы это не дошло до ушей Его Святейшества». Он зябко вздрогнул, медленно и грузно, как театральная занавес, смежил веки, свинцовые шторы. Затем облегченно передохнул.

Другая версия той же истории

*поп отпел
благодарно алаверды
и опупел
от своей белиберды*

1935

Флэнн О'Брайен
БРАТ ДЖОНА ДАФФИ³

Собственно говоря, эту историю вообще не стоило бы записывать или рассказывать. Записать или рассказать ее значит ее испортить. Потому что человек, переживший то странное приключение, о котором мы расскажем, никогда и никому о нем не упоминал, и в том, что он навсегда запечатал эту тайну в своей памяти, и заключается вся суть этой истории. Поэтому мы должны признать эту загвоздку с самого начала — что нам рассказывать эту историю нелепо, как нелепо кому бы то ни было ее слушать, и совершенно невероятно, чтобы кто-либо в нее поверил.

Мы, однако, окажем этому человеку одну любезность. Мы не станем называть его полным именем. Это даст нам возможность поведать о его тайне, а ему — и дальше честно смотреть друзьям в глаза. Правда, мы можем сказать, что фамилия его Даффи. В мире существуют тысячи Даффи; даже в этот самый миг, возможно, в каком-нибудь его уголке новый Даффи явился на свет. Мы можем даже дойти до того, чтобы сказать, что он — брат Джона Даффи. Тут мы не нарушаем никаких клятв, ибо, даже если и есть сотня Джонов Даффи, и можно встретиться и расспросить каждого из них, наружу не выплывет никаких новых, сбивающих с толку подробностей. А все потому, что этот самый Джон Даффи никогда не покидал ни своего дома, ни своей постели, никогда в жизни ни с кем не разговаривал и никогда ни с кем

---

³ John Duffy's Brother, 1940. Перевод с английского Валерия Вотрина.

не виделся, кроме одного человека. Человека этого звали Гамли. Гамли был доктор. Он присутствовал при рождении Джона Даффи — и при его кончине, наступившей час спустя.

Брат Джона Даффи жил один в Инчикоре, в небольшом доме, стоявшем на возвышенности. По утрам, одеваясь, он озираал безмятежным, но пристальным взглядом всю панораму от широкой речной долины Лиффи до склонов Финикс-парк. Обычно реку было не разглядеть, однако, если утро было солнечное, она лежала в ладони долины, словно длинное, сверкающее копьё. Казалось, она подобно почтенному семьянину спешит в Дублин, словно бы на работу.

Иной раз, вспомнив, что его часы спешат, брат Джона Даффи улучал минутку, чтобы приникнуть к отцовской подзорной трубе и орлиным взглядом окинуть долину. Слева лежала деревушка Чейплизод, которую было бы совсем не различить, если бы каждое утро ее обитатели не выпускали, словно специально для мистера Даффи, ленивый клуб дыма, чтобы указать свое местонахождение.

Труба мистера Даффи обычно задерживалась на фигуре мужчины, спешащего по верховьям парка и исчезавшего из виду в направлении форта Мэгэзин. Впереди обычно бежал вприпрыжку маленький белый терьер, который временами задерживался по некоему частному делу, а потом срывался с места, чтобы нагнать хозяина.

Человек держал обычно на изгибе руки некий инструмент, который мистер Даффи принял было за дробовик, не то за патентованный карабин, пока одним утром, когда человек держал его за приклад и ловко бил лежавшие на земле бутылки, мистер Даффи, наконец, не разглядел — к небольшому своему разочарованию, — что предмет был обыкновенной тростью.

Так вышло, что того человека звали Мартин Смаллен. Он был машинистом на пенсии и тихо жил

со своей сестрой деликатного сложения в Паркгейте, на Кэннон-роу, дом четыре. Мистер Даффи не знал его имени, и ему было не суждено встретиться с ним или свести знакомство, однако уместно будет упомянуть, что однажды они стояли рядышком за стойкой питейного заведения на Литтл-Истер-стрит, так друг друга и не признав, словно два совершенных незнакомца. Мистер Смаллен заказал виски, мистер Даффи — крепкий портер.

Сестру мистера Смаллена звали не Смаллен, а Гоггинз, и была она вдовой покойного Пола Гоггинза, оптового торговца тканями. Мистер Даффи никогда о ней не слышал. У нее был кузен по имени Лео Корр, не так чтобы совершенно не известный полиции. Его приговорили в 1924 году к тяжелым работам по делу об изготовлении поддельных дензнаков. Миссис Гоггинз никогда не виделась с ним, но слышала, что, выйдя на свободу, он эмигрировал в Лабрадор.

Насчет подозрной трубы. Любопытная история связана с ее владельцем, тоже звавшимся Даффи, ныне покойным моряком торгового флота. Несмотря на то, что ему не удалось приобщиться к благам университетского образования — в море он ушел шестнадцати лет, после происшествия, связанного с несовершенным пониманием того, что есть сексуальные отношения, — он был ученого склада ума и частенько, будучи в отгуле, проводил послеобеденные часы, наслаждаясь книжкой Гомера или подмечая с усмешкой эрудита скверную латынь «ангелического доктора»⁴. Четвертого числа июля месяца 1927 года, в четыре часа, он лишился разума в своей гостиной. Тем же вечером, в восемь, к дому в закрытом экипаже прибыло четверо, дабы забрать его из круга смертных и изолировать для его же блага.

Можно возразить, что все вышесказанное имеет малое касательство к истории с братом Джона Даффи,

---

⁴ Имеется в виду Фома Аквинский, носивший это почетное звание — *doctor angelicus*. (Прим. перев.)

однако современная литература, будем надеяться, уже миновала тот этап, когда рассказ о простых событиях развивается в пустоте, без какой-либо отсылки к породившим их силам психологического и наследственного свойства, которые действуют на заднем плане. Итак, рассказав обо всем этом, можно теперь кратко описать то происшествие с братом Джона Даффи.

Однажды утром — а именно 9 марта 1932 года — он поднялся, оделся и приготовил свой скудный завтрак. Тотчас же после этого им завладела странная мысль, что он — поезд. Никакой попытке истолкования сие не поддается. Маленькие мальчики иногда изображают поезда, и в мире есть немало тучных женщин, которых на расстоянии можно принять за составы. Но брат Джона Даффи был убежден, что он и *есть* поезд — длинный, громяхающий и громадный, с клубами белого пара, шумно вырывающимися из-под колес, с нутряным ревом, ритмично исходящим из трубы.

Более того, он был уверен, что он совершенно определенный поезд, тот, что приходит в Дублин в 9.20. Его спальня была его станцией отправления. Он стоял абсолютно недвижимо целых двадцать минут, зная, что хороший поезд всегда пунктуален и в отправлении, и в прибытии. Он часто посматривал на часы, чтобы не пропустить время. На его часах были надписи «Ударостойкие» и «Железнодорожный хронометр».

Ровно в 9.20 он испустил пронзительный свисток, тяжело привел всю массу своего металла в движение и отбыл в город. Поезд прибыл ровно по расписанию по месту своего назначения, каковым была контора «Полтер энд Полтер, адвокаты, комиссары по приведению к присяге». По понятным причинам название фирмы вымышлено. В конторе находилось двое — старый мистер Крэнберри и молодой мистер Ходж. Оба были клерки и находились под началом

мистера Даффи. Разумеется, имена обоих также вымышлены.

— Доброе утро, мистер Даффи, — произнес мистер Крэнберри. Он был стар и учтив и пожелтел за годы работы в фирме.

Мистер Даффи удивленно посмотрел на него.

— Разве вы не видите, что я — поезд? — осведомился он. — Отчего вы зовете меня мистер Даффи?

Мистер Крэнберри хохотнул и подмигнул мистеру Ходжу, молодому, аккуратному, привлекательному, сидевшему за своей пишущей машинкой.

— Добро, мистер Поезд, — сказал он. — Прохладное утро, сэр. Тяжело, наверное, разводить пары в такое прохладное утро, сэр.

— Нелегко, — подтвердил мистер Даффи. Со знанием дела он совершил маневр в сторону своего кресла и терпеливо подождал, пока служащие фирмы сноровисто его расцепят. Мистер Ходж хихикал за его катком.

— А дешевые поездки имеются, сэр? — спросил он.

— Нет, — ответил мистер Даффи. — Есть сезонные билеты, разумеется.

— Полагаю, в третьем и в первом классе, сэр?

— Нет, — сказал мистер Даффи. — Из уважения к герру Марксу все классовые различия в пассажирском подвижном составе отменены.

— Понятно, — произнес мистер Крэнберри.

— Это ж коммунизм, — сказал мистер Ходж.

— Он имеет в виду, — разъяснил мистер Крэнберри, — что теперь все едут первым классом.

— Сколько колес у вашего паровоза? — спросил мистер Ходж. — Три больших?

— Я вам не товарный поезд, — язвительно ответил мистер Даффи. — Расположение колес пассажирского локомотива — четыре-четыре-два: два больших ведущих на каждой стороне, соединенных, разумеется, с четырехколесной тележкой, и два маленьких в кабине управления. Почему вы спрашиваете?

— Перрон мешает, — заметил мистер Крэнберри. — Он не может их видеть.

— Ах да, — сказал мистер Даффи. — Я забыл.

— Полагаю, вы используете много угля? — спросил мистер Ходж.

— Примерно с полтонны на каждые тридцать миль, — медленно произнес мистер Даффи, мысленно просчитывая потребление угля в то утро. — Право, частые остановки на пригородных станциях съедают много топлива.

— Уверен, что так оно и есть, — сочувственно согласился мистер Ходж.

Они проговорили так еще с полчаса, до прихода пожилого мистера Полтера, мрачно проследовавшего в свой кабинет. Как только это произошло, беседа закончилась. До самого обеда слышен был только скрип перьев да щелканье пишущей машинки.

Брат Джона Даффи всегда уходил домой на обед в час тридцать. И он, следовательно, начал разводить пары в двенадцать сорок пять, чтобы отправление прошло без задержки. Когда «Железнодорожный хронометр» показал час тридцать, он испустил еще один леденящий душу свисток и медленно выкатился из конторы, не удостоив своих сослуживцев ни словом, ни взглядом. Домой он прибыл точно по расписанию.

Мы подходим к самой интересной части нашего повествования, происшествию, которое придает значительности всей истории. На середине обеда брат Джона Даффи вдруг почувствовал, что нечто важное, нечто странное, знаменательное и волшебное овладевает его мозгом, ослабляя невероятное напряжение и заливая участки, где было темно, чистым светом. Он уронил вилку и нож и сидел какое-то время с шальными глазами и ощущением непрожеванной картошки во рту. Затем он глотнул, встал, шатаясь, из-за стола и подошел к окну, вытирая со лба выступившую испарину.

Он глядел на светлый день — уже не поезд, а смертельно испуганный человек. Мало-

помаду события того утра стали восстанавливаться в его памяти. Насколько он мог припомнить, он никого не убил, не бранился скверными словами, не бил окон. Он только поговорил с Крэнберри и Ходжем. На дороге не появлялся темный фургон, набитый людьми в форме. Поникнув, он сидел над недоеденным обедом.

Брат Джона Даффи был в некотором роде человек мужественный. Когда он возвратился в контору, в желудке у него было некоторое количество виски, и час стоял несколько позже обычного. Ходж и Крэнберри, казалось, были всецело поглощены своими бумагами. Небрежным движением он повесил свою шляпу и заметил:

— Боюсь, поезд немного запоздал с прибытием.

Из-под нахмуренных бровей он остро вглядывался в лицо Крэнберри. Кажется, он заметил тень рассеянной улыбки, промелькнувшей по безмятежному лицу старика, в то время как оба клерка не отрывались от бумаг. Улыбка, возможно, означала, что шутка, сказанная утром, не годится на тот же вечер. Ходж внезапно поднялся и в молчании проследовал с письмами в кабинет мистера Полтера. Брат Джона Даффи вздохнул и устало опустил в свое кресло.

Когда он уходил, на сердце у него было легче, и он подумал, что у него есть неплохой повод купить еще спиртного. Никто, кроме него, не знал о его тайне, и никто никогда не узнает.

Это было полное исцеление. Странный недуг больше не возвращался. Но и по сей день брат Джона Даффи вздрагивает от грохота поезда, проходящего по туннелю Лиффи, и застывает, словно вращая в землю, на железнодорожном переезде — безмолвно, что называется, как на том пике в Дариэне⁵.

---

⁵ Имеется в виду последняя строка знаменитого сонета «По прочтении Гомера в переводе Чапмена» английского поэта Джона Китса. Ср. в русском переводе Игнатия Ивановского: А может быть, Кортес в тот вечный миг // Когда, ис-

МУЧЕНИЧЕСКИЙ ВЕНЕЦ⁶

Мистер Тул и мистер О'Хики шли как-то утром по улице.

За мистером Тулом водилась одна странность. У него была привычка, идя с кем-нибудь в компании, приветствовать людей совершенно незнакомых — но только незнакомцев важного вида и в дорогом наряде. Таким манером он давал понять, что знает больших людей и что сам он, хоть и беден, — тоже немало важная особа, переживающая не самые лучшие дни по причине некоего тщательно скрываемого жертвенного поступка, совершенного когда-то в угоду несокрушимым жизненным принципам. Большинство незнакомцев, будучи оторваны от своих мыслей, с запинкой возвращали приветствие. А мистер Тул был хитер. На этом он останавливался. Своему спутнику он не говорил ни слова, однако с помощью какого-нибудь почти неприметного жеста, хмыканья, покачивания головой, глухого проклятия у него всегда получалось вырвать единственный и неповторимый вопрос, звучащий музыкой для его уха: *«Кто это был?»*

Вид у мистера Тула был потрепанный, и точно такой же вид был у мистера О'Хики, однако потрепанность мистера О'Хики была опрятной и аккуратной. Он был постарше и поумнее и прекрасно знал о вывертах мистера Тула. «Так или иначе, — думал он, — мистер Тул лучше любого спектакля». И сейчас он знал, что мистер Тул меряет улицу испытующим взглядом.

— Чтоб меня! — вдруг вырвалось у мистера Тула.

«Пошло дело», — подумал мистер О'Хики.

— Видите того карлика с тросточкой и в шляпе? — осведомился мистер Тул.

каньем славы обуян, // С безмолвной свитой он взошел на пик // И вдруг увидел Тихий океан.

⁶ The Martyr's Crown, 1950

Мистер О'Хики видел. К ним приближался молодой человек неподражаемой эlegantности: высокий, светловолосый, одетый в темное; даже с расстояния пятидесяти ярдов на них, казалось, повеяло холодом от его высокомерия.

— Десять против одного, что он меня просто не заметит, — сказал мистер Тул. — Таких субчиков еще свет не видывал.

Мистер О'Хики приготовился к развязке, какой еще не видел свет. Противники поравнялись друг с другом.

— Ну, как живем-можем, Шон Ухара? — гаркнул мистер Тул.

Выдержка у молодого человека была прекрасная. В ответ он не выказал ни злости, ни пренебрежения, ровным счетом ничего. Он просто прошел мимо, но оставил за собой шлейф такого презрения, что даже мистер Тул на мгновение побледнел. Этот случай напугал мистера О'Хики.

— Кто... кто это был? — наконец, выговорил он.

— Я знал его мать, — в задумчивости ответил мистер Тул. — Это была святая женщина. — Тут он замолчал.

Мистер О'Хики подумал: ничего не остается, как улестить его — в который уже раз. Он направился к пабу и заказал там две пинты портера.

— Как вам известно, — начал мистер Тул, — я был правой рукой у Барта Конлона. А Барт в двадцать втором оказался ясно на чьей стороне⁷.

Мистер О'Хики молча кивнул. Он знал, что мистеру Тулу никогда не приходилось служить родине с оружием в руках.

---

⁷ В 1922 году в Ирландии шла гражданская война: сторонникам заключенного с Англией договора об относительной независимости Ирландии в статусе доминиона противостояли более радикальные силы, требующие немедленной и полной независимости.

— Так, значит, — продолжал мистер Тул, — выдался как-то денек в самом начале двадцать первого, когда получили мы донесение, что ожидается облава на контору Шин Фейн на Харкур-стрит. Вышло так, что у одного скотского скототорговца из графства Мит была на другой стороне улицы контора. И он был в ладах с одним типом по имени Мик Коллинз. Смекаете, куда я клоню?

— Смекаю, — ответил мистер О'Хики.

— Нас было шестеро, — сказал мистер Тул, — вместе со мной, под началом Барта Конлона. Наш скототорговец получает срочный вызов выкатиться из своей конторы не когда-нибудь, а в четыре часа, а в половине пятого мы шестером уже внутри, имея при себе два автомата, винтовки и что-то вроде самодельной бомбы, какие Барт мастерил у себя на кухне. Военные на двух грузовиках прибывают на ту сторону улицы в пять. Это же время указывалось и в донесении. Думаю, на этого Мика Коллинза работал кто-то в военном министерстве в Лондоне. Англичан он любил страшно и был пунктуален до чертиков.

— Он был прекрасным организатором, — сказал мистер О'Хики.

— Мы, значит, встали у стены и ну давай поливать их из окон, они только знай валялись с грузовиков. Святые угодники! Я такого человекоубийства в жизни не видал. Те даже не поняли, что творится, а многие и обеспокоиться не успели, потому что у некоторых просто не осталось голов. Потом Барт отдает приказ отходить по лестнице; и тут же мы уже в переулке, пять минут — и мы шестером уже наверху у Мартина Фулхэма, в его пабе на Кэмден-стрит. Бедняга Мартин сейчас уже на том свете.

— Я хорошо его знал, — добавил мистер О'Хики.

— Как вам его не знать, — сказал мистер Тул с теплотой. — Ясно, на нас шестерых открыли охоту. Так или иначе, новый приказ приходит в шесть часов. Весь личный состав должен проследовать в военном порядке, поодиночке и разными маршрутами к дому

одной деательницы из »Коман-на-ман»⁸, вдовы по имени Клаферти, что жила на южной стороне. Там-то мы и должны были залечь до получения нового приказа идти и сражаться. Ох, и тяжелое времечко тогда было; никогда не позабыть мне миссис Клаферти! И чудесной же женщиной она была. В жизни не видел, чтобы женщина так пекла хлеб.

Мистер О'Хики обвел взглядом потолок.

— Она была, — спросил он, — она была... не того?

— Ничего и близко не было, — громко и резко ответил мистер Тул. — Господи, да мы тогда совсем о другом думали. Несчастлиная женщина, одна, в трехэтажном доме, на втором этаже — какой-то висельник, сама — на первом этаже, а на верхнем прячется шестеро кровожадных забульдогов, и каждый готов палить с места, ежели что. Каждое утро мы получали такой харч, что я до сих пор такого не видел, да »Индепендент» в придачу. «Злодейство на Харкур-стрит». «Вооруженным людям удалось скрыться». Нам и вправду удалось скрыться, черт меня задери. Но была одна загвоздка. Мы не могли и носа наружу высунуть. Сидели без движения — а это означает только одно...

— Запор? — догадался мистер О'Хики.

— Он самый, — ответил мистер Тул.

Мистер О'Хики покачал головой.

— Мы сидели там неделю. Курили, играли в карты, но, едва било девять, миссис Клаферти поднималась наверх, и будь ты протестант, католик или иудей, всему личному составу положено было преклонять колена. Очень хорошая... строгая... женщина, понимаете, истинная дочь Ирландии. А теперь расскажу самое, черт подери, интересное. Одним вечером, часов в пять,

---

⁸ «Коман-на-ман» (Cumann na mBan, «Лига женщин») — военнизированная женская добровольческая организация, созданная в 1914 году и сыгравшая важную роль в подготовке и проведении Пасхального восстания 1916 года в Дублине.

слышу внизу какой-то шум и выглядываю в окно. Святые праведные угодники!

— Что, что там был за шум? — заинтересовался мистер О'Хики.

— Что вы думаете — два грузовика, набитых солдатами, и с одного соскакивает офицер, подбегает и начинает барабанить в дверь, а все томми позади берут оружие наизготовку. Попались! Вот правильное слово — *попались*! Если и были когда-нибудь крысы в клетке, так это были мы, несчастные храбрецы, отличившиеся в битве на Харкур-стрит. Господи!

— Они поставили вас в то, что называется невыгодное положение, — согласился мистер О'Хики.

— Она как раз принесла нам чаю. На ней была просторная серебристая сатиновая блузка; как сейчас ее вижу. Она повернулась к нам и окинула одним только взглядом, словно говоря: *«Тихо вы, нервозные слюнтяи!»* Потом она чуть-чуть замешкивается с посудой и — топ-топ-топ — сходит вниз, так что весь дом ходуном. И я тут замечаю...

— Что? — спросил мистер О'Хики.

— Она была миловидной... теперь-то вы меня поймете, мистер О'Хики, — произнес мистер Тул. — В общем, я увидел ее пальцы на пуговицах блузки перед тем, как она сошла вниз.

Тактичный мистер О'Хики с пониманием кивнул.

— Я прислушался к тому, что творится на лестнице. Такого топота я никогда в жизни не слышивал. Она ссыпается вниз и распаивает входную дверь. Этот щенок снаружи спрашивает — спрашивает — гнусавым голосом: «Мужчины в доме есть?» От ее ответа я прямо остоленел. Самым волнующим голосом, какой мне доводилось слышать за пределами Мур-стрит, она говорит: «Кэнешно, нет, в такой-то час; но, Господь свидетель, как хотелось бы, чтобы были. Ведь это какво одинокой несчастной женщине без них, а господин офицер?» Вы только гляньте. Да я чуть с лестницы не свалился прямо на них двоих. А следом слышу: «Мадам то да мадам

сё», и «Простите за беспокойство да прошу прощения», и «Я верю тому да верю этому», потом доносится шепот, а под конец входная дверь закрывается, и они — в комнату. Этот молодой болван с пограничным выговором в одной комнате со штабс-капитаном «Команна-ман»! *Нацеди-ка еще два портера, Мик!*

— Весьма странно, что ни говори, — заметил мистер О'Хики.

— Я возвращаюсь в комнату и сажусь. Барт держит оружие наизготовку, и мы все смотрим друг на друга. Проходит десять минут, и мы слышим еще один звук.

Мистер Тул с ненужной тщательностью наполнил свой бокал.

— Это был звук отъезжающих грузовиков, — сказал он наконец. — Она спасла нам жизнь, и когда она поднялась к нам немного погодя, то произнесла: «Сегодня мы все ложимся спать немного раньше, мальчики; а ну-ка, преклоните колена». Такова была святая миссис Клаферти.

Мистер О'Хики занимался своей бутылкой с той же тщательностью, склонив мудрую голову.

* * *

— Вот что я хотел спросить, — сказал мистер О'Хики, — история и впрямь чрезвычайная, но какое она имеет отношение к тому юному воображалу, что мы встретили на улице, тому, с манерами?

— Да вы сами разве не видите? — с удивлением спросил мистер Тул. — В течение семисот лет тысячи — да какое там, миллионы — ирландских мужчин и женщин умирали за Ирландию. Они попусту не трепались; они были бы счастливы пойти на смерть снова и снова. Но тот юноша был рожден за Ирландию. Подобных ему никогда не было. Разве это не повод для гордости?

— Господи сохрани! — воскликнул мистер О'Хики.

— Вот и я говорю — святая, — горячо подтвердил мистер Тул. — О том и разговор — мученица она и приняла мученический венец!

Агата Кристи
ВСЕ РАВНО⁹

Топор

«Проходите, доктор. Да, сюда. Да, это я Вас вызвала. С моим мужем произошел несчастный случай. Да, думаю, это серьезно. Даже очень серьезно. Нужно подняться наверх. Он в нашей спальне. Проходите сюда. Извините, кровать не застелена. Понимаете, я немного растерялась, когда увидела столько крови. Даже не представляю, как у меня хватит духу все это отмыть. Пожалуй, лучше я вообще перееду отсюда».

«Вот спальня, проходите. Он там, рядом с кроватью, на ковре. У него из черепа торчит топор. Хотите его осмотреть? Да, осмотрите. Нелепый несчастный случай, правда? Он упал с кровати во сне...упал прямо на этот топор».

«Да, топор наш. Обычно он лежит в гостиной, возле камина, мы им колем растопку».

«Почему он оказался возле кровати? Понятия не имею. Должно быть, муж сам прислонил его к тумбочке. Может, боялся воров. Наш дом стоит довольно в уединенном месте».

«Вы говорите, он мертв? Я сразу подумала, что он умер. Но решила, что пусть лучше врач в этом удостоверится».

«Вы хотите позвонить? Ах да! В скорую, верно? В полицию? Зачем в полицию? Это ведь несчастный случай. Он просто упал с кровати...прямо на топор».

---

⁹ C'est égal, 2005. Перевод с французского Дарьи Бочаровой.

Да, такое бывает редко. Но в жизни столько нелепых случайностей».

«О! Вы, наверное, думаете, что это я поставила топор возле кровати, чтобы он упал прямо на него? Но разве я могла предвидеть, что он вообще свалится с кровати?»

«А может, Вы даже думаете, что это я его толкнула, а потом совершенно спокойно легла спать — наконец-то одна в нашей большой кровати, не слыша его храпа и не чувствуя его запаха!»

«Ну что Вы, доктор, неужели Вы можете предполагать такие вещи? Нет, Вы просто не можете...»

«Это правда, я прекрасно спала. Уже много лет я не спала так хорошо. Проснулась только в восемь утра. Посмотрела в окно. Дул ветер. Белые, серые круглые облака играли перед солнцем. Я была счастлива и думала, что с облаками никогда не знаешь наперед. Может быть, они вот-вот рассеются — они так быстро неслись по небу, — а может быть, снова соберутся вместе и опустятся нам на плечи дождем. Мне было все равно. Я очень люблю дождь. Да и вообще в то утро все казалось мне прекрасным. Я чувствовала необыкновенную легкость, словно наконец избавилась от бремени, которое так долго...»

«И только тогда, повернув голову, я увидела это несчастье и сразу же Вам позвонила».

«Вы тоже хотите позвонить? Вот телефон. Вы вызываете скорую? Вы распорядитесь, чтобы тело забрали, да?»

«Вы говорите, что скорая — за мной? Не понимаю. Я ведь не ранена. У меня ничего не болит, я прекрасно себя чувствую. Кровь на моей ночной рубашке — это всего лишь кровь моего мужа. Она брызнула, когда...»

Поезд на север

Скульптура в парке, неподалеку от заброшенного вокзала, изображающая человека и собаку. Собака

стоит, человек — на коленях. Он обнимает собаку за шею, слегка склонив голову.

Глаза собаки смотрят на равнину, что уходит в бесконечность слева от вокзала, глаза человека устремлены прямо перед собой, поверх спины собаки, они смотрят на рельсы, заросшие травой, где уже давно не проходит ни один поезд. Деревня, которую обслуживала эта заброшенная станция, покинута жителями. Есть ещё несколько горожан, влюблённых в природу и одиночество, которые селятся здесь в тёплое время года, но у всех у них есть автомобиль.

Есть еще старик, который бродит по парку и утверждает, что именно он изваял эту собаку, а потом, обняв ее — ведь он ее очень любил, — сам превратился в камень.

Когда его спрашивают, как же так вышло, что он всё-таки здесь, живой, во плоти, он простодушно отвечает, что ждёт следующего поезда на Север.

Ни у кого не хватает духу сказать ему, что поезда на Север больше не ходят, что отсюда вообще больше никуда не ходят поезда. Ему предлагают подвезти его на машине, но он лишь качает головой.

— Нет, не на машине. Меня ждут на вокзале.

Тогда ему предлагают отвезти его на вокзал — на любой вокзал на Севере. Он снова качает головой.

— Нет, спасибо. Я должен поехать на поезде. Я написал письма. Моей матери и моей жене тоже. Я написал, что приеду вечерним поездом в восемь часов. Жена ждет меня на вокзале вместе с детьми. И мать тоже ждет. С тех пор, как умер мой отец, она ждет меня на похороны. Я обещал ей приехать. И ещё я снова хочу увидеть жену и детей, которых я... бросил. Да, я их бросил. Чтобы стать великим художником. Я писал картины, занимался скульптурой. А теперь мне хочется вернуться домой.

— Но всё это — письмо Вашей матери и жене, похороны Вашего отца... Когда всё это было?

— Всё это случилось... тогда, когда я отравил свою собаку. Она не хотела отпускать меня. Цеплялась за

мою куртку, за брюки, она выла каждый раз, когда я пытался сесть на поезд. Тогда я отравил её и похоронил здесь, под этой скульптурой.

— Значит, скульптура уже была здесь?

— Нет, я изваял ее на следующий день. Я высек своего пса здесь, на его могиле. А когда пришел поезд на Север, я в последний раз обнял его и... окаменел, прижавшись к его шее. Даже мертвый, он не хотел отпускать меня.

— И все же Вы здесь. И все ждете поезд.

Старик смеется:

«Я не так безумен, как Вы думаете. Я прекрасно знаю, что меня не существует, что я — каменная статуя, лежащая на спине своего пса. Я знаю и то, что поезда здесь больше не ходят. Знаю и то, что моего отца давно похоронили, что моя мать тоже умерла и уже не ждет меня ни на каком вокзале. Меня вообще никто не ждет. Моя жена снова вышла замуж, дети выросли. Я стар, сударь, очень стар, гораздо старше, чем Вы можете себе представить. Я — статуя. Я никуда не уеду. Все это — всего лишь игра между мной и моим псом, игра, в которую мы играли долгие годы, игра, которую он выиграл еще в тот миг, когда я впервые его встретил.

Дома

Будет ли это в этой жизни или в другой?

Я вернусь домой.

Снаружи будут выть деревья, но они больше не будут внушать мне страх. Ни красные облака, ни огни города.

Я вернусь домой — в свой дом, которого у меня никогда не было. Или который остался так далеко, что я уже не помню его. Потому что это был не мой дом. Не по-настоящему. Никогда.

Завтра у меня наконец будет свой дом. В бедном квартале большого города. В бедном квартале — ведь как разбогатеть, если у тебя ничего нет, если ты прие-

хал издалека, из ниоткуда, и никогда не стремился стать богатым?

В большом городе, потому что в маленьких городах стоят лишь несколько обездоленных домов, тогда как только в больших городах есть бесконечные темные улицы, где скрываются такие же люди, как я.

По этим улицам я пойду к своему дому.

Я пойду по этим улицам, исхлестанным ветром, залитым лунным светом.

Грузные женщины, вышедшие подышать вечерней прохладой, будут молча смотреть, как я прохожу мимо. А я буду здороваться со всеми, переполненная счастьем. Почти оголенные дети будут путаться у меня под ногами. Я подниму их на руки, вспоминая своих, которые уже выросли, стали богатыми и счастливыми где-то далеко. Я буду гладить этих чужих детей и дарить им красивые, редкие вещи. Я помогу подняться пьяному, упавшему в сточную канаву, утешу женщину, которая бежит, крича в ночи, выслушаю ее страдания и успокою её.

Вернувшись домой, я устанно лягу на кровать, неважно как она выглядит. Занавески будут колыхаться, словно облака.

Так будет идти время. Под моими сомкнутыми веками будут проплывать картины того дурного сна, которым была моя жизнь.

Но они больше не причинят мне боли.

Я буду дома. Одна. Старая. Счастливая.

Канал

Мужчина смотрел, как уходит его жизнь.

В нескольких метрах от него всё ещё горел его автомобиль.

На земле смешались красное и белое: кровь и снег, месячные и семя, а вдали синели горы, опоясанные чередой огней.

Мужчина думал:

«Слишком рано зажигают. Еще не ночь. Звезды. Я не знаю их названий. Никогда не знал».

Тошнота, головокружение. Человек снова засыпает и вновь видит свой сон, свой кошмар, тот же, всё тот же.

Он идёт по улицам родного города и ищет, как добраться до своего сына. Сына, который ждёт его в одном из домов города, в том доме, где он сам когда-то ждал своего отца.

Только он заблудился, он больше не узнаёт места, невозможно найти свою улицу, свой дом.

«Они всё изменили, всё».

Он выходит на главную площадь, вокруг него сияют дома, да, они сделаны из жёлтого металла и стекла и взмывают к самым облакам.

«Что они наделали? Это чудовищно!»

Потом он понимает.

«Они нашли золото. Золото, о котором говорили старики, золото скал, золото легенд. Они нашли его и построили золотой город, единственный в своём роде город, город из кошмара».

Он покидает площадь и оказывается на старой широкой улице, обрамлённой деревянными домами, ветхими сараями. Земля пыльная, и ему приятно идти босиком по этой мягкой пыли.

«Вот моя улица, я нашёл её, я больше не заблудился, здесь ничего не изменилось».

И всё же царит какое-то странное напряжение. Мужчина оборачивается и видит пуму на другом конце улицы.

Великолепный зверь, бежево-золотистый, чья шелковистая шерсть блестит под палящим солнцем. Всё горит. Дома, сараи вспыхивают, но он должен продолжать идти меж этих двух огненных стен, потому что пума тоже приходит в движение и следует за ним поодаль, с величественной медлительностью.

«Куда укрыться? Выхода нет. Пламя или клыки. Может быть, в конце улицы? Эта улица где-то должна кончаться, бесконечности не существует, все улицы

кончаются, они выходят на площадь, на другую улицу. Помогите!» Он закричал. Пума рядом с ним, прямо за спиной. Мужчина больше не смеет обернуться, он не может идти дальше, ноги его врастают в землю. Он ждёт с несказанным ужасом, что зверь, наконец, прыгнет ему на спину, разорвёт его от плеч до бёдер, изодрёт голову.

Но пума проходит мимо, продолжая свой путь, невозмутимая, и ложится у ног ребёнка, которого раньше здесь не было, но который только что появился и который гладит голову пумы.

Ребёнок смотрит на человека, парализованного страхом.

— Она не злая, она моя. Вы не должны её бояться, она не ест мяса, она ест только души. Пламени больше нет, костёр погас, вся улица — лишь мягкий, остывший пепел.

Улыбка озаряет черты мужчины.

— Ты, может быть, мой сын? Ты ждал меня?

— Я никого не ждал, но да, ты мой отец. Следуй за мной.

Ребёнок ведёт его на окраину города, где течёт река с жёлтыми отблесками, освещённая мощными прожекторами. Силуэты, лежащие на спине, отдаются течению, глаза их обращены к звёздному небу.

Человек усмехается.

— Сказочные создания? Старики, вот что. Я узнаю моего отца и мою мать в водах реки вечной молодости.

Пума, золотистая, окаменевшая, потягивается на фасаде исполинского здания.

— Нет, — говорит пума, — ты слишком глуп. Не смейся. Это не река вечной молодости, это канализация города, что уносит отбросы. Мёртвых и всё, от чего хотелось бы избавиться: нечистую совесть, ошибки, предательства покинутых, измены, преступления, убийства.

— Здесь были убийства?

— Да. Всё это уносит прозрачная вода искупления. Но мёртвые возвращаются, море их не принимает.

Оно отсылает их обратно по другому каналу, который приводит их сюда. Потом они кружат вокруг города, как души прежних времён.

— А вид у них всё же счастливый.

— Их лица застыли в вечном выражении вежливости. Но что они чувствуют — кто мог бы это знать?

— Ты, наверное.

— Я вижу только внешнее. Я лишь констатирую.

— Что же ты констатируешь?

— Что всякое внешнее, окружённое другим внешним, становится внутренним так же, несомненно, как внутреннее, впускающее в себя внутреннее, обращается во внешнее.

— Я не понимаю.

— Это не имеет никакого значения. Ты сейчас умрёшь, ты упадёшь в канал и будешь кружить вокруг города.

— Нет. Я, если умру, взлечу к звёздам.

— Птицы тоже падают, когда умирают, а у тебя вдобавок нет даже крыльев.

— Мой сын?

— Он здесь, за твоей спиной, он тебе поможет.

Ребёнок поднимает хрупкую руку, чтобы коснуться спины мужчины, и тот падает без единого крика. Он отдаётся воде канала, устремив глаза к звёздам, которых больше не видит.

Пожав плечами, ребёнок уходит.

Пума вздыхает:

— Так оно и есть, из поколения в поколение.

Она склоняет свою большую голову на передние лапы, и всё здание рушится.

Смерть рабочего

Незавершённым остался слог, повисший между окном и вазой с цветами.

Незавершённым — жест твоих ослабевших пальцев, выводящих половину заглавной буквы «Н» на простынях.

— Нет!

Ты думал, что достаточно держать глаза открытыми, чтобы смерть не смогла тебя достать. Ты распахнул их так широко, как только хватило сил, но пришла ночь и заключила тебя в свои объятия.

Еще вчера ты думал о своей машине, которую не успел домыть в ту субботу, уже такую далекую, когда впервые почувствовал сильную боль в животе.

— Рак, сказал врач. И безупречная чистота больничной койки наполнила тебя ужасом.

Даже твои руки со временем стали белыми — день за днём, неделя за неделей, месяц за месяцем. Исчезло въевшееся в кожу масло; ногти больше не ломались, а отрастали длинными и розовыми, как у чиновника.

Вечерами ты плакал молча, без всхлипываний, без содроганий, только слезы тихо стекали на подушку — без единого звука — в общей палате, где зелёный свет ночников вырезал глубокие впадины на щеках и под глазами твоих соседей по палате.

Нет, ты был не один.

Вас было шестеро или семеро — и каждый мог умереть со дня на день.

Как на фабрике. Там ты тоже был не один: вас было двадцать, а то и пятьдесят, и изо дня в день вы повторяли одно и то же движение.

Твоя фабрика производила не только часы. Она производила и трупы.

И в больнице, как и на фабрике, вам нечего было сказать друг другу.

Ты думал, что остальные спят. Или что они уже умерли.

Остальные думали, что спишь ты. Или что ты уже умер.

Никто не говорил, и ты тоже.

Ты больше не хотел говорить, ты хотел только вспомнить что-то, но не знал что.

Не о чем было вспоминать. Твои воспоминания, твою молодость, твою силу, твою жизнь — все это за-

брала фабрика. Она не оставила тебе ничего, кроме усталости, смертельной усталости сорока лет труда.

Я больше не ем

Слишком поздно. Я больше не ем. Я отказываюсь от хлеба и вспышек нервов. Отказываюсь и от материнской груди, которую в этих молочных кухнях страдания предлагают всем новорождённым.

Меня кормили кукурузой, едва я научился жить, а затем — фасолью.

Всё, чего я никогда не пробовал, стало для меня святыней, пока я воровал нашу жалкую картошку на бескрайних полях моей родины.

Теперь у меня есть белая скатерть, хрусталь, серебро, но лосось и седло косули пришли слишком поздно.

Я больше не ем.

Улыбаясь, я поднимаю бокал редкого вина в честь моих гостей на вечернем ужине. Потом ставлю пустой бокал на стол, и мои белые, исхудавшие пальцы глядят вышитые цветы на скатерти.

Я вспоминаю...

И я смеюсь, глядя на своих сотрапезников, жадно склонившихся над рагу из зайца, которого я сам подстрелил на тесных полях их родной страны.

Который на самом деле — всего лишь их любимый домашний кот.

Учителя

В годы моей учебы я питал живейшую нежность к своим учителям. Они внушали мне такое восхищение и уважение, что я чувствовал себя обязанным защищать их от жестокости моих одноклассников.

Бессмысленные попытки учителей возмущали меня. Даже когда они ставили плохие оценки. Плохие оценки не имеют никакого значения — так зачем же причинять зло этим слабым, беззащитным существам?

Помню одного из моих товарищей, который, весь-ма ловко, бесшумно подкрадывался сзади к нашему учителю биологии и сквозь позвоночник вытягивал у него нервы, чтобы раздать их нам.

Из его нервов можно было смастерить немало вещей, например музыкальные инструменты. Чем более изношен был нерв, тем нежнее был звук.

Наш учитель математики сильно отличался от учителя биологии. Его нервы были совершенно непригодны. Зато у него был совершенно лысый череп, на котором удобно было циркулем чертить безупречные круги. Их окружность я тщательно записывал в блокнот, чтобы позже сделать выводы.

Мои товарищи, грубые невежды, разумеется, не находили ничего лучше, чем тайком запускать из своих рогаток — сделанных, кстати, из тех самых нервов, о которых я уже говорил, — по моим окружностям, когда учитель, повернувшись к нам спиной, чертил на доске прямоугольный треугольник для теоремы Пифагора.

Скажу ещё несколько слов о нашем талантливом учителе литературы. Совсем немного, потому что я знаю: чужие школьные воспоминания обычно скучны для тех, кто их слушает.

Итак, однажды этот человек запустил мне в голову мелом, чтобы вырвать меня из привычного утреннего сна. Я терпеть не могу, когда меня так будят, но я во все не рассердился, так глубока была моя любовь к учителям и к мелу. Из-за нехватки кальция я тогда поглощал огромное количество мела. От этого у меня много поднимался жар, но я никогда не пользовался этим, чтобы пропускать школу, ведь — не устаю повторять — я любил учителей и в особенности (высоко-талантливого) преподавателя литературы.

Именно поэтому, сжалившись над этим несчастным, после того как ученики в очередной раз расправились с одним из его стихотворений, ровно в половине первого, в парке рядом со школой, с помощью ска-

калки, забытой там маленькими девочками, я положил конец его страданиям.

За этот гуманитарный поступок меня наградили семью годами тюрьмы. И, признаться, я ни разу об этом не пожалел: эти семь лет оказались необыкновенно поучительными, а моя привязанность к тюремщикам и восхищение директором тюрьмы были поистине велики.

Но это уже совсем другая история.

Писатель

Я удалился, чтобы написать труд всей моей жизни.

Я великий писатель. Никто ещё этого не знает, ведь я пока ничего не написал. Но когда я напишу её, мою книгу, мой роман...

Вот почему я оставил работу чиновника и... и что ещё? Ничего больше. Ведь друзей у меня никогда не было, подруг — тем более. И всё же я удалился от мира, чтобы написать великий роман.

Беда в том, что я не знаю, о чём будет мой роман. Обо всём и о чём угодно уже столько написано.

Я чувствую, я почти уверен, что я — великий писатель. Но ни одна тема не кажется мне достаточно хорошей, достаточно значительной, достаточно интересной, чтобы быть достойной моего таланта.

Поэтому я жду. И, пока жду, я, разумеется, страдаю от одиночества, а иногда и от голода. Но именно через это страдание я надеюсь достичь такого состояния души, в котором мне откроется тема, достойная моего таланта.

К сожалению, тема всё не появляется. Моё одиночество становится всё тяжелее и невыносимее, меня окружает тишина, пустота заполняет всё вокруг, хотя квартира у меня совсем небольшая.

Но эти три ужасные вещи — одиночество, тишина и пустота — прорывают мою крышу, взрываются до

самых звёзд, простираются в бесконечность, и я уже не понимаю, дождь это или снег, фён или муссон.

И тогда я кричу:

— Я напишу всё. Всё, что только можно написать.

И чей-то голос отвечает мне — с иронией, но всё-таки это голос:

— Ладно, сынок. Всё — так всё. Но не больше, договорились?

Ребенок

Они сидят там, на террасе кафе. Смотрят, как проходят люди. Люди идут, как всегда, как все, как положено — идут. Людям нравится идти своим чередом.

А я плетусь следом за ними. Я злюсь, останавливаюсь, плююсь, плачу, потом сажусь на край тротуара и показываю язык всем проходящим мимо прохожим.

— Ты дурно воспитан, — говорят прохожие.

— Да, ты нас позоришь, — говорят мои родители.

Они меня тоже позорят. Они не купили мне ружьё, красивое ружьё, которое я хотел. Они сказали:

— Это некрасивая игрушка.

А ведь я видел моего отца на военной службе. У него было ружьё, настоящее, чтобы убивать. Но когда я увидел красивые детские ружья, индейские ружья, для охоты, для игры, они сказали, что это очень скверная игрушка, и купили мне волчок!

Вот я сижу на краю тротуара. Встаю, злюсь, плачу, плююсь, кричу:

— Это вы дурно воспитаны, это вы меня позорите: вы говорите неправду, вы притворяетесь добрыми! Когда я вырасту, я вас убью!

Дом

Ему было десять лет.

Он сидел на тротуаре и смотрел, как в грузовик грузят мебель и ящики.

— Что они делают? — спросил он у мальчишки с их улицы, который подошёл и сел рядом.

— Ну как же! Переезжают, — ответил тот. — Я бы хотел стать грузчиком при переездах. Хорошая работа. Надо быть сильным.

— То есть они будут жить в другом доме?

— Конечно. Раз переезжают.

— Бедняги. С ними случилось несчастье?

— Почему несчастье? Наоборот. Они окажутся в доме побольше и покрасивее. На их месте я был бы доволен.

Он вернулся домой, сел на траву в саду и заплакал.

— Не может быть. Покинуть один дом ради другого — это так же грустно, как если бы кого-то убили.

В пятнадцать лет он переехал в другой город. Это было зимой. Из окна поезда он смотрел, как удаляется его детство. Потом, улыбнувшись, сказал матери:

— Надеюсь, тебе будет там хорошо.

Но однажды он снова ступил на порог старого дома — в воскресенье, в начале июня.

Сосед, инвалид, всегда любивший этого вежливого, молчаливого мальчика, был очень рад снова его видеть.

— Садись и расскажи, что с вами случилось в большом городе.

— Здесь ничего не изменилось, — ответил мальчик, окинув взглядом единственную комнату. — Вы позволите мне выйти в сад? Одним шагом он перемахнул через изгородь и снова оказался у себя дома.

Воздух был полон запахом перезрелой малины, увядшей на солнце.

Он шагнул вперёд и увидел его. Дом стоял там, неподвижный, пустой.

— Ты как будто устал, — сказал он ему, — но ты всё же должен знать, что я вернулся.

С тех пор он навещал его каждую неделю, он смотрел на него, он говорил с ним.

— Страдаешь ли ты так же, как я? — спросил он однажды после полудня, когда октябрьский дождь

безжалостно бил в серые стены дома, а окна дрожали на ветру.

— Не плачь, — крикнул он, рыдая, — Я обещаю, что однажды вернусь. Навсегда. Мужчина выглянул в окно и сурово посмотрел в сад.

— Там кто-то есть, — прошептал мальчик, сломленный горем. — Ты впустил другого. Ты меня больше не любишь. Я ненавижу этого человека!

Окно захлопнулось с резким стуком, а поезд снова тронулся и понёсся через мёртвые поля. Вскоре их разделил океан. А потом и время.

Мальчик уже не был мальчиком. Он стал мужчиной.

И время, и океан, огни большого города, дома, касавшиеся облаков, шептали ему по ночам:

— Видишь, видишь, как ты далеко, далеко от меня.

Лица, толпы лиц, однообразие лиц, шум, бессмысленный гам, такой монотонный, что сродни тишине, и часы, колокола, будильники, телефоны, обитые двери, шёпот лифта, смех, безумная, невыносимая музыка.

Над всем этим — голос, смилившийся и почти нелепый, голос далёкий, печальный, старый:

— Видишь, как ты далеко от меня. Ты покинул меня, ты забыл меня.

Маленький мальчик стал теперь богатым человеком. И он решил заново отстроить свой дом, свой первый дом. Домов у него было уже несколько. Один на берегу моря, другой в элитном квартале, шале в горах. Но он желал обладать первым, единственным.

Он обратился к архитектору, сбивчиво описал ему дом своего детства. Архитектор улыбнулся: к нему то и дело обращались с заказами, не имеющими ничего общего с реальностью.

— Мне нужны точные цифры, размеры. Без размеров я ничего не могу сделать.

— Да, понимаю. Я напишу, попрошу всё измерить. Самое главное — веранда и виноградная лоза, которая вьётся по стенам. И не забудьте про пыль на листьях и на виноградных гроздьях.

Когда дом был построен, он кивнул.

— Да, он в точности такой же.

Он улыбался, но глаза его были пусты.

Через несколько дней он уехал, никому ничего не сказав.

Он переезжал с места на место, из города в город, летал самолётами, плавал на кораблях, ездил поездами.

Он всё время был где-то в другом месте, там, где ничто не напоминало ему о самом себе. Холодные огни больших городов были красивы, но чужды, невозможно было даже представить, что их можно полюбить.

— Я велел построить точную копию. Нелепо. Как будто можно скопировать то, что ты когда-то знал.

Большой отель, ни малейшего сходства. Ковер на ступенях, ковер в холле.

— Вам письмо, месье.

В лифте он вскрывает письмо.

«Почему ты уехал?»

Шок. Но дома не пишут писем. Это была всего лишь его жена.

«Почему ты уехал?»

И правда, почему?

Письмо остаётся лежать на столе. Завтра поезда вновь унесутся по рельсам всё дальше, а рельсы будут выть от усталости.

Они так устали, что поезд остановится прямо посреди поля.

Техническая неисправность.

Из вагона первого класса выходит человек. Никто не обращает на него внимания. Он спускается по насыпи и оказывается в мёртвом, раскисшем от грязи поле. Поезд снова трогается. Когда его шум стихает, человек говорит:

— Кажется, ты устал. Но ты должен знать, я вернулся.

Перед ним неподвижно стоит старый дом.

— Ты прекрасен.

Его морщинистые пальцы гладят обветшалые стены.

— Смотри. Я раскидываю руки и обнимаю тебя, как обнимал женщину, которую даже не подумал любить.

Под верандой дома появляется мальчик, глаза его обращены к луне. Человек подходит к нему.

— Я люблю тебя, — говорит он, и ему кажется, что впервые он произносит эти истёртые слова. Ребёнок сурово оглядывает его.

— Малыш, — говорит человек, — почему ты смотришь на луну?

— Я не смотрю на луну, — отвечает раздражённо ребёнок. — Я не смотрю на луну, я смотрю в будущее.

— В будущее? — говорит человек. — Из будущего как раз пришёл я. И там только мёртвые, грязные поля.

— Ты лжёшь, лжёшь, — гневно кричит ребёнок. — Там свет, деньги, любовь, сады, полные цветов!

— Оттуда я и пришёл, — тихо повторяет человек, — и там только мёртвые, грязные поля.

Тогда ребёнок узнаёт его и начинает плакать. Человеку становится стыдно.

— Знаешь, может, это просто потому, что я уехал.

— А, ну ладно, — говорит успокоенный ребёнок. — Я-то никогда не уеду.

Женщина закричала, увидев старика, сидящего под верандой. Он не шелохнулся, услышав этот крик. И всё же он ещё не был мёртв. Он просто сидел там и смотрел на небо, улыбаясь.

Моя сестра Лине, мой брат Ланоз

— Сестра моя Лине, я брожу по улицам. Я не смею сказать тебе этого, хотя ты и так знаешь. Сестра моя, любовь моя, твои губы, изгиб твоих ушей... Сестра моя Лине, для меня нет других девушек, есть только ты. Сестра моя Лине, с самого детства я видел тебя обнажённой, без груди, ещё не ставшей женщиной. Я видел только твои бёдра, во всём остальном ты была такой же, как я. Сестра моя Лине, годы прошли, и я

схожу с ума, чувствуя рядом с собой твои прижатые ко мне бёдра, твоё испуганное лицо, твою губу, дрожащую от сдерживаемых слёз. Лине, сестра моя Лине. Сегодня я увидел в грязном белье твои трусики, испачканные кровью. Ты стала женщиной. Я должен продать тебя, сестра моя. О, сестра моя Лине!

— Брат мой Ланоз, так вот как это бывает? Брат мой Ланоз, ты ушёл сегодня вечером. А я осталась там, одна со стариком, и мне было страшно, потому что тебя не было рядом. Позже они легли, старик и старуха, а ты, брат Ланоз, не вернулся. Я долго ждала у своего окна, пока ты не пришёл с другим мужчиной. Вы вошли в мою комнату, ты и незнакомец, и я сделала всё, что ты хотел, чтобы я сделала. Я женщина, брат Ланоз, я знаю, что должна старику и тебе, я делаю это охотно, брат Ланоз, я готова отдать своё тело кому угодно. Но держи меня за руку, пока старики спят, гладь мои волосы, пока другой берёт меня. Люби меня, Ланоз, брат мой, любовь моя, или затяни мне верёвку на шею.

Всё равно

Вверху, внизу — синие головки чертополоха.

Кто-то что-то поёт.

Какая разница. Это даже не красиво. Это грустная песня, старая, очень старая.

— А завтра? Проснёшься — куда пойдёшь?

— Никуда. Хотя... может быть, всё-таки куда-нибудь пойду.

Какая разница. Всё равно нигде не бывает настоящего хорошо.

Но уснуть трудно. Звонят колокола. Тикают часы.

— Расстелите ваш носовой платок, сударь. Мне хотелось бы опуститься на колени.

— Прошу вас.

Их было двое в трамвае. Один звонил в звонок, другой пробивал билеты.

Некому было сходить на конечной.

А ведь именно там останавливаются все трамваи.

И некому было садиться.

Всё равно.

Они становятся на колени, обмениваются словами.

— Хотите со мной поговорить?

— Я думал, вы хотите помолиться.

— Уже помолился.

— О, это другое дело. Значит, можно ехать дальше.

Я вам позвоню завтра. — Какие новости?

— Как дети?

— Спасибо. Пока что болеют только двое. Старшие ходят по магазинам, чтобы погреться. А у вас?

— Ничего особенного. Наша собака наконец приучилась к чистоте. Мы купили мебель в кредит. Время от времени идёт снег.

Почтовый ящик

Свой почтовый ящик я проверяю дважды в день. В одиннадцать утра и в пять вечера. Почтальон обычно приходит раньше: утром между девятью и одиннадцатью, он очень непунктуален, а после полудня — около четырёх.

Я всегда иду проверять ящик как можно позже, чтобы быть уверенным, что почтальон уже приходил. Иначе пустой ящик подарил бы мне ложную надежду: я бы сказал себе: «Может быть, он ещё не приходил», — и тогда мне пришлось бы спускаться ещё раз, позже.

Открывали ли вы когда-нибудь пустой почтовый ящик? Конечно. Это со всеми случается. Но вам-то на это глубоко наплевать, вам всё равно, пуст он или в нём что-то есть: письмо от вашей тёщи, приглашение на выставку, открытка от друзей с отдыха.

У меня нет тёщи, и быть не может, ведь у меня нет жены. Родителей, братьев и сестёр у меня тоже нет. Во всяком случае, я не могу этого знать.

Я родился в приюте. Не родился там, разумеется, но именно там я осознал, что живу на свете.

Поначалу это казалось мне естественным, я думал, что жизнь и есть это: куча детей, кто больше, кто

меньше, кто злее, кто добрее, и несколько взрослых, которые здесь для того, чтобы защищать нас от старших. Я не знал, что где-то есть другие дети, с родителями, с отцом, матерью, сёстрами, братьями, с семьёй, как это называется.

Позже я встретил их, этих детей из другого мира, у которых были родители, братья, сёстры. И тогда я стал воображать себе родителей, они же у меня были, само собой, дети не рождаются в капусте, а ещё братьев и сестёр или, скромнее, брата или сестру.

Я возложил свою надежду на почтовый ящик.

Я ждал чуда, письма вроде: «Жак, наконец-то я тебя нашёл. Я твой брат, Франсуа».

Я, конечно, предпочёл бы:

«Жак, наконец-то я тебя нашла. Я твоя сестра, Анна-Мария». Но ни Франсуа, ни Анна-Мария меня не находили. И я их тоже не находил. Я довольствовался бы и письмом от матери или отца. Я воображаю их ещё живыми, я ведь довольно молод. Если бы они написали мне, тот или другой, например вот что:

От матери:

«Дорогой Жак, я узнала, что ты хорошо устроился. Поздравляю тебя с тем, что ты добился своего. А я, как и в пору твоего рождения, всё так же в нужде и бедности. Но я рада знать, что ты наконец живёшь в достатке. Если я не смогла удержать и вырастить тебя, как хотела бы, то виноват в этом твой отец, который бросил меня в том положении, в каком я была из-за тебя, несмотря на моё огромное желание прижать тебя к сердцу навсегда.

Теперь я стара, и ты, может быть, мог бы прислать мне немного денег, ведь я твоя мать в большой нужде из-за моего возраста, и никто больше не хочет брать меня на работу. Твоя мать, которая любит тебя и часто о тебе думает».

От отца:

«Дорогой сын. Я всегда мечтал иметь сына, и я горжусь тобой, потому что у тебя хорошее положение. Не знаю, как ты его добился, своего положения, я-то

ни в чём не преуспел, хотя всю жизнь трудился как каторжник. Когда твоя мать сказала мне, что носит тебя под сердцем, я ушёл в море. Я жил в портах и в кабаках и был несчастен от мысли, что где-то у меня есть жена и ребёнок, а я не могу быть с вами. Денег я зарабатывал мало, а то, что получал, пропивал, стараясь заглушить боль, которая жила во мне, когда я думал о вас двоих.

Теперь меня сломили и пьянство, и несчастья. На суда меня больше не берут. Я перебиваюсь случайной работой в портах, но этого почти ни на что не хватает — я уже стар.

Поэтому, если можешь, учитывая моё положение, пришли мне немного денег. Они всегда будут кстати. Любящий тебя отец. Навсегда».

Вот какие письма я ждал, и с какой радостью я поспешил бы им на помощь, с каким счастьем откликнулся бы на их зов.

Но не было ничего, ничего такого в моём почтовом ящике, ничего — до сегодняшнего утра.

Сегодня утром я получил письмо. Оно пришло от одного из крупнейших предпринимателей города. Очень известное имя. Я подумал, что это официальное письмо, предложение работы. Я декоратор. Но началось оно так:

«Сын мой,

Ты был всего лишь ошибкой моей молодости.

Но я взял на себя ответственность. Я обеспечил твоей матери достойное положение. Она могла растить тебя, не работая, но предпочла просто жить на мои деньги, отдав тебя в приют, чтобы и дальше вести беспорядочную жизнь. (Я узнал, что она умерла лет десять назад.)

Сам я, из-за моего очень видного положения, не мог заниматься тобой напрямую, ведь у меня уже была законная семья.

И всё же мне хотелось бы, чтобы ты знал, что я никогда не забывал о тебе и всегда, хотя и не напрямую,

заботился о тебе. (Твоё обучение, стипендия в Школе изящных искусств — всё это было оплачено мной.)

Должен признать, что и ты со своей стороны неплохо устроился, и я тебя с этим поздравляю. Должно быть, это ты унаследовал от меня, потому что я сам тоже начинал с нуля.

К сожалению, других сыновей у меня не было. Только дочери, а мои зятья — люди совершенно ничёмные, бездари.

Теперь я на закате жизни, и приличия мне безразличны. Я решил доверить тебе руководство моими делами, ибо я устал и жажду покоя.

Итак, прошу тебя явиться ко мне в кабинет, по адресу, указанному в шапке письма, второго мая, в пятнадцать часов. Твой отец».

Далее следовала его подпись.

Вот письмо, которое я получил от моего отца после тридцати лет ожидания.

И он, конечно, уверен, что второго мая, ровно в три часа дня, я приду к нему в кабинет, переполненный радостью.

Второе мая — через десять дней.

Сегодня вечером я сижу в аэропорту, я жду самолёт в Индию.

Почему в Индию?

Да куда угодно, лишь бы мой «отец» не смог меня отыскать.

Ошиблись номером

Не знаю, что творится здесь с моим номером телефона. Должно быть, он похож на множество других. Я не жалуясь. Каждый звонок — развлечение в моём однообразном существовании. С тех пор как я без работы, я порой немного скучаю. Не всегда, не постоянно. Дни проходят на удивление быстро. Порой я даже удивляюсь, как можно было втиснуть восемь часов работы в один день, и без того такой короткий.

Зато вечера долги и тихи. Вот почему я радуюсь, когда звонит телефон. Пусть даже чаще всего, почти всегда, это ошибка, и я всего лишь чужой номер. Люди так рассеянны.

— Гараж Лантеман? — спрашивают у меня.

— Нет, благодарю, — говорю я смущённо. (Надо бы избавиться от этой привычки говорить «благодарю» по любому поводу.) Вы ошиблись номером.

— Вот досада, — говорит человек на том конце провода, — я застрял на автостраде между Серьером и Арёзом.

— Сожалею, — говорю я, — я не могу вам помочь с ремонтом.

— Так это гараж Лантеман или как? — и он раздражается.

— Простите, что я не гараж Лантеман, но если я могу быть вам полезен...

Я всегда стараюсь быть любезным по телефону, даже когда это ни к чему. Мало ли. Иногда так заводятся знакомства, друзья.

— Да, вы можете быть мне полезны, если привезёте канистру бензина.

В его голосе надежда, он думает, что напал на проффилю, что, впрочем, правда.

— Сожалею, сударь, у меня нет бензина, есть только немного денатурата.

— Тогда сожгите его, болван! — и он вешает трубку.

Все они одинаковые — эти ошибочные номера. Стоит только оказаться не тем, кто им нужен, как они тут же теряют к вам всякий интерес. А ведь можно было бы немного поговорить.

Я хорошо помню самый лучший ошибочный звонок в моей жизни.

Телефон звонил долго, прежде чем я снял трубку. В то время я был в особенно мрачном настроении.

Это была женщина. В десять часов вечера.

Я ответил усталым голосом, за которым пряталась тоска.

—Алло?

— Марсель?

— Да? — говорю я осторожно.

— О, Марсель, я целую вечность тебя ищу.

— Я тебя тоже.

Это правда, я ищу её всю жизнь.

— Ты тоже? Я так и думала. Помнишь, на берегу озера?

— Нет, не помню.

Я так ответил, потому что я в корне честен, я не люблю хитрить.

— Не помнишь? Ты был пьян?

— Возможно, я довольно часто бываю пьян. Но меня зовут не Марсель.

— Разумеется, — возражает она мне. — Меня тоже зовут не Флоранс.

Что ж, уже кое-что: я знаю, как её не зовут. Я готов повесить трубку, но она вдруг говорит:

— И правда, вы не Марсель. Но у вас красивый голос.

Тут я умолкаю. А она продолжает:

— Очень приятный голос, глубокий, мягкий. Мне бы хотелось вас увидеть, узнать вас.

Я всё молчу.

— Вы там? Почему вы больше не говорите? Я же знаю, что ошиблась номером, вы не Марсель, то есть вы не тот, кто сказал мне, что его зовут Марсель.

Снова молчание. Особенно с моей стороны.

— Вы там? Как вас зовут? Меня зовут Гаранс.

— Не Флоранс? — спрашиваю я.

— Нет, Гаранс. А вас?

— Меня? Люсьен. (Это неправда, но и Гаранс, полагаю, тоже.)

— Люсьен? Красивое имя. Скажите, а если бы мы встретились?

Я ничего не говорю. Пот течёт со лба мне в глаза.

— Это могло бы быть забавно, — говорит Гаранс, — вам не кажется?

— Не знаю.

- Надеюсь, вы не женаты?
- Нет, не женат. (Я и женат, что за мысль!)
- Так что же?
- Да, — отвечаю я.
- Да — что?
- Мы могли бы встретиться, если хотите.

Она смеётся:

— Вы, кажется, застенчивы. Я люблю застенчивых. (Это, должно быть, ей в новинку после Марселя.) Слушайте, я вам кое-что предложу. Завтра после полудня, между четырьмя и пятью часами, я буду в кафе «Театр». Завтра суббота, вы, полагаю, не работаете.

Полагает она верно. Я не работаю по субботам, как и в остальные дни.

— Я надену... — продолжает она, — так, юбку в шотландскую клетку с серой блузкой и чёрным жилетом. Вы легко меня узнаете. Я брюнетка, волосы средней длины. Погодите. (Я только это и делаю.) Передо мной на столе будет книга в красной обложке. А вы?

— Я?

— Да, как я смогу вас узнать? Вы высокий, маленький, худой или полный?

— Я? Как вам угодно. Скорее среднего роста, ни толстый, ни худой.

— У вас есть усы, борода?

— Нет, ничего. Я по-глупому бреюсь каждое утро. (Каждое третье или четвёртое утро, как придётся.)

— Вы носите джинсы?

— Разумеется. (Это неправда, но ей, должно быть, это нравится.)

— И толстый чёрный свитер, полагаю.

— Да, чёрный, чаще всего, — отвечаю я, чтобы ей угодить.

— Хорошо, — говорит она, — волосы короткие?

— Да, короткие, но не очень.

— Вы блондин или брюнет?

Она меня раздражает. Я грязно-буро-седой, но признаться в этом не могу.

— Шатен, — бросаю я ей.

И если ей это не по нраву — что ж, всё равно. Если рассудить, парень со сломанной машиной мне нравился больше.

— Довольно расплывчато, — говорит она, — но я вас узнаю. А если бы вы взяли под мышку газету?

— Какую газету? (Она перегибает. Я никогда не читаю газет.)

— Скажем, «Нувель Обсерватёр».

— Да, могу взять «Нувель Обсерватёр». (Я не знаю, что это, но найду.)

— Итак, до завтра, Люсьен, — говорит она и добавляет перед тем, как повесить трубку: — По-моему, это увлекательно.

Увлекательно! Есть люди, которые с лёгкостью произносят такие слова. Я бы никогда не смог говорить так. Есть уйма слов, которые я не в силах произнести. Например: «увлекательно», «упоительно», «поэтично», «душа», «страдание», «одиночество» и прочее. Просто-напросто я не могу их выговорить. Мне стыдно за них, будто это непристойные слова, ругательства, как «дерьмо», «мерзость», «гадость», «шлюха».

Наутро я покупаю джинсы и толстый чёрный свитер. Продавец говорит, что мне это очень идёт, но я как-то не привык. Захожу ещё и к парикмахеру. Он предлагает мне оттеночный шампунь.

Я поддаюсь: тёмный шатен, ну и пусть, если выйдет плохо, я не пойду. Но выйдет хорошо. У меня волосы красивого каштанового цвета, только я к этому не привык.

Возвращаюсь домой, смотрюсь в зеркало. Часы идут, а я всё смотрюсь в зеркало. И тот, другой, незнакомец, тоже смотрит на меня. Он мне не нравится. Он лучше меня, красивее, моложе, но он — не я. Я-то был хуже, некрасивее, старше, но я к этому привык. Без десяти четыре. Пора идти. Тогда я быстро переодеваюсь, снова надеваю мой вельветовый костюм, коричневый, потёртый, не покупаю газету «Старый Обсерватёр» и прихожу в кафе «Театр» в четыре часа с четвертью.

Сажусь, оглядываюсь.

Подходит официант, я прошу у него бокал красного. Смотрю. Вижу четверых мужчин, играющих в карты, скучающую пару с пустыми взглядами и за другим столиком — одинокую женщину в плиссированной юбке серых тонов, светло-серой блузке, чёрном жилете. На ней ещё длинное ожерелье из трёх серебряных цепочек. (Она про ожерелье не говорила.) Перед ней чашка кофе и книга в красной обложке.

Мне не удаётся определить её возраст из-за расстояния, но я всё же догадываюсь, что она красива, очень красива, слишком красива для меня.

Вижу я и то, что у неё красивые грустные глаза, а в глубине их — что-то вроде одиночества, и мне хочется подойти к ней, но я не могу решиться, ведь я в своей старой одежде из потёртого вельвета. Иду в туалет, гляжу в зеркало, и мои каштановые волосы вызывают у меня стыд. Стыдно мне и за этот порыв, толкавший меня к ней, к «её красивым грустным глазам, а в глубине их — чему-то вроде одиночества», что было лишь глупым капризом моего воображения.

Возвращаюсь в зал, сажусь за ближайший столик, чтобы наблюдать за ней. Она на меня не смотрит. Она ждёт молодого человека в джинсах и толстом чёрном свитере с газетой под мышкой. Она смотрит на часы кафе.

Я не могу удержаться, чтобы не взглянуть на неё, что её, кажется, раздражает, потому что она подзывает официанта и расплачивается за кофе.

В этот миг дверь распаивается, вернее, обе створки двери отлетают, как в вестерне, и молодой человек, моложе меня, входит и останавливается у столика Флоранс-Гаранс. Он в джинсах и чёрном свитере, я почти удивлён, что при нём нет кольта и шпор. Волосы у него тоже чёрные до плеч, красивая борода того же цвета. Он окидывает взглядом присутствующих, в том числе меня, и я отчётливо слышу, что они говорят другу.

Она говорит:

— Марсель!

Он отвечает:

— Почему ты мне не позвонила?

— Понимаешь, была одна цифра, которую я, наверное, неверно расслышала.

— Ты кого-то ждёшь?

— Нет, никого.

А ведь я существую, я здесь, она меня ждала, но, к счастью, я единственный, кто это знает, и нет никакого риска, что я пойду им об этом рассказывать.

Тем более что Марсель говорит:

— Ну что, идём?

— Да.

Она встаёт, и они уходят.

Деревня

Это стало невыносимо.

Под его окнами, выходящими на площадь, некогда очаровательную, гам машин, рычание моторов не смолкали никогда.

Даже ночью. Невозможно спать с открытыми окнами.

Нет, это было поистине больше нестерпимо.

Дети рисковали попасть под колёса, выходя из дома. Ни минуты покоя.

По счастливой случайности ему предложили эту маленькую уединённую ферму, брошенную хозяином, и стоившую сущие гроши. Разумеется, надо было кое-что подлатать. Крышу, покраску. Устроить ещё ванную. Но даже с этим он отлично укладывался. И, по крайней мере, он был у себя дома.

Молоко, яйца, овощи он покупал у соседа-фермера за полцены против того, что стоят эти продукты в городе, в больших магазинах. И продукты чистые, натуральные.

Единственным неудобством были поездки на машине — двадцать километров — четыре раза в день.

Но что такое двадцать километров? Всего каких-нибудь пятнадцать минут.

(Если только не случалась пробка, авария, поломка, полицейская проверка, туман, гололёд или слишком сильный снегопад.)

Школа тоже была далековато, но полчаса ходьбы очень полезны детям.

(Разве что когда идёт дождь, когда идёт снег, когда слишком холодно или слишком жарко.)

Но, в сущности, это был рай.

И он весело посмеивался, когда, приезжая в город, ставил машину на маленькой площади, часто даже под своими прежними окнами. Вдыхая выхлопные газы, он с удовлетворением думал, что избавил от всего этого свою семью.

Потом появился этот проект автострады.

Изучая планы, вывешенные в ратуше, он обнаружил, что будущая шестиполосная дорога пройдёт через середину его фермы или совсем близко от неё. Он был глубоко потрясён, но мгновение спустя его словно осенило: если автострада пройдёт через его ферму или сад, ему выплатят компенсацию. А на компенсацию он мог бы купить другую ферму, в другом месте. Чтобы разрешить сомнения, он попросил о встрече с ответственным лицом.

Тот принял его любезно. Учтиво выслушав, он объяснил, что тот ошибся, читая планы, ведь означенная автострада пройдёт по меньшей мере в ста пятидесяти метрах от его фермы. Стало быть, о компенсации не может быть и речи.

Автострада была построена — великолепное сооружение, — и действительно, между нею и фермой было сто пятьдесят метров. Впрочем, шум был едва слышен, что-то вроде непрерывного гула, к которому быстро привыкаешь. И хозяин фермы утешился мыслью, что с этой автострадой он будет быстрее добираться до работы.

Но из осторожности он отказался покупать молоко у соседа-фермера, ведь коровы фермера паслись те-

перь на обочине большой дороги, где трава, как всем известно, содержит много свинца.

Полгода спустя в пятидесяти метрах от его фермы установили газовые резервуары.

Два года спустя — мусоросжигательный завод, в восьмидесяти метрах. Тяжёлые грузовики приезжали с утра до вечера, и труба завода дымила без перерыва.

Зато в городе, на маленькой площади, движение и стоянку запретили. Там разбили скверик с цветочными клумбами, кустами, скамейками для отдыха и площадкой, предназначенной для детей.

Улицы

С самого детства он любил бродить по улицам.

По улицам этого маленького городка без будущего.

Он жил в центре, в узком одноэтажном доме. Внизу помещалась лавка его родителей, лавка старьевщика, полная всяких диковинных вещей, более или менее старинных. Наверху окна тесной квартирки выходили на главную площадь города, площадь, которая пустела уже к девяти вечера.

После уроков он не сразу возвращался домой, он шёл гулять. Он подолгу разглядывал иные фасады, сидел на скамейку или на низкую ограду.

Так как он был хорошим учеником, родители не беспокоились. К обеду он всегда приходил вовремя, а вечером играл на старом расстроенном пианино в своей комнате. Это была вещь, которую его родители так и не смогли продать: слишком мало кто в городе мог позволить себе пианино, а те, кто мог, покупали новое.

А он играл на старом пианино каждый вечер. Остальное время он гулял по городу, очень маленькому городку, но каждый день он мог открыть в нём улицу, которую ещё никогда не видел, вернее, никогда толком не разглядывал.

Поначалу он довольствовался старым кварталом, рядом с домом. Старинные дома, замок, церкви, извилистые улочки его вполне устраивали. К двенадцати

годам он забирался всё дальше и дальше. Он останавливался на улице, похожей на деревенскую, поражённый её домами, вросшими в землю, окнами у самой земли.

Его влекла сама атмосфера улиц.

Ничем не примечательная улица могла удерживать его внимание месяцами. Он возвращался туда осенью, хотел увидеть её под снегом, хотел угадать, как устроены дома внутри. Он пользовался незадёрнутыми занавесками, неплотно закрытыми ставнями. Он становился соглядатаем. Соголдатаем домов.

Люди, что в них жили, его не интересовали. Только дома и улицы.

Улицы!

Он хотел видеть их утром под солнцем, снова видеть их после полудня в тени, снова видеть их, когда идёт дождь, и ещё когда стоял туман или светила луна. Порой он с грустью думал, что одной жизни ему не хватит, чтобы узнать все улицы своего города во всех обликах, какие они могут принять. Тогда он шёл до изнеможения, и ему казалось, что он никогда не сможет остановиться.

Но однажды ему пришлось уехать, покинуть этот город, чтобы учиться музыке в столице. Он сменил старое пианино на скрипку. Учителя утверждали, что он очень одарён.

Он проучился три года в Большом Городе.

Три года кошмаров.

Сны, сны — каждую ночь.

Улицы, дома, двери, стены, мостовые, острая боль, пробуждение в поту посреди ночи, настройка скрипки, страх потревожить обитателей дома, ожидание чаш, когда он наконец сможет играть.

В день, когда он представил своё сочинение перед учителем, перед учениками, он закрыл глаза. В его скрипке проходили улицы его города, с остановками перед восхитительным домом, перед красотой пустой, забываемой улицы.

Нарастающее чувство одиночества при воспоминании об этих покинутых, преданных улицах. Тоска. Безграничное восхищение этими любимыми улицами. Огромное чувство вины. Любовь, достигшая высшего предела страсти. Упрямая, земная любовь, приросшая к земле этого города. Любовь чувственная, телесная, почти непристойная, захлестнула музыкальный зал.

Бунт тела, которое не может обрести покой нигде больше. Бунт ног, которые не могут ходить по другим улицам. Отказ глаз, не желающих видеть ничего другого. Душа, прикованная к стенам этого единственного города. Глаза, прикованные к фасадам домов этого единственного города.

Он знал это: никогда он не излечится от этой безумной, противоестественной любви, никогда!

— Замолчите! — крикнул учитель.

Он поднял глаза, затуманенные слезами. Он не понимал, что происходит в зале. Ему это было безразлично. Он опустил смычок.

— Чему вы смеётесь? — спросил учитель.

— Простите нас, Мэтр, — сказал очень одарённый ученик, — но это такая «мелодрама».

Остальные ученики, наконец избавленные от кошмара, смеялись вволю.

Учитель увёл его в другой зал.

— Играйте! — сказал он.

— Я не могу. Почему они смеялись?

— От неловкости. Они не могли вынести вашу музыку... вашу боль. Вы влюблены?

— Я не понимаю.

— Чувства нынче не в чести в искусстве. В моде почти научная сухость. Романтизм — ну, не знаю, всё вышло из моды, всё вызывает смех. Даже любовь. А ведь в вашем возрасте это важно, естественно. Очевидно, что вы влюблены в какую-то женщину.

От изумления он расхохотался, долго.

— Вам нужен отдых, — сказал учитель. — Вы большой музыкант, и отныне вы можете работать один. Вы можете возвращаться домой. Мне больше

нечему вас учить. Вы должны найти свой собственный путь. Но сначала — отдохните.

Он вернулся домой. Отдохнуть от долгого отсутствия. Он дал отдохнуть и своей скрипке. Иногда он играл на старом расстроенном пианино. Он давал уроки музыки, чтобы жить. Это его вполне устраивало. Он ходил от ученика к ученику, из дома в дом, с улицы на улицу.

Родители его умерли. Сначала отец, потом мать. Он уже толком не помнил когда. Он ходил по улицам. Порой он садился на скамейку с газетой. Но не читал. То, что происходило в мире, его не интересовало. То, что происходило в его городе, тоже не интересовало. Он просто сидел там, он был счастлив. Для него счастье сводилось к малому: гулять по улицам, ходить по улицам, садиться, когда устанешь.

Даже в своих снах он ходил по улицам, и там он был по-настоящему счастлив, ведь он мог обойти все улицы не уставая, с неистощимой силой.

Однажды вечером он почувствовал себя очень старым и с ужасом подумал, что у него никогда не хватит времени ещё раз увидеть тот или иной дом, ту или иную улицу. И он с грустью думал, что будет вынужден вернуться после смерти, чтобы снова и снова ходить по улицам.

А это его очень удручало, ведь он полагал, что дети будут его бояться, и он ни за что на свете не хотел пугать детей своего города. Он умер и, как и предвидел, был вынужден вернуться на долгие годы — на вечность — и бродить по улицам, которые, как ему казалось, он ещё недостаточно любил.

Что до детей, то он тревожился напрасно, ведь в их глазах он был всего лишь стариком среди других, и им было совершенно всё равно, мёртв он или жив.

Большое колесо

Есть один человек, которого мне ещё ни разу не хотелось убить.

Это ты.

Ты можешь ходить по улицам. Можешь пить и ходить по улицам. Я не убью тебя.

Не бойся. Город не опасен. Единственная опасность в этом городе — это я.

Я хожу по улицам.

Я хожу.

Я убиваю.

Но тебе нечего бояться.

Если я иду за тобой, то потому, что мне нравится ритм твоих шагов. Ты пошатываешься. Это красиво. Можно сказать, что ты хромаешь. И что ты горбат. На самом деле это не так. Время от времени ты выпрямляешься, и ты идёшь прямо. Но я люблю тебя в поздние ночные часы, когда ты слаб, когда ты спотыкаешься, когда ты ступаешься.

Я иду за тобой, ты дрожишь. От холода или от страха. А ведь тепло.

Никогда, почти никогда, может быть, никогда не было так тепло в нашем городе.

И чего бы тебе бояться?

Меня?

Я не враг тебе. Я люблю тебя.

И никто другой не смог бы причинить тебе зла.

Не бойся. Я здесь. Я защищаю тебя.

Но и я тоже страдаю.

Мои слёзы — крупные капли дождя — текут по моему лицу.

Ночь окутывает меня. Луна освещает меня. Облака прячут меня. Ветер раздирает меня. Я испытываю к тебе что-то вроде нежности. Со мной такое бывает порой. Очень редко. Почему к тебе? Не знаю.

Я хочу идти за тобой очень далеко, повсюду, долго. Я хочу видеть, как ты страдаешь ещё сильнее. Я хочу, чтобы всё остальное тебе опротивело.

Я хочу, чтобы ты пришёл умолять меня забрать тебя. Я хочу, чтобы ты меня желал. Чтобы жаждал меня, чтобы любил меня, чтобы звал меня.

Тогда я возьму тебя в объятия, прижму к сердцу, ты будешь моим ребёнком, моим любовником, моей любовью.

Я унесу тебя.

Ты боялся родиться, а теперь ты боишься умереть.

Ты боишься всего.

Не надо бояться.

Просто есть большое колесо, которое вращается. Оно называется Вечность.

Это я вращаю большое колесо.

Ты не должен бояться меня.

Ни большого колеса.

Единственное, что может напугать, что может причинить боль, — это жизнь, а её ты уже знаешь.

Вор

Хорошенько запирайте двери. Я приду бесшумно, в чёрных перчатках.

Я не из тех, кто действует грубо. И не из тех, кто жаден и глуп.

На моих висках и на запястьях вы могли бы разглядеть тонкий рисунок вен, если бы вам когда-нибудь представился такой случай.

Но в ваши спальни я прихожу только поздно ночью, когда уходит последний гость, когда гаснут ваши безвкусные люстры, когда все спят.

Хорошенько запирайте двери. Я приду бесшумно, в чёрных перчатках.

Я прихожу всего на несколько минут, но каждый вечер, без передышки, и в каждый дом без исключения.

Я не из тех, кто действует грубо. И не из тех, кто жаден и глуп.

Утром, когда вы проснётесь, пересчитайте свои деньги, драгоценности — всё будет на месте.

Ничего, кроме одного дня вашей жизни.

Мать

Её сын ушёл из дома очень рано, в восемнадцать лет. Через несколько месяцев после смерти отца.

Она продолжала жить в двухкомнатной квартире, была в очень хороших отношениях со своими соседями. Она бралась за уборку, штопку, глажку.

Однажды сын постучал в дверь. Он был не один. Он был с девушкой, довольно хорошенькой.

Она раскрыла им объятия.

Четыре года она не видела своего сына.

После вечернего ужина сын сказал:

— Мама, если ты не против, мы останемся здесь вдвоём.

Сердце её подпрыгнуло от радости. Она приготовила им самую большую, самую красивую комнату. Но они ушли около десяти вечера.

«Наверняка отправились в кино», — сказала она себе и уснула, счастливая, в маленькой комнатке за кухней.

Она больше не была одинока. Сын снова жил рядом с ней.

По утрам она уходила рано — на уборку и мелкую работу, от которой не хотела отказываться, несмотря на то что её жизнь теперь изменилась.

К полудню она готовила им хороший обед. Сын всегда приносил что-нибудь с собой: цветы, десерт, вино, а иногда и шампанское.

Суэта незнакомых людей, которых она время от времени встречала в коридоре, её не смущала.

— Проходите, проходите, — говорила она. — Молодые в комнате.

Иногда, когда сына не было дома и они обедали вдвоём, её взгляд встречался с печальными, затравленными глазами девушки, жившей у неё. Тогда она опускала глаза и, теребя хлебный мякиш, бормотала:

— Он хороший мальчик. Очень хороший.

Девушка складывала салфетку — она была хорошо воспитана — и выходила из кухни.

«Приглашение»

В пятницу вечером муж вернулся с работы в пре-
красном настроении.

— Завтра у тебя день рождения, дорогая. Устроим
праздник, позовём друзей. Подарок я подарю тебе в
конце месяца — сейчас у меня с деньгами туговато.
Чего бы тебе хотелось? Красивые наручные часы?

— У меня уже есть часы, дорогой. И я ими очень
довольна.

— Тогда платье? Какой-нибудь костюмчик «от ку-
тюр»?

— «От кутюр»! Мне нужны брюки и пара босоно-
жек, вот и всё.

— Как скажешь. Я дам тебе деньги, и ты сама ку-
пишь то, что тебе понравится. Но только в конце ме-
сяца. А праздник мы можем устроить хоть завтра. По-
зовём целую компанию друзей.

— Знаешь, — сказала жена, — такие праздники с
целой компанией друзей для меня слишком утоми-
тельны. Я бы предпочла поужинать в хорошем ресто-
ране.

— Рестораны — это грабёж, и ещё не факт, что бу-
дет вкусно. Я лучше устроил бы тебе хороший ужин у
нас дома. Я всем займусь: покупками, меню, пригла-
шениями. А ты сходишь к парикмахеру, наведёшь
красоту, и всё будет готово к назначенному времени.
Тебе останется только сесть за стол. Я даже сам буду
подавать блюда. Мне это будет приятно. Хотя бы раз.

И муж с увлечением берётся за организацию
праздника. Он это обожает.

В субботу после обеда он свободен. Идёт за покуп-
ками.

Около пяти часов возвращается домой — нагру-
женный пакетами, сияющий.

— Всё будет просто замечательно, — говорит он
жене. — Тебе бы пока накрыть на стол. Так мы сэко-
номим время.

Свежепричёсанная, одетая в чёрное платье двадцатилетней давности, она накрывает на стол, ухитряется украсить его очень мило.

Появляется муж:

— Надо было поставить бокалы для шампанского. Я это поправлю. А пока пойдёшь разведи огонь в камине, там я буду жарить отбивные — просто чудо! И если бы ты потом пришла, чтобы почистить картошку и сделать заправку для салата. Фу, салаты полны всякой мелкой живности, крохотных слизней, меня от этого воротит! Ты вымоешь их, ладно? Ты к этому привыкла.

И позже, устроившись перед камином:

— Углей будет достаточно. Не принесёшь ли мне рюмку джина с... Кстати, есть у нас лимон к джину? Нет, я его не купил, я думал, что есть. Могла бы и ты всё-таки подумать об аперитивах, я же не могу всё делать. Кажется, «У Марко» ещё открыто. Возьми ещё миндаль и фундук. И оливки!

Через четверть часа.

— Я так и знал, что будет открыто. Ты ещё не поставила картошку вариться? Мне же надо следить за мясом. Ой, чуть не забыл одну вещь... Я купил креветки на закуску. Быстренько сделай соус со сливками и кетчупом. Нет кетчупа? Да в этом доме никогда ничего нет! Сбегай быстро одолжи у Как-его-там.

Мадам идёт за кетчупом к Как-его-там, этажом выше. Как-его-там охотно одалживает свою бутылку кетчупа, но в придачу непременно требует, чтобы выслушали повесть о его сегодняшних злоключениях, да и о его жизни вообще.

Внизу раздаётся звонок, приходят гости, мадам приходится спуститься.

Друзья сидят вокруг камина.

Муж кричит:

— Ну что там с аперитивами, Мадлен?

Отбивные наконец готовы. Слегка пережарены. Но настроение хорошее. Пьют много. Смеются. Слишком часто поминают возраст Мадлен, но, в конце концов, это её день рождения.

Друзья ещё и превозносят заслуги человека, который всё сделал, всё устроил.

— Золотой муж.

— Вам повезло. После пятнадцати лет брака.

— Старина! Это надо суметь!

Часам к трём ночи вдруг наступает тишина.

Друзья ушли, муж храпит на диване в гостиной, обессиленный, бедняга.

Мадлен опустошает пепельницы, собирает пустые бутылки, грязные бокалы, осколки разбитого стекла, убирает со стола.

Прежде чем взяться за мытьё посуды, она идёт в ванную и подолгу смотрит на себя в зеркало.

Месть

Он повернулся вправо, влево — ничего не видит.

Ему страшно. Он даже плакал, быть может, — он не уверен, ведь дождь бил ему в лицо.

Вверху серое небо; внизу грязь — вот что было к нему ближе всего.

Он говорит:

— Почему ты исчезла? Твои стеклянные руки прозрачны, как чистая вода горных ручьёв. В твоих глазах написана тишина, а на лице — отвращение.

На следующий день он говорит:

— Твоё лицо черно, наслаждение с резким смехом, а всё же я хотел бы достичь белой горы, той, что ищут путники, высовываясь из окон поездов без рельсов, без надежды. Путники без цели, которые, когда придёт срок, повисают на стоп-кранах.

Они раскачиваются там, вместе с моим отцом, и меж колёс наши никогда не рождённые дети плачут и кричат, миллион звёзд указывает им путь.

На третий день он говорит:

— Те, кого били, молча сносили удары, не отвечая. Но они стали жестокими. Когда наступил вечер, они перешли через реку, чтобы ждать часа расплаты за заграждениями.

Даже невинные были убиты.

В последний день он сказал:

— Не спрашивай меня — с волосами, развевающимися на ветру, — не спрашивай, кто начал, не спрашивай, кто закончил. Всё, что я знаю, — был первый удар.

— Я отомщу за тебя.

Он лёг рядом с тем, что когда-то было телом женщины, и погладил мокрые волосы. А может быть, это была всего лишь трава.

Тогда на вспаханном снарядами поле появились сто человек и сказали:

— Когда мы перестанем плакать и мстить за своих мёртвых? Когда перестанем убивать и плакать? Мы — те, кто выжил. Мы трусы, неспособные сражаться, неспособные убивать. Мы хотим забыть. Мы хотим жить.

Человек, лежавший в грязи, пошевелился, поднял оружие и перестрелял их всех до последнего.

Об одном городе

Он был маленьким и тихим, с низкими домами и узкими улицами, ничем особенно не примечательный.

Не знаю, почему я так много о нём говорю, но, если бы я молчал, меня задушила бы тень гор, которые его окружают, высоких и мрачных.

Там иногда, в сумерках, небо становилось таких необыкновенных оттенков, что люди выходили из домов, пытаясь подобрать им название. Но краски смешивались так причудливо, что ни одно слово им не подходило.

Я уже часто говорил об этом, и о доме тоже, о нашем доме, но я забыл о деревьях в саду.

На одной из яблонь, уже в начале лета, мы находили плоды, которые, не будучи спелыми, были сладки как мёд. Каков был вкус этих яблок в зрелости, я так и не смог узнать, ведь мы всегда съедали их заранее.

Это лишает меня одного воспоминания, но как это предвидеть, когда ты всего лишь ребёнок?

Уже поздно. Там ночи были недвижны, занавески даже не колыхались перед окнами, тишина гулко отдавалась на улице. Нам было страшно, потому что где-то в горах всегда скрывался чёрный, злой человек. Он шёл к городу и стучал в двери, запёртые на два замка.

Пока не взошло солнце, я должен рассказать обо всём.

О реке. О колодце с его тёмным колесом. О весёлом, успокаивающем лете. О солнце на наших лицах в пять часов утра. О церковном саде.

Каждую осень она заставляла нас в этом саду врасплох: вдруг с деревьев начинали падать красные листья — всего лишь горсть, — когда нам ещё казалось, что стоят самые погожие дни.

Это было удивительно. Они падали, падали, покрывая землю всё более толстым слоем. Мы ходили по ним босиком. Было ещё тепло. Мы смеялись. А потом нам снова становилось страшно.

Продукт

Господин Б. никогда не возвращался домой рано вечером. Впрочем, достаточно рано, чтобы успеть к семейному ужину. Он требовал, чтобы его непременно ждали, потому что очень любил свою семью, особенно детей.

К тому времени дети уже клевали носом. Они мало ели, нервничали или начинали хныкать.

Когда господин Б. чувствовал усталость, он просил жену уложить их поскорее спать. Тогда он включал телевизор и засыпал в кресле, слегка похрапывая. Зато в дни, когда дела шли получше, он предлагал детям партию в карты или домино, какую-нибудь настольную игру.

Жена, как правило, отклоняла щедрое предложение мужа и читала в укромном углу комнаты, которую называли гостиной. Господин Б. давно смирился насчёт своей жены. Поэтому он не делал никакого замечания по поводу её отсутствия за этими воспитательными

играми, которые ведь укрепляли семейные узы. У неё не было ни чувства семьи, ни чувства воспитания. Но всё-таки она была матерью его детей, и ради этого господин Б. мирился с её недостатками, хотя в глубине души и сохранял некоторую горечь.

Господин Б. теперь возвращался домой всё позже и позже. Дело было в том, что Продукт продавался плохо, а господин Б. был начальником отдела продаж. Тот, кто никогда не был начальником отдела продаж, даже не может представить себе, какая ответственность ложится на плечи человека на этой должности. Продукт должен был продаваться — любой ценой.

Добросовестный служащий, господин Б. делал всё, чтобы продать Продукт, но эта ежедневная борьба пожирала те часы, которые он предпочёл бы посвятить своей семье.

Домой он возвращался уже далеко после семейного ужина. Дети давно спали, жена читала в углу гостиной, не поднимая глаз. Господин Б. доедал остатки ужина — сам же их и разогревал, — а затем, совершенно измученный, поднимался на второй этаж, в свою спальню.

А Продукт продавался всё хуже и хуже, несмотря на нечеловеческие усилия господина Б.

Однажды ночью его разбудило что-то гнетущее. Ему захотелось поговорить с женой. Но комната его жены была пуста. Шкафы тоже. И ящики. Удивлённый, он вошёл в комнату детей: и там никого.

— Это, наверное, школьные каникулы, — подумал он, — я, должно быть, забыл. Я не могу помнить обо всём.

На следующий день в конторе ему объявили об увольнении. Об увольнении окончательном. Он плохо продавал Продукт. Только что был нанят другой начальник отдела сбыта. Господин Б. вернулся домой, стал ждать конца каникул. Он смотрел в окно на облака, которые проплывали мимо. Пыль заполняла всё, грязная посуда громоздилась в раковине. Господин Б.

ждал, недоумевая, отчего школьные каникулы так длинные.

Я думаю

Теперь у меня осталось мало надежды. Прежде я искал, я всё время куда-то двигался. Я ждал чего-то. Чего? Я и сам не знал.

Но я думал, что жизнь не может быть только этим, то есть почти ничем, жизнь должна быть чем-то, и я ждал, когда это что-то придёт, я его даже искал.

Теперь я думаю, что ждать нечего, и потому остаюсь в своей комнате, сижу на стуле, я ничего не делаю. Я думаю, что снаружи есть жизнь, но в этой жизни ничего не происходит. Ничего для меня. Для других, может быть, что-то и происходит, это возможно, это меня больше не интересует.

Я здесь, у себя дома, сижу на стуле. Немного предаюсь мечтам. Впрочем, не совсем. О чём мне мечтать?

Я просто сижу.

Я просто сижу здесь. Не могу сказать, что мне хорошо, не ради этого я тут остаюсь, не ради своего удобства, наоборот.

Я думаю, что нет ничего хорошего в том, чтобы тут сидеть, и знаю также, что рано или поздно мне непременно придётся встать, потом, позже.

У меня даже смутная тревога оттого, что я сижу тут, ничего не делая часами или днями, я не знаю. Но я не нахожу никакой причины встать и что-то сделать. Просто я не вижу, совсем не вижу, что бы я мог сделать. Я мог бы, конечно, немного прибраться, устроить уборку — да, это так. У меня довольно грязно, всё запущено. Я должен хотя бы встать, чтобы открыть окно, тут пахнет дымом, гнилью, затхлостью.

Но всё это не так уж меня стесняет. Немного, но недостаточно, чтобы я встал. Я привык к этим запахам, я их не чувствую, я думаю только, что если бы

вдруг кто-то вошёл... Но «кого-то» не существует. Никто не входит.

Чтобы всё же что-то сделать, я принимаюсь читать газету, которая лежит на столе с... с некоторых пор, с тех пор как я её купил...

Я, разумеется, не даю себе труда взять газету. Я оставляю её там, на столе, читаю издали, но это не входит в мою голову или в мои глаза, я вижу там лишь чёрных дохлых мух, и тогда я перестаю утруждаться.

Всё равно я знаю, что на другой странице газеты есть молодой человек, не слишком молодой, как я в точности, который читает ту же газету в круглой встроенной ванне, он смотрит объявления, курс биржи, совершенно расслабленный, виски хорошей марки под рукой на краю ванны. Вид у него красивый, живой, умный, обо всём осведомлённый. При мысли об этой картинке я вынужден встать, и я иду блевать в раковину — не встроенную, по-дурацки прилепленную к стене кухни. И всё, что из меня выходит, забивает эту злосчастную раковину.

Я порядком удивлён при виде этой кучи мерзости, объём которой кажется мне вдвое больше того, что я мог съесть за последние двадцать четыре часа. Созерцая эту гнусную вещь, я чувствую новый приступ тошноты и поспешно выхожу из кухни.

Я выхожу на улицу, чтобы забыться. Брожу, как любой другой человек. Но на улицах нет ничего — только люди, магазины, и всё.

Возвращаться домой мне не хочется из-за засорившейся раковины. И ходить дальше тоже не хочется. Тогда я останавливаюсь на тротуаре, спиной к большому магазину, смотрю, как люди входят и выходят, и думаю: те, кто выходит, должны были бы оставаться внутри, а те, кто входит, — снаружи. Так было бы меньше лишнего движения и усталости.

Это был бы неплохой совет. Но они всё равно не стали бы слушать. Поэтому я ничего не говорю. Не двигаюсь. Мне даже не холодно здесь, у входа. Я пользуюсь теплом, которое выходит из магазина через по-

стоянно открывающиеся двери, и чувствую себя почти так же, как совсем недавно, сидя у себя в комнате.

Мой отец

Вы никогда его не знали.

Он умер.

Вот почему я уехала в прошлом году, в начале декабря, в мою

страну, которую вы тоже не знаете.

Двадцать четыре часа поездом до столицы, ночь отдыха у брата,

и снова поезд, двенадцать часов, — итого тридцать шесть часов

пути, до этого большого промышленного города, где собирались

замуровать моего отца, — белая фарфоровая урна, маленькая

ниша, высеченная в бетоне.

Тридцать шесть часов в поезде. Ожидание. Остановки. Пустынные, холодные вокзалы. Вокруг меня люди, которые не потеряли отца. Или потеряли его так давно, что больше о нём не думают. А я думала. Но не верила.

Я уже несколько раз проделывала этот путь, когда мой отец был

ещё жив, он ждал меня в конце моего путешествия в пригороде

этого промышленного города, где он так мало жил, так мало

любил, и где он ни разу не прошёлся со мной рука об руку.

На его похоронах почти шёл дождь. Народу собралось довольно много. Венки. Песнопения. Мужской хор — все в чёрном. Это были социалистические похороны, без священника.

Я положила букет гвоздик рядом с белой урной. Такой маленькой. Я не могла поверить, что мой отец —

там, внутри. Когда-то он был таким высоким, в те времена, когда я ещё была его дочерью, его ребёнком.

Фарфоровая урна — это был не мой отец.

И всё же я заплакала, когда её замуровали в бетон.

Пластинка

играла национальный гимн, где речь идёт о Боге, которого молят

благословить эту страну и её народ, который столько выстрадал

в прошлом и даже ради будущего.

Мужскому хору, должно быть, пришлось спеть ещё раз, потому что двое работников кладбища никак не могли справиться со своим делом: закрывающая плита не вставала на место, урна, мой отец, никак не хотела войти в маленькую бетонную нишу.

Позже я узнала, что отец хотел быть похороненным в земле, в своей родной деревне, а не замурованным здесь. Но его убедили — умирающего от рака желудка, медленно угасавшего, не знавшего о своей болезни, жившего от одного укола морфия до другого, — убедили, моя мать и мой брат, что так будет лучше: здесь, на кладбище этого ужасного промышленного города, который он никогда не любил и где ни разу не гулял со мной, держа меня за руку.

Потом мне пришлось приветствовать множество людей. Я их не знала, зато они знали меня. Женщины меня целовали. Наконец всё было кончено. Продрогшие, мы смогли вернуться к моим родителям, то есть я хочу сказать к моей матери. Было что-то вроде приёма. Я ела, как все, я пила. Я устала от своей дороги, от церемонии, от гостей, от всего.

Я пошла в маленькую комнату отца, где он имел обыкновение уединяться, чтобы читать, учить языки, вести свой дневник.

Отца там не было. Не было его и в саду. Я подумала, что, может быть, он пошёл за покупками из-за всех этих людей у него дома. Он часто ходил за покупками, ему это нравилось.

Я ждала его, я хотела снова его увидеть, ведь мне скоро нужно было возвращаться, то есть ехать обратно сюда. Я выпила много

вина, а его всё не было.

— Да куда же он делся, папа? — сказала я наконец, и люди посмотрели на меня.

Братья отвезли меня к себе, уложили. На следующий день я уехала. Двадцать четыре часа, тридцать шесть часов поезда.

В дороге я строила планы.

Через некоторое время я снова приеду сюда, сниму бетонную плиту, украду урну и похороню её в его родной деревне, на берегу реки, в чёрной земле.

Но я почти не знаю этих мест, никогда там не была. И потом, если я всё-таки украду урну, где именно я её похороню?

Нигде мой отец не гулял со мной, держа меня за руку.

с ц е н а

Роже Витрак **ТАЙНЫ ЛЮБВИ**¹⁰

(сюрреалистическая драма)

*Роже Витрак — Сюзанне*¹¹

Женщины, которых мы любим,
возобновляют истинную Субботу.

Альфред Жарри. «Абсолютная любовь»

Заметки автора

96

Это моя первая пьеса — сюрреалистическая драма.

Неискушенному читателю она покажется совершенно отличной от тех, что последовали за ней.

Я колебался, не зная, стоит ли публиковать ее в начале данного тома; но у хронологии — свои законы. И у мысли тоже. Кто-то решит, что эта туманная драма выпадает из общего ряда. Другие же — и я надеюсь на это — поймут, что она "выпадает", чтобы лучше осветить целое.

Эти последние будут, конечно же, ближе прочих к юноше двадцати двух и к девушке восемнадцати лет

---

¹⁰ Les mystères de l'amour, 1924. Перевод с французского Сергея Исаева.

¹¹ Пьеса посвящена возлюбленной Витрака, с которой он был связан узами мучительной и необычной любви. Сюзанна, разделявшая убеждения и интересы сюрреалистов, как считается, послужила прототипом главной героини пьесы — Леа.

от роду, которые, оставаясь слепы как любовь и глухи как маленький фонарик сияющего стекла, вполне серьезно позировали для этих тайн. Этих тайн, прошитых черной ниткой...

”Жить, как во сне”.

”Видеть сны, как обычно живут”.

”Вечно изменчивые песочные часы Дня и Ночи”.

”Ужасные и прелестные песочные часы Любви невидимого образа”.

”Но тайны, укрытые молниями, не обнаруживают себя.

Они вспыхивают, когда глаза закрыты”.

Мы хорошо знаем, что нужно сказать все.

Ясно почему? Все — это значит понимать друг друга. Здесь же — диалог между разными отголосками. Во всяком случае, Гийом Аполлинер говорил, что издавать нужно все.

Персонажи:

97

Патрис, 23 года.

Леа, 21 год.

Г-жа Морэн, мать Леа.

Первый друг Патриса.

Второй друг Патриса.

Третий друг Патриса.

Довик (уменьшительное от Людовик), 30 лет.

Соседи.

Девственница.

Молодой человек, актер.

Старик, актер.

Директор театра.

Теофил Муше, автор драмы.

Лейтенант драгунов (роль, которую играет Патрис).

Ллойд Джордж (роль, которую играет Довик).

Ребенок, одетый в красное с желтым платьем (*персонаж без слов*).

Ребенок, туловище которого отпилено на уровне плеч (*персонаж без слов*).

Женщина в черном (роль, которую играет г-жа Морэн).

Мужчина с волосами щеточкой и в клетчатых панталонах — г-н Морэн.

Мясник.

Актер.

Гильотен, сын Патриса и Леа (*персонаж без слов*).

Белый фокстерьер.

Серый бульдог.

Муссолини (роль, которую играет Патрис).

Контролер.

Горничная.

Два повара (*персонажи без слов*).

Мужчина в костюме.

Продавщица.

Многочисленные духи (*персонажи без слов*).

Жильцы в гостинице.

Двое полицейских.

Управляющий гостиницы.

Трое детей.

Зритель (*персонаж без слов*).

”Тайны любви” были показаны первый раз 2 июня 1927 года на сцене Театра Гренель силами Театра Альфреда Жарри. Поставил пьесу Антонен Арто.

Пролог

Сцена представляет собой открытое место. Пасмурно. Недавно прошел дождь. На стене дома нарисован портрет как бы в негативном изображении. Рот черный. Щеки красны, как и губы. Глаза блеклые.

Когда занавес поднимается, Патрис, сидя на корточках, старательно чертит палочкой линии по грязи. Входит Полицейский.

Полицейский. Эй, послушайте! Ну вы там! Что вы делаете?

Патрис. Видите ли, сударь, я заканчиваю волосы.
(Выходит, проводя линию.)

Занавес медленно опускается.

Конец пролога

АКТ I

Картина первая

Ложа авансцены. В глубине — сцена театра.

Занавес опущен. Свет лампы погашен. Горит люстра в зале. Налево и направо — черные ткани. Обрамляют ложу белые кружева в фестонах.

Когда занавес поднимается, Леа сидит. Патрис стоит на коленях.

Патрис. Ради бога! Признайся, Леа.

Леа. Вы правы.

Патрис. Не правда ли, Леа? Ну хорошо, вот вы здесь, вы вполне рассудительны. Ну что же, признайтесь. Поверьте мне. Все равно раньше или позже вы пройдете через это. Не упрямитесь, как ребенок. Вы же не хотите, чтобы я рассердился?

Леа. Патрис! Что вы делаете?

Патрис (все так же, на коленях). Да ничего, Леа, ничего. Вы же видите — я прогуливаюсь. Ах! Ну в конце-то концов, вы признаетесь или нет?

Леа. Нет.

Патрис. В последний раз говорю, Леа!

Леа. Нет.

Патрис. Примите эти несколько цветков. (Дает ей пощечину.)

Леа (смеясь). Мама, мама, мама!

Патрис (сложив руки рупором). Госпожа Морэн! Госпожа Морэн!

Входит госпожа Морэн.

Г-жа Морэн. Простите меня, сударыня, сударь, если я вас побеспокоила.

Леа. Ох! Мама!

Патрис. Я лишний, не так ли?

Г-жа Морэн. Что такое! Потаскун! Велите мне тотчас же уйти. (*Обращаясь к Леа.*) А он наглый, этот тип.

Патрис (*предлагая ей стул*). Что касается меня, я иду прогуляться на берег моря. (*Садится и смотрит в публику.*)

Леа (*вполголоса*). Мама. Если б ты только знала. Патрис меня любит.

Патрис (*громко крича*). Осторожнее! Вы упадете.

Г-жа Морэн. Но это неплохо, дочь моя.

Патрис (*так же*). Это вы, бычок?

Г-жа Морэн. А ты, ты его любишь?

Леа. Так, как следует.

Патрис (*так же*). Вытрите нос омару, вашему отцу, девочка!

Г-жа Морэн. Он, может быть, повзрослеет, дорогая. Что же до меня, то я слишком занята своими собаками. Шесть маленьких собачек, Леа!

Леа. Ты раздражаешь меня. Разве я виновата, что папаша Морэн не захотел, чтобы я пошла к первому причастию. Какая обида!

Г-жа Морэн. Но надо же решаться.

Леа. Я не смею.

Патрис. Ах! Ах! Теперь эта коза!

Г-жа Морэн. Хочешь, я поговорю с ним вместо тебя?

Леа. Я не так глупа, ты у меня его уведешь.

Г-жа Морэн. А этого не хочешь. (*Дает ей пощечину и выходит.*)

Леа (*плача*). Патрис! Патрис! Патрис!

Патрис. К черту животных и столовую.

Леа. Вы совсем одиноки на этом свете, Патрис.

Патрис. Ах, вы! Относитесь с уважением к моим родственникам!

Леа. Я вас прекрасно понимаю. Потому я все скажу.

Патрис. Посмотрим, посмотрим, посмотрим...

Леа. А вы задавайте мне вопросы.

Патрис. Все равно, госпожа Морэн, у вас крупный пупок.

Леа. И это все? Как жестоко.

Патрис. Ну вот! Она крепка. Что вы хотите сказать, Леа?

Леа. Я признаюсь.

Патрис. Ах! Тысячу раз спасибо, Леа. Спасибо, тысячу раз спасибо.

Входят трое друзей Патриса.

Первый друг. Я счастлив, ты же знаешь. (*Пожимает ему руку.*)

Патрис. Спасибо.

Второй друг. Жаль. Она была создана для меня. Пью за это, Патрис.

Патрис. Большое спасибо. (*Пожимает ему руку.*)

Третий друг. Ах! Дети детей. Сбереги и для меня одного.

Патрис. Спасибо, а как насчет тебя?

Трое друзей выходят.

У меня будет этот галстук. Галстук вокруг шеи с зубьями пилы. И я создам для тебя мост из собственной крови, Леа.

Леа. Ты добр.

Патрис. Видишь ли, на мгновение я стал на сторону ягненка. Он блеял. Бе... бе... бе... Трава сходила с поезда. Она жеманилась. Ягненок ее орошал. Вот что значит быть молодым.

Молчание.

Ах, впрочем, простите! Вы ведь признались! Разве вы не признались?

Леа. Да, но в чем?

Патрис. Верно — в чем?

Леа. Не могли бы вы обождать меня минуточку? *(Выходит и тотчас возвращается с корзинкой, полной маленьких собачек.)*

Леа. Моя мать особчает вам эту корзинку путят.

Патрис. Спасибо. *(Бросает корзинку и собак в публику.)* Потому что для меня, знаешь ли, религия...

Молчание.

(Жестикулируя.) Что за прекрасное солнце! Что за прекрасное солнце! *(Молчание.)* Ведь правда, Леа? Ах, что б я тотчас же от него умер. О! Вот и мои друзья.

Входят трое друзей.

102

(Так же.) Ну а вы там, вы собираетесь уходить?

Трое друзей выходят.

Видишь ли, Леа. Я счастлив. Нельзя мне этого больше. Я задыхаюсь. Это устрицы. Послушайте. *(Кричит.)* Это устрицы. Но чем же тогда занимается лимон? Ах! Леа, не могли бы вы спрятать эту ногу, это колено. Не могли бы вы спрятать это бедро? *(Вопит.)* О! О! О! О! Я прокричу это. Я прокричу это с крыш, о звезда надо всеми звездами. *(Призывая в свидетели зал)* Леа меня любит, Леа меня любит, Леа меня любит. Она в этом призналась. Она меня любит. *(Обращаясь к Леа.)* Теперь твоя очередь. Прокричи это, Леа. Давай же, моя маленькая Леа, моя Леле, моя Леа-Леа. Прокричи, ну прокричи же это, моя ЛеалеаЛеа.

Леа *(в зал).* Я люблю Патриса. Ах! Я люблю его требуху. Ах! Я люблю этого шута. Ах! Я люблю этого шута. Подо всеми его личинами, поверх всех его облачений,

во всех его формах. Посмотри на них, Патрис. Послушай их. Ах! Ах! Ах! (*Громко хохочет.*)

Голос (*из зала*). Но почему? Праведное небо! Почему? Вы что, больны?

Леа. До безумия.

Голос. Вы безумны?

Патрис. До безумия.

Голос (*из зала*). Ты слышишь их, Мартина?

Выстрел

Другой Голос. Ты слышишь их, Жюли?

Выстрел

Другой Голос. Ты слышишь их, Тереза?

Выстрел

Другой Голос. Ты слышишь их, Мишель?

Выстрел

Другой Голос. Ты слышишь их, Эстер?

Выстрел

Множество голосов. Убей меня! Убей его! Убей ее! Пощады! Прощения! Ребенка!

Смятение, крики, Выстрелы. Внезапно свет гаснет. Тотчас же наступает молчание. Лишь ложа остается наполовину освещенной.

Патрис. Послушай. Мы прогуливаемся в горах. Пихты покрыты инеем. Ах, молодость! Отсветы под ледниками. А уж трясины-то! Трясины? Сколько кроватей с женщинами без детей. И вдруг появляется ястреб. Это он. Мертв он, я вам говорю. Он падает свер-

ху, как молния. На землю, и тело его с обеих сторон совершенно голое, у него нет больше крыльев. У него два глаза. Разве это не Леа?

Леа. Это не Леа.

Патрис. И однако же, это она. А остальная часть тела, скажете вы? Ах, посмотрите! Она строит павильон из крови. Поступайте подобно ей, сударыня. Сдирайте кожу, стаскивая этот траурный мех. Пусть она уйдет с этим мехом. Особенно ты, Леа, не делай этого. Не делай этого здесь. У тебя замерзнут мышцы, и ты сожжешь свои нервы. Ах! Это меня не удивляет. Меня. Успокойтесь, моя постель не будет пахнуть ни взрывчаткой, ни порохом, как здесь.

Леа. О, это уже пахнет мозгами.

Патрис. Хороший совет. Прибавьте звука и подметите под креслами. Эта грязь просто страшная зараза.

Леа. Хватит, Патрис.

Патрис. Наведите же порядок, черт возьми! Приберите немного. Женщин, пожалуйста, уложите справа. Мужчины пусть стоят слева. А дети посредине, в поддивке.

Леа. Ты прав, о мой великий.

Патрис. Замолчи. А теперь, господин префект, закуйте, пожалуйста, всех в кандалы.

Голос (из зала). Господин Патрис, вы преступник.

Патрис. Я, сударь? Нет, сударь. Вы разве оглохли? Я люблю Леа. Нужно было кричать, что вы любите Жюли, Мари, Терезу, Мишель или Эстер, и Леа оказалась бы в той же общей куче. А у меня были бы роскошные украшения на запястьях.

Леа. А мне не нужно было бы спать с фосфором сегодня ночью.

Патрис. Крошечный птичий умишко, уходи.

Леа. Хватит, Патрис.

Патрис (очень естественно). Дорогая, сегодня вечером будет много народу, моя дорогая.

Леа. Тем лучше, тем лучше.

Патрис. Нам делают знак.

Леа и Патрис делают дружелюбные жесты в сторону зала. Зал освещается.

Леа. А лицо?

Патрис. Ну хорошо! Ты напоминаешь мне удар ножом. Рану.

Леа. Ах, этот зверь, который все орошает, как он тебе по сердцу.

Патрис. Вовсе нет, Леа, клянусь тебе. Это было на фронте. Впрочем, это не имеет никакого значения.

Леа. А лицо, Патрис?

Патрис. Ах! Сирены! У вас у всех рыбы головы.

Леа. Будь деликатен. Если ты будешь меня удерживать там, я окажусь совсем голой.

Патрис. Как же это бессмысленно. Меня ведь интересуют только одежды. Платье, костюм, рубашка, которые гуляют пустыми. Пусть испепелят все эти конструкции из мела, из воска, из дерева, из плоти и крови. Шляпа, плывущая в двух метрах от тротуара, вы когда-нибудь такое видели?

Леа. На маскараде! И на помощи!

Патрис. Леа! Леа!

Леа. Что с тобой?

Патрис. Не беспокойся. Мне плохо в моем гипсе.

Леа. В гипсе?

Патрис. В моей пустоте.

Леа. Ну и что?

Патрис. О! Потом ты могла бы встать за насос.

Леа. Зачем, Патрис?

Патрис. Ну как же, чтобы засосать красную краску, дитя мое.

Леа. Чтобы попасть пальцем в небо, любовь моя?

Патрис. А вот как раз и женщина с бородой. Разумность крайностей.

Молчание. Входит Довик. Патрис смотрит на Леа затуманившимися глазами. Он остается совершенно безразличным в следующей сцене.

Довик (обращаясь к Леа). Нет, нет и нет.

Леа. А к чему же тогда вся эта история?

Довик. Врунишка и ревнивица, вот ты кто.

Леа. И вся дрожу, и вся покрыта потом, и вся плачу.

Довик. Но в конце-то концов, что тебе было нужно, животное: механика или ребенок?

Леа. Мне нужен был тот, кто мог бы вскрыть мне живот, вот кто.

Довик. Глупая головушка.

Леа. Со своей бородой.

Довик. Ах нет. Не нужно здесь скандалов, ладно? Я протестую, Леа. *(Дает ей пощечину.)* Я всегда любил тебя. *(Щиплет ее.)* Я до сих пор тебя люблю. *(Кусает ее.)* Надо признать это за мной. *(Кусает ее за уши.)* А тебя прошибает холодный пот? *(Плюет ей в лицо.)* Я ласкал твои бедра и щеки. *(Пинает ее ногой.)* Это было только для тебя. *(Делает вид, будто хочет ее задупать.)* Ты ушла. *(Яростно трясет ее.)* Я разве сердился на тебя? *(Бьет ее кулаком.)* Я добр. *(Швыряет ее на землю.)* Я уже простил тебя.

Тащит ее за собой за волосы по ложе. Патрис поднимается на ноги.

Леа (представляет ему Довика). Знаешь Патрис, Довик весьма любезный мужчина.

Патрис. А кто это — Довик?

Довик. Это я, сударь.

Леа (тихо, Патрису). У него с головой не все в порядке.

Патрис. Очень хорошо. И что же вас интересует в жизни, господин Довик?

Довик. Любовь. На самом деле — любовь.

Патрис. Стланная мысль — приходить с этим к людям. Ведь вы, несомненно, ужинаете с нами?

Леа. Я разве его приглашала?

Довик. Можно привыкнуть к лестницам, а ключ всегда в дверях.

Патрис. Замечательно. (*Обращаясь к Леа.*) Закрой окна и накрывай на стол. (*Довику.*) Ну и в какой же форме вас интересует любовь?

Довик (*указывает на Леа*). Сами посмотрите.

Не говоря более ни слова, Довик и Патрис начинают драться. Они катаются по земле, с остервенением нанося друг другу удары.

Леа (*следя за схваткой*). Осторожнее со скульптурой, держитесь правее, или вы перевернете кресло. Теперь левее. Вы катитесь к очагу. Осторожнее с цветами, Патрис! Довик, у вас кровь течет из носа, вы пачкаете скатерть. И посуда побилась. Ах, боже мой! Bravo обоим.

Звонят.

Входят несколько детей.

Патрис, Довик, немедленно прекратите. Там позвонили. Патрис, поднимайтесь на ноги! Довик, на ноги!

Входят несколько соседей. Патрис и Довик поднимаются. Довик в крови.

Патрис (*Довику*). Уходите. (*Соседям.*) И вы тоже.

Довик (*грозя кулаком ложе*). Эта пальма моя.

Довик и соседи уходят, пожимая плечами.

Леа. У меня мигрень.

Патрис. Все равно, какое солнце!

Леа. Что ты говоришь? Ты совсем не спрашиваешь меня о моей жизни, о мой Патрис?

Патрис. Нет.

Молчание. Входит женщина, одетая в длинную ночную рубашку. У нее синее лицо, синие кисти рук и ступни ног.

Добрый день, сударыня.

Леа. В нашей комнате? Чем ты тут занимаешься, Патрис?

Патрис. А почему бы и нет?

Леа. Что это за шлюха?

Патрис. Это девственница, Леа, это девственница. Ты довольна?

Женщина в рубашке выходит. Слышно, как трижды стучат. Люстра в зале гаснет. Зажигается свет лампы. Ложа погружается в темноту. В течение нескольких секунд занавес странно колеблется. При каждом колебании зрители выпускают все более разнообразные крики. Наконец занавес медленно поднимается.

108

Вся сцена белая. На заднике написано:

МОЖНО ВСЕГДА УМИРАТЬ
ДВА ЧАСА ЗА РАЗ СИГАРЕТЫ. ШЕЛК

Слева на сцену выходит молодой человеку костюм; справа — старик, борода которого волочится по земле. Молодой человек кладет свою трость, снимает шляпу, перчатки и также кладет их на землю. Старик поднимает руки к небу и улыбается.

Молодой человек (вынимая из кармана птицу). Папа, перед тобой тот, кто собирается умереть.

Старик. Ну что ж, ты расстелешь мою бороду на холсте. Она должна просохнуть.

Молодой человек. Но ты ведь совсем ее не моешь, какая же она грязная!

Старик. Ах, когда я был ребенком, Жюстен, она была бела, как молоко.

Молодой человек разжимает пальцы. Птица улетает. Оба, плача, уходят налево. Занавес внезапно опускается. Слышен Выстрел. В зале — возмущенные восклицания. Тотчас же появляется директор театра.

Директор театра. Милостивые государины и милостивые государи, барышни, спектакль закончен. Драма, которую мы имели честь показать вам, принадлежит перу господина Теофила Муше. Господин Теофил Муше только что покончил с собой.

Директор исчезает. Замешательство, а потом внезапный и нарастающий смех.

Голос. Автора! Автора!..

Весь зал (скандируя). Автора! Автора! Автора!

Занавес снова поднимается. Появляется Автор. Он без сюртука. Его лицо и одежда залиты кровью. Он смеется. Он хохочет. Он хохочет изо всех сил, держась за бока. Оба занавеса внезапно опускаются.

Картина вторая

На сцене слева — набережная Гранз-Огюстен в Париже. Справа — спальня. В центре маленькая будка с иллюминатором, выходящим на Сену. В глубине, в том месте, где на самом деле должен был находиться Дворец правосудия, висит рекламный щит, на котором большими синими буквами написано: "Пти Паризьен". На парапете — лавочки букинистов, похожие на гробы. Сверху — красные трубы корабликов-буксиров. Окна комнаты, узкие и закрытые, теряются в арках колосников. Они украшены очень белыми муслиновыми занавесками. Перед камином и в двух метрах от самого очага стоит печка типа "саламандра". Но именно из камина время от времени вырываются языки голубого пламени. Кровать полностью закрыта

покрывалом. Стол. Стулья. На столе лампа на вертикальной подставке с зеленым абажуром. Шкаф с зеркальной створкой заполнен посудой. В углу свалены старые газеты. Перед "саламандрой" лежит пакет ваты.

I

Набережная Гранз-Огюстэн

Входят драгунский лейтенант и Леа, которая тащит тряпичную куклу — наполовину красную, наполовину желтую.

Патрис (это он одет драгунским лейтенантом).
Не люблю я чужих детей.

Леа. Посмотри на нее, Патрис, у нее мои глаза, мой нос, мой рот. Ей просто так постригли волосы. Грустно. Может, она маленькая китаянка? Я-то блондинка. Но ты прекрасно знаешь, что она от тебя.

II

Комната Ллойд-Джорджа

Леа. Мне страшно, Довик.

Ллойд-Джордж проходит через комнату, приподнимает покрывало на кровати и показывает пришедшей в ужас Леа голову маленькой девочки, покоящуюся на подушке.

Я узнаю ее, господин Ллойд-Джордж.

Резким движением Ллойд-Джордж полностью стягивает покрывало и раскрывает ребенка. Естественно, это лишь верхняя часть тела, отпиленная на уровне плеч. Остальная часть туловища исчезла. Входит Патрис, одетый драгунским лейтенантом. У

него впалые щеки и темные круги под глазами. Леа быстро заходит в маленькую будку и начинает испускать пронзительные крики в течение нескольких секунд. Ллойд-Джордж и Патрис застывают на месте друг против друга. Леа присоединяется к ним.

(Патрису). Послушай, послушай, я-то вижу, что у тебя нет никакого плана.

Патрис залезает в постель, ложась рядом с верхней частью тела девочки.

Ллойд-Джордж (обращаясь к Леа). Эй, посмотрите, что я умею.

Он уходит направо и тотчас же возвращается, неся под мышкой молодого человека. Он кладет его на стол и отпиливает ему голову. Во время этой операции слышны ужасные удары и колокольный звон.

(Унося разъятые части.) Вот настоящая работа, или я в этом ничего не смыслю.

Леа пожимает плечами. Она наклоняется над кроватью и вынимает глаза девочки. Они огромны, как страусиные яйца.

Леа. Мои глаза, Патрис! Мои глаза!

Патрис (отворачиваясь к стене). Не хочу этого видеть. Не хочу этого видеть.

Входит Ллойд-Джордж. Он несет черный чемоданчик, который и протягивает Леа.

Ллойд-Джордж. Вот, сударыня, волшебные останки возлюбленного.

Леа пересекает набережную Гранз-Огюстэн.

Она плачет, приходя в отчаяние. Входит госпожа Морэн, она в трауре; с ней — покойный господин Морэн, у него волосы щеточкой и брюки в клетку. Лампа зажигается сама собой. Все садятся за стол. Только Патрис все так же остается в постели. Ллойд-Джордж ставит четыре прибора. Он приносит разнообразные кушанья: омаров, цыплят, фигурные торты, мороженое, пирамиды из фруктов. Время от времени он выпускает на волю птиц. Леа возвращается. Она занимает свое место. Все молча едят, активно жестикулируя. Господин Морэн снял сюртук. Госпожа Морэн, с вызывающе накрашенными губами, в шляпе с траурной ленточкой, остается неподвижной.

Ллойд-Джордж. Давайте же приладим колени молодого драгунского офицера под головой девочки. Не нужно обращать внимания на то, что это дитя распилили на уровне плеч. Покрывало, приподнятое там, где должны быть бедра и ноги, призвано создавать естественные выпуклости, а иначе все это могло бы выдать преступление. Леа. Это верно.

Она поднимается и устраивает колени молодого драгунского офицера так, как это попросил сделать Ллойд-Джордж. Затем она снова возвращается за стол. Господин и госпожа Морэн делают вид, будто ничего не заметили.

Ллойд-Джордж (обращаясь к Леа). Сударыня, будьте добры, посмотрите на шкаф с зеркалом.

Леа поднимает глаза и видит лицо Патриса, который глядит на нее со шкафа. Ллойд-Джордж поднимается, берет Леа за руку, увлекая ее за собой на просцениум.

Ллойд-Джордж. Какой сильный дождь! Я не стану повторять это дважды. Ты поневоле уже моя со-

общница, и, если ты заговоришь, тебя выдадут полиции. Впрочем, пора кончать. Я лично предлагаю реку.

Леа. Нет, в самом деле, это решительно превращается в манию. Я-то предпочла бы эти лавочки букинистов, которые запираются на висячий замок и крыши которых покрыты листьями цинка.

Ллойд-Джордж. Ну-ну, вы только поглядите на это!

Леа. Слишком поздно!

Патрис, одетый драгунским офицером, спускается со своего наблюдательного пункта и приближается к огню. Пакет ваты вдруг воспламеняется. Госпожа Морэн громко кричит. Патрис снова спокойно взбирается на шкаф с зеркальной створкой.

Ллойд-Джордж (смеясь). Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха!

Убийцы запутываются сами, и их покушения терпят крах. Все снова начинают есть. Ллойд-Джордж встает только для того, чтобы принести новые кушанья.

Г-н Морэн. А сегодня вечером море было неспокойно. Сардинки ловились целыми сетками. Но вот ночью — гроза, молнии, а главное — негры из кочегарки, не говоря уже о леопарде... Эй, жена моя! Ты ведь не станешь отрицать, госпожа Морэн, жена моя, мы никогда еще так замечательно не обедали.

Ллойд-Джордж. Я-то знаю, государь, как нужно браться за дело, но скажи мне лишь, где пристань?

Леа внезапно поднимается; ее никто не замечает, а она, двигаясь как сомнамбула, подтаскивает свой стул к шкафу и накрывает голову Патриса газетой. Затем она возвращается к столу и продолжает есть вместе со всеми.

Г-н Морэн. Необходимо, однако же, чтобы вы проявляли интерес к моим рассказам. Так вот, сегодня вечером море было неспокойно. Сардинки ловились целыми сетками. Но там был леопард, и капитанский нож, и все стаканы оказались побитыми...

В это мгновение порыв ветра срывает газету, которая прикрывала голову Патриса. Леа громко кричит. Господин Морэн поднимается и берет Ллойд-Джорджа за руку, увлекая его за собой к набережной Гранз-Огюстэн.

Г-н Морэн. Она безумна, сударь. Эй, вы там, поглядите на сумасшедшую! Поглядите на сумасшедшую!

Ллойд-Джордж. О-ля-ля! Сумасшедшая! О! Сумасшедшая.

Они выходят.

Г-жа Морэн. Я все видела, **Леа**. Так что идем.

Они направляются к кровати, оттуда медленно вздымаются две руки, подобные двум высохшим веткам, но над ними вдруг расцветают две новые, огромные, очень белые руки.

Г-жа Морэн. Ах! Дочь моя! Не приближайтесь к ней. Она прокаженная.

Леа (*опускается на колени*). У нее мои глаза с морщинками у уголков. Мои светлые волосы. Мой чистый рот. Приходится согласиться, что от любви не умирают.

Конец второй картины и первого акта

АКТ II

Картина третья

Сцена представляет собой гостиничный номер. Кровать. Стол. Стулья. Шкаф с зеркальной створкой, и так далее. Леа, вытянувшись, лежит на кровати. Патрис стоит у изголовья.

Патрис. Она вертится. Она вертится.

Леа. Кто — вертится?

Патрис. Ну уж во всяком случае, не столешница.

Леа. Земля вертится.

Патрис. Замолчи. Свет дня уже в моем левом глазу.

Леа. Ну вот, все опять начинается заново!

Патрис. Говорю тебе, свет дня уже в моем левом глазу.

Леа. А я разве тебе возражаю?

Молчание.

Леа. А в твоём правом глазу, Патрис?

Патрис. Там — горы.

Леа. Можно посмотреть?

Патрис. Если хочешь.

Леа склоняется над глазом Патриса и смотрит.

Леа. Что это?

Патрис. Это колесо.

Леа. А позади?

Патрис. Позади белая каменоломня.

Леа. Да, рабочие отдыхают.

Патрис. В самом деле?

Леа. А что там блестит в камнях?

Патрис. Инструменты. Они красивые, правда? Они из никеля. Самый маленький похож на красный ного-

ток, а самый большой — на топорик. А вот человек, который держит этот топор. Ты его видишь, Леа?

Леа. Очень ясно. У него усталый вид.

Патрис. И однако же, ему есть что поесть и выпить.

Леа. Он купается. Странно.

Патрис. Что тут странного?

Леа. Он тает. Он белый. Звери его едят.

Патрис. Бедные звери!

Леа. Бедные звери? Эти аспиды, эти воспаленные чешуйчатые гады?

Патрис. Они тебе ничего не сделали.

Леа. Ну что ж, поцелуй мне руки.

Патрис целует ей руки, но тотчас же отскакивает назад.

Патрис. Ай!

Леа. Что я такого сделала?

Патрис. Ты меня обожгла.

116

Руки Леа дымятся. Леа отправляется в ванную и опускает их в воду.

Леа. Как ты меня напугал!

Патрис. Впредь занимайся своими глазами и оставь мои в покое.

Леа плачет.

Это еще не повод, чтобы плакать.

Леа. Мир скучен мне.

Патрис. Где же этот мир?

Леа. Я в нем, о мой Патрис, я в нем.

Патрис. Прости, Леа. Пусть это будет мир, если тебе угодно.

Леа вытягивается на кровати.

Леа. Иди сюда, Патрис.

Патрис. О, как же этот мир долог. (*Указывая на электрическую лампу.*) Экватор на решетке жаровни. И какие же страны вы спасли, сударыня? Таити, Таити, где портмоне лопаются подобно зрелым бананам? Где кружева — это драгоценные дополнения на ногах послов, Таити — парный башмачок к весне?

Леа. Таити? Мои бедра? Наглец!

Патрис. Ах, Леа, последи за своими манерами. Она вертится.

Леа. Но уж никак не столешница, дурачок.

Патрис. Земля вертится. Свет дня в моем левом глазу.

Леа. Ты собираешься снова встать на ноги и выслушать меня?

Патрис. И все-таки она вертится.

Леа. Ты выдумываешь.

Патрис. Больше нет. Я просто машинка, которая вращается в пустоте. Ты говоришь — есть мозг? Он отравлен работой. Он в состоянии столбняка. Это нежное животное. Еще вчера я мог есть. Сегодня все кончено, Леа. Мозг в животе. Он позволяет что угодно вытворять этому отверженному. Сердце? Поищи его в постели. Желудок? Он лижет мне ноги под столом. Печень гримасничает в зеркалах. Селезенка лежит в ящичке стола рядом со штопором, а мои легкие развлекаются тем, что овевают прохладой твоих канареек. Бедный мой мозг, это божественное тесто, оно сминается и принимает нужную форму для всякого пустякового дела. И это ведь не Леа жалуется, верно?

Леа. Эх! Вот еще один, который, вертясь достаточно быстро, вертится не так уж плохо. Но все равно, я не хотела этой войны.

Звонят.

Патрис. Войдите.

Входит Мясник.

Мясник. А для меня что-нибудь есть, дамочка?

Леа. Да, Гаспар, вы найдете все упакованным и увязанным на кухонном столе.

Мясник. Хорошо, госпожа Леа. (*Выходит.*)

Патрис. А это еще что за тип?

Леа. Это чернорабочий.

Патрис. И чем он занимается?

Леа. Он забивает быков.

Патрис. Бедные животные!

Леа. Не такое уж глупое ремесло.

Мясник возвращается.

Мясник. Ну, госпожа Леа, я к вам больше не приду. Едва ли стоит труда. Кости, на которых и жалкая шалава не найдет себе пропитания. Можете оставить свои отбросы для солдат. Коли вы мне будете представлять одну кожу с костями и шерсть, я не дам вам ни су больше. Воровка! (*Выходит.*)

Патрис. Что нужно было здесь этому человеку?

Леа. Ничего, дорогой. Он очень искусен, этот Гаспар. Он чинит плетеные стулья и вставляет разбитые стекла.

Патрис. Мне кажется, я уже видел где-то это лицо.

Леа. Послушай, Патрис, не говори так. Ты всегда требуешь, чтобы я гасила свет, когда ты ложишься спать.

Патрис. Я?

Леа. Ну да, ты. И твой мозг, которым ты так гордишься, вот уж шутник! Перед едой он грезит только об ударах ножа, о нападении животных в лесу — и в языке! — после же еды это всегда прерия, лужайка с душистыми травами, где господин Патрис вытягивается как облако, именуемое перистым, — облако, формой подобное жуке, а цветом — пожару.

Патрис. Но послушай же! Водосточные трубы на доме ведь не умолкают сразу.

Леа. Это тебе так кажется.

Патрис. Еще вчера вечером кто-то кричал: "Ну как, вы кончили резать себе горло, вы там, наверху?" Я поднимаюсь в одной рубашке и отвечаю "Сейчас август месяц, милостивый государь, пора звездопада". И знаешь, что мне ответил сосед?

Леа. Что же тебе ответил сосед?

Патрис. "Когда есть кровь на продажу, занимаются живописью, а не будоражат всех".

Леа. Вот как.

Патрис. Ну ты-то, конечно, будешь утверждать, что он прав.

Леа. О чем ты говоришь?

Патрис. О правоте жильцов.

Леа. Прости, я не поняла.

Патрис. Осмелишься ли ты утверждать, будто я не прав по-своему?

Леа. Вовсе нет. Ведь правота — это равновесие, не так ли? Ты совсем неплохо поднимаешься по лестнице.

Патрис. Ах, эти волосы, сколько стычек!

Леа. Но зато какой макияж.

Патрис. Можно сказать и так. Его видно сквозь все поры кожи. А эта грудь — точильный камень для бриллиантов. И это удачно. Женщины сегодня выбирают красное белье! А ты — тебя всю освещает твой рот. Он как кровавый разъем каменоломни.

Леа. Подумать только! Поэзия.

Патрис (*давая ей пощечину*). Получи!

Леа. Я несчастлива с тобой.

Патрис (*давая ей пощечину*). А на этот раз?

Леа. Я несчастна!

Патрис (*таская ее за волосы*). Было бы любопытно узнать, останусь ли я маятником на всю жизнь. Или, скорее, маятником маятника, или даже лучше — подвешенным язычком подвесного маятника!

Леа. Пощади, Патрис, пощади! Я больше не буду, я всегда буду счастливой.

Патрис. Посмотри на меня, Леа. Я красив; может, мне чего-то не хватает?

Леа. Чего же еще?

Патрис. Состояния. Состояния, которого хватило бы на все заботы и одежды для кожи. Состояния? Я сказал "состояния", Леа? Да. Я сказал "состояния". Вот что важнее всего — белье. Я вхожу в кафе. Приподнятые юбки прячут лица. Они висят на потолке, как груши. И вдруг все начинают целоваться. Колют друг друга булавками в мякоть ноги, и я слышу отовсюду: "Как он красив!" Случай, эту жемчужину, я нахожу на лестнице. О нет, Леа, меня ведет запах духов. Этот дом, я заново золочу его каждое утро, потому что накануне он был кораблем, на котором мы пошли ко дну вдвоем. Откройте же дверь, бога ради! И пусть это сопровождается соответствующим жестом. Я сказал "состояние". Состояние, которого хватило бы на все заботы и одежды для кожи.

Леа. Для кожи.

Патрис. Ах! Не касайся этого. Моя кожа! Мой пергамент! А впрочем, занимайся кожей сама.

Леа. Ты суров, Патрис, ты злой.

Патрис. Эх, я гну спину как могу, это касается только меня. Моя спина — только моя. Что еще сказать? Любовь, потребность выйти из себя — вот что еще. И вот потому я и задаю тебе этот вопрос. Ты перестала смотреть на то, что от меня еще осталось? Ты перестала смотреть на мой скелет? Ах! В тебе достаточно рентгеновских лучей.

Леа. Как это следует понимать?

Патрис. Ах, да что уж там! А как ты это понимаешь? Ты действительно слышишь это? Ты слышишь, как топает это сооружение? Юла! О! Вот "Скелет и Юла" — басня:

У скелета двухметрового роста вдруг не хватило гипса. Черви больше его не хотели — таким он был хрупким и нежным. А из остатков — что вы сделали, сядясь за стол? Мы понаделали из этого зверушек. А причина — все та же быстрота. Порыв сердечный моей милашки. Этой юлы. (Сердца или милашки? — Обоих.)

Леа. Лучше уж думай о будущем.

Патрис. Дитя, которое ты носишь во чреве, Леа, меня бесконечно смущает. Я позволяю тебе его изъять.

Леа. О, успокойся, это ненадолго. (*Уходит.*)

Патрис. Что за положение! Но что за солнце!

Входит Г-жа Морэн.

Г-жа Морэн. Добрый день, господин Патрис.

Патрис. Госпожа Морэн, рад вас видеть.

Г-жа Морэн. Поверьте, эта радость взаимна, о мой зять.

Патрис. Вы говорите "мой зять"? Будьте любезны, сядьте и держитесь спокойно. Вы, несомненно, держитесь за смерть.

Г-жа Морэн. Вы хотите сказать — за жизнь?

Патрис. За жизнь, за смерть, знаю я этот мотивчик. Ваша дочь, госпожа Морэн, прямо-таки скользкий угорь в этом вопросе.

Г-жа Морэн. Ей есть за что держаться.

Патрис. Я же дал вам понять, сударыня. Она держится за смерть.

Г-жа Морэн. Ну что вы за человек, господин Патрис?

Патрис. Ах! Ну вот!

Входит Довик.

Г-жа Морэн. Это Довик. (*Довику.*) Добрый день, о мой зять.

Довик. А вы оставьте меня в покое. (*Патрису.*) Патрис, вы мне очень нравитесь.

Патрис. Один простой вопрос, господин Довик. Вы, несомненно, знаете автора этой пьесы?

Довик. Это мой отец.

Патрис. Нет.

Довик. Во всяком случае, это мой лучший друг.

Патрис. Ну хорошо, будьте любезны, попросите его зайти сюда на минутку.

Довик. Эй! О!.. Автора! Автора!

Все поют хором:

”Постойте, вот и автор, как дела, моя старушка?
Постойте, вот и автор, как дела, мое сердечко?”

Входит Автор.

Автор. Добрый день, госпожа Морэн. Добрый день, Довик. И добрый день, Патрис.

Патрис. Вы явились вовремя; ну и как же вы хотите, чтобы все это кончилось?

Автор. Да, мой мальчик, похоже, что вы увлеклись.

Патрис. Не так ли? Еще словечко.

Автор. Ну, давайте.

Патрис. Вы выдаете себя, мэтр. Должен ли я понимать это в том смысле, что следует продолжать?

Автор. Именно.

Патрис. Ну что ж, бесполезно и говорить об этом. Ну, у кого здесь больше нет слов?

Автор. Послушайте, мой мальчик, ваш случай меня совсем не интересует. Он совсем не интересует и публику.

Патрис. Вы так думаете?

Автор. Я понимаю себя так, как вы понимаете меня и как вы понимаете его.

Довик. Простите.

Патрис. Послушайте, оставьте нас в покое. Занимайтесь женщинами. Я говорю с этим господином. (Автору.) Ну хотя бы один совет, ну пожалуйста!

Автор. Друг мой, вы действительно хотите, чтобы я вам сказал? Ну что ж, я собираюсь приоткрыть вам сейчас свою величайшую слабость: в этом случае я действовал бы так же, как и вы. Но в этом случае позвольте мне удалиться. (*Выходит.*)

Патрис. Клянусь Геркулесом! Давайте продолжать.

Он хватается стул и начинает крушить все вокруг. Он укладывает на месте Довика и госпожу Морэн. Сцена залита кровью. Свет гаснет. Он продолжает с ожесточением наносить удары в темноте.

Леа (*за кулисами*). Ах! Ах! Мам... мам... мама, — мама, — мама, мама, мама, а-а-а!

Свет зажигается снова. Патрис стоит в лохмотьях. Довик и госпожа Морэн лежат на полу. Входит Леа, на руках у нее ребенок.

Леа (*радостно*). Это мальчик. (*Спохватываясь, с ужасом.*) Ах, наша комната! И это в то время, когда я рожала твоего сына!

Патрис. Да, вот так-то. Стоит оставить меня одного — и видишь, что получается. Дай посмотрю на ребенка.

Леа. Мне не очень много времени понадобилось?

Патрис. Он выглядит ладно скроенным. Как ты думаешь, он не простудится на мраморе камина?

Леа. Я протру зеркало и буду разжигать огонь каждое утро. Но ему лучше было бы в постели, рядом с нами.

Патрис. Тут место еще не остыло! А ты можешь вымести прочь осколки от статуй. (*Берет ребенка и наклоняется над ним.*) Гильотэн, тебя назовут Гильотэном, и всю жизнь ты будешь занимать место шедевра. Здесь, между двумя покоями, на цоколе Венеры Милосской.

Леа. Что же мы сделаем из нашего сына? Из нашего Фифи, из нашего Гиги, из нашего Гигилоло, из нашего Гильо?

Патрис. Ах, это красивая роль. (*Кладет ребенка на камин.*) Держись хорошенько. А теперь, Гильотэн, иди ко мне. (*Ребенок пробует сделать это, теряет равновесие, падает и убивается.*)

Леа. Ах! Ах! Ах! Убийство! Убийство! Вот он, мой любовник, мой Папа, мой Папа, мой Патрис, он убил моего Гиги, моего Гиги, моего Гильотэна. (*Сменив тон.*) Кстати сказать, ты мог бы дать ему другое имя. Детоубийство.

Патрис. Хватит, Леа. Ты зажжешь канделябры и подготовишь мои дорожные вещи. Мне надо кое-чем заняться в квартале.

Леа. Спокойной ночи, Патрис.

Патрис выходит.

Полицейский (входя). Это вы тут расшумелись? Что с вами, сударыня, вы плачете? Кто-то вас побил?

Леа. О! Это пустяки, господин полицейский, просто малыш, падая, подцепил корь.

Занавес внезапно опускается.

Конец третьей картины

Картина четвертая

Сцена одновременно представляет железнодорожный вокзал, вагон-ресторан, берег моря, гостиничный холл, галантерейную лавку, центральную площадь провинциального городка. Нужно надлежащим образом расположить сигнальные семафоры, телеграфные провода, многочисленные накрытые столы, большие клочья ваты, изображающие морскую пену, мачты корабля, зеленые растения в кадках, садовые кресла, вывеску, на которой написано "Галантерейная лавка", и статую знаменитого исследователя. Прожектор будет поочередно освещать ту часть сцены, куда переносится действие. Когда занавес поднимается, Леа одна в середине сцены. Входит г-жа Морэн, она в глубоком трауре. Она держит на руках ребенка. Рядом с нею на одном и том же поводке идут две собаки: белый фокстерьер и серый бульдог.

Г-жа Морэн. Простите, сударыня, не могли бы вы на минутку взять ребенка?

Леа. Что вы, сударыня, поезд отходит через пять минут.

Г-жа Морэн. О, не бойтесь! Я тотчас же вернусь. Мне нужно время только на то, чтобы взять билеты для собак, и я сразу вернусь. Впрочем, чего вы опасаетесь? Мой муж в этом вагоне.

Затемнение, потом снова зажигается свет. За одним из столиков сидит Муссолини. Входит Леа, у нее на руках ребенок, за ней идут собаки. Множество пассажиров завтракают. Леа садится, обе собаки ложатся у ее ног. Проходит Контролер.

Леа. Уже завтракают?

Контролер. Сейчас пять минут первого.

Леа. А когда мы приезжаем?

Контролер. В три часа.

Свистки. Шум паровоза. Поезд отходит.

Леа (*у дверей вагона*). Остановитесь! Остановитесь! Мне оставили ребенка... Да, этот ребенок не мой... Женщина... вот там! Это ее ребенок... Женщина... вот... вон там...

Контролер (*смеясь*). Послушайте, послушайте, сударыня. Она уже прежде вытворяла такое. Сохраните же его, этого ребенка. Вы пожалеете об этом позже.

Леа (*снова садится*). Что тут делать? Что я, ворую детей? Ну уж нет, не выйдет. Но вот как теперь избавиться от него? Любовь — это действительно очень обременительно.

Муссолини (*со своего места*). Морской воздух пойдёт малышу на пользу.

Леа. И в самом деле.

Муссолини. Понимаешь, невозможно ведь...

Леа (*прерывая его*). Простите, сударь, но вы ошибаетесь. Я полагаю, что ваша жена оставила мне этого ребенка и этих животных. Но вы без труда поймете, что в моем возрасте я не могу обременять себя ребенком, собаками и мужчиной.

Муссолини. Послушайте, вы могли хотя бы сказать — мужчиной, ребенком и собаками!

Затемнение, потом снова зажигается свет.

Муссолини (один). Море! Какая пена! Ни капли воды. Только пена. Только пена до самых крыш домов. Она поднимается через постоянные промежутки времени. Никогда не видел ничего более впечатляющего! И этот город, построенный на мосту! Море, где же это море? Оно в двух шагах отсюда, внизу, это море. Мне страшно.

Затемнение, потом снова зажигается свет. Леа входит слева с ребенком и собаками. Старуха-горничная входит справа.

Леа. Странная земля.

Горничная (садясь на ступеньку лестницы). Вы не обязаны здесь оставаться.

Леа. А можно мне получить кости для моих собак?

Слева входит повар. Он чистит овощи. За ним следует второй повар. Он чистит овощи. Наконец, последним входит персонаж в костюме, в белых перчатках, он также чистит овощи.

Мужчина в костюме (горничной). Ответьте же этой даме. Да, сударыня, вам дадут костей.

Леа выказывает живейшую радость. Она кладет ребенка и собак к себе в юбки, не боясь при этом показать свои ножки; машет ногами во все стороны.

Леа. Бульдог недоволен. Ну вот, я не заметила вовремя его лап. У него лапы, как у тигра.

Входит Муссолини. Повара и мужчина в костюме, которых, похоже, интересовала игра Леа, в панике

убегают. Леа спускает собак на землю. Она все так же держит ребенка у себя на коленях. Муссолини пинком ноги отшвыривает фокстерьера за кулисы.

Чудовище! Ты разбил ему морду и ухо.

Муссолини. Аптекари не созданы для собак, иди сама ухаживать за ним.

Леа кладет ребенка на землю.

Леа. О! Какой же ужас эти черные башмаки, эти башмаки на шнуровке и эти черные чулки! Я куплю ему другие.

Муссолини. Да нет, это бесполезно.

Леа. Нет, я не пойду.

Затемнение, потом снова зажигается свет.

В галантерейной лавке.

Леа. Мне хотелось бы башмачки белой кожи для малыша.

Галантерейщица. Ярко-синие будут покрасивее.

Леа. Нет, белые! Я хочу белые башмачки!

Галантерейщица. Что за вкус!

Леа. У каждого свой вкус. *(Рассматривает башмачки.)* Послушайте, подошвы здесь из пробки. Это, наверное, непрактично. Воду пропускают.

Галантерейщица. Ну как же, пробки от бутылок с вином, ведь их можно опускать в воду!

Леа. Ладно, я возьму ярко-синие башмачки.

Затемнение, потом снова зажигается свет.

Леа *(сидит)*. Я еду в Сент-Африк, в Африку. Я не могу взять вас с собой.

Муссолини. Жалуйтесь! Я вам советую подать жалобу. Муж, которого вы не искали, ребенок, которого не производили на свет, собаки, которых не покупали.

Леа. У него вьются волосы. Он светленький. У него огромные черные глаза. Он похож на того, кто остался у меня дома, он похож на Патриса. Я оставляю ребенка. Уж очень он хорош.

Затемнение, потом зажигается синий свет.

Леа (*держа ребенка за руку*). Свет непрозрачен, воздух тяжел. Это город блуждающих огоньков. И эти люди — как черные призраки. Все это тревожно. (*Бежит.*) Ах! Вот один из них. Это Муссолини.

Муссолини. А! Сразу видно, что у тебя никогда не было детей. Ты бежишь как сумасшедшая, ты бежишь, как будто ты одна тут, ты волочешь малыша по земле.

Леа. В самом деле, ты прав. Я о нем позабыла. Я держала его за руку. Но прежде всего мне хотелось бы попросить вас не тыкать мне. Ненавижу это.

Муссолини. Ну вот, все сначала!

128

Муссолини, ребенок и собаки начинают плакать.

Леа. Что же вы так плачете?

Муссолини. Ах, я на тебя не сержусь. (*Вытаскивая из кармана черные детские башмачки.*) Послушай, надень-ка на него его старые башмачки, те, черные. В следующий раз он сможет бежать с тобой вместе. Ему их не хватало.

Леа. Ах, боже мой! Если б я могла сменить и сердце.

Она выбрасывает прочь синие башмачки и надевает на ребенка черные.

А эти волосы, такие жесткие на лбу. Где же прекрасные светлые локоны?

Муссолини. Ну да, у него был парик.

Леа (*начинает очень быстро кружиться по сцене, держа ребенка за руку, и приговаривая*). О, это правда.

Теперь он бежит вровень со мной, он бежит вровень со мной, он бежит вровень со мной. (*Останавливается и берет ребенка на руки.*)

Леа. Мой маленький, мой маленький, теперь мы больше не расстанемся. У тебя не будет больше парика. А чтобы тебя не узнали, я выкрашу тебе волосы в черный цвет.

Она выходит, собаки следуют за ней. Муссолини садится на пол и обхватывает руками голову. Занавес медленно опускается.

Конец четвертой картины и второго акта

АКТ III

Картина пятая

Сцена представляет гостиничный холл в полночь. Когда поднимается занавес, слышен бой часов, раздаются звонки, шум шагов на лестнице, крики. Лифт, полный жильцов гостиницы, на всей скорости поднимается и спускается. Проходят персонажи в вечерних нарядах, в костюмах, без сюртуков и так далее.

129

Разные голоса. — Это пятьдесят третий номер. — Это пятьдесят третий номер на четвертом этаже. — На четвертом. — Пятьдесят третий номер? — Женщина. — Известно, кто она? — Она живет одна. — Это актриса. — Американка. — Мать семейства. — Потаскуха. — Бедная женщина, что с ней? — Она сумасшедшая. — Да ничего особенного. — Это истеричка. — Она крушит все вокруг. — Она ломает мебель. — Она бьет стекла. — Она сожжет весь дом.

Более громкий голос (*сверху*). Невозможно открыть. Вы откроете, или нет? (*Молчание.*) Нет? (*Молчание.*) Ломайте дверь.

Громкий крик, потом полное молчание. Снова спускается лифт. Леа, с окровавленными руками, в платье, разодранном в клочья, появляется в сопровождении двух полицейских. Толкотня на лестнице, жильцы поспешно спускаются вниз, чтобы успеть ее увидеть.

Первый Полицейский (*управляющему*). Как ее зовут?

Управляющий. Неизвестно. Здесь ее называли госпожа Леа.

Второй Полицейский. А она разве не заполняла вопросник для полиции?

Управляющий. Ну, полиция, это уж ваши заботы.

Первый Полицейский. Верно. Ну что ж, госпожа Леа, раз уж вы — Леа, будьте любезны следовать за нами.

Леа (*с воодушевлением*). Я последую за вами повсюду, повсюду.

130

Взрывы хохота.

Второй Полицейский. Либо она сумасшедшая, либо напилась. Вам известны ее пороки, господин управляющий?

Управляющий. Я из кожи вон лезу, повторяя вам, что я ее совсем не знаю.

Первый Полицейский. Это еще не причина. Она может колотиться или нюхать кокаин.

Управляющий (*обращаясь к Леа*). Вы колетесь? Вы нюхаете?

Леа. Не нюхаю и не колюсь.

Первый Полицейский (*жильцам*). Кто-нибудь из вас, милостивые государи и государыни, знает госпожу Леа? Может нас кто-нибудь просветить на это счет?

Все. Госпожу Леа? Госпожу Леа? Госпожу Леа?

Первый Полицейский. Ну ладно, так что же она натворила, эта госпожа Леа?

Управляющий. Она разбила гардероб с зеркалом. Она разнесла на части туалетный столик. Она вытащила из аквариума красных рыбок, и те задохнулись. Она подожгла занавески в своей комнате. Вот что она натворила, эта госпожа Леа. Нужно, чтобы она заплатила, эта госпожа Леа.

Первый Полицейский. Вы слышите, сударыня? Надеюсь, вы признаете факты?

Леа. Господин управляющий, я явилась сюда не для того, чтобы занимать какой-нибудь номер, даже если это номер пятьдесят третий. Вы говорите, что я разбила гардероб с зеркалом. Патрис обещал отвезти меня на полюс. Разве он сделал это? Вы говорите, что я разнесла на части туалетный столик? Патрис обещал мне парочку звезд собственного изготовления. Когда там нажимаешь пружинку, должно быть видно море, деревья и облака; и что же я увидела? Вы говорите, что из-за меня задохнулись красные аквариумные рыбки: я продала, сколько можно было, от тела святого Патриса. Остальные части сейчас в путешествии. И разве они вернулись? О! Будь все так, как мне говорили, я за собственный счет построила бы вам искусственные гроты, я купила бы вам подвески из шелка и человеческой плоти. И я украсила бы ваш двор святой водой, где плавали бы карпы и Святые дары Евхаристии. Что же до ваших занавесок, господин управляющий, то я подожгла их, чтобы доставить вам удовольствие. Мальбрук, Мальбрук погиб в своем походе. Вполне справедливо, что вы оживляете его рот на балконе вашей гостиницы. Я сделала все возможное, чтобы открыть ему глаза. Но стены ваши из железа, господин управляющий, на ваших стенах зрачки из никеля. Они истощили мои руки насекомого, мои маленькие руки-лягушки французской женщины.

Разные голоса. Очаровательно! Безумна? Очаровательно! Безумна, но очаровательно.

Управляющий. Господа, будьте любезны, вернитесь в свои номера. Могу ли я рассчитывать на вашу скромность? Я сам крайне огорчен скандалом. К сча-

стью, он исчерпан. Все хорошо, что хорошо кончается, не правда ли, господа? Доброй ночи, сударыни.

Жильцы неспешно расходятся.

(*Полицейским*). Разберитесь с нею. Надеюсь, больше не будет никаких историй. Мне ничего не надо. Пусть меня оставят в покое. Спокойной ночи. (*Выходит.*)

Первый Полицейский. Госпожа Леа, будьте любезны, пройдемте с нами.

Второй Полицейский. Пройдемте с нами.

Леа. Господа полицейские! (*Указывая на дверь.*) Посмотрите на эту дверь.

Первый Полицейский. Ну, и дальше что?

Второй Полицейский. Я ее вижу.

Леа. Она сейчас откроется. Нужно, чтобы она открылась.

Первый Полицейский. Действительно, нужно, чтобы она открылась. Я сам и собираюсь ее открыть.

Леа (*печально*). Не беспокойтесь, господин Полицейский. Она прекрасно откроется сама собой.

Дверь открывается сама.

Известно ли вам, что можно сделать словом?

Полицейские (*вместе*). Что можно сделать словом?

Леа. Вы увидите. Скажите: "Свет".

Полицейские (*вместе*). Свет.

Леа (*загадочно*). Вы последовали за светом. Ничто здесь не шелохнулось. Со светом все в порядке. Он обходится сам.

Полицейские пожимают плечами.

А теперь скажите: "ночь".

Полицейские (*вместе*). Не будем ей противоречить. Ночь.

Леа. Она ждет вас, как ваши тени ждут, когда вы начнете идти, чтобы следовать за вами. Ночь обходится без нас. Она прекрасно обходится сама. Но я говорю это, я собираюсь сказать, а значит, я несу его в себе, и он явится, как бы вылепленный моей гортанью и разбрызгавшись из моего рта. Патрис!

Входит Патрис. Полицейские в ужасе убегают.

Ах! Патрис, какое счастье!

Они обнимаются и целуются.

Патрис. Ты меня больше не ждала? Ты меня еще ждала?

Леа. Я совсем тебя не ждала. Но вчера, когда я ела землянику, я сказала себе: "А увижу ли я когда-нибудь сливки на столе? И Патриса на своем месте?" — и я взяла еще сахару.

Патрис. И ты взяла еще сахару.

Леа. Ну да. Ах, сколько сахару зря перевели!

Патрис. А как там дом?

Леа. Он попал в руки электриков.

Удар грома.

Патрис. Что это за шум?

Леа. Это гром.

Патрис. Но сегодня свинцовое солнце.

Леа. Сегодня праздник Божий.

Патрис. Сегодня праздник Божий.

Первый ребенок. Господин Патрис, что вы принесли в своих башмаках?

Патрис. Слонов под пальмами.

Второй ребенок. А этот лев, который смотрит на нас?

Патрис. Это, малыш, свобода.

Третий ребенок. А этот автомобиль тоже для нас?

Патрис. Он небьющийся и вместительный.

Первый ребенок. У вас есть для нас какие-нибудь новые запахи?

Патрис. Возьмите этих птиц.

Второй ребенок. Дайте нам еще что-нибудь.

Патрис. Леа, у тебя есть что-нибудь для этих детей?

Леа. Дети мои, оставьте своего отца в покое.

Дети. Но Патрис не наш отец!

Патрис. А кто же ваш отец, дети мои?

Первый ребенок. Мой — это конь булочника.

Второй ребенок. Мой — это швейная машинка моей матери.

Патрис (*третьему ребенку*). А кто твой?

Третий ребенок. Мой отец? Господин Патрис? Скорее уж, это мой сын, который воюет у арабов. У него огромное лицо размером с яблочный пирог и уши великана. У моего сына борода в портфеле и глаза во всех карманах. Говорят, что это оригинально. Но ведь чего только не говорят! Не так ли, господин Патрис? Говорят также, что вы покупаете негритянок, чтобы делать из них кроваво-красное виноградное варенье, а остатки сбывать ювелирам. Меня от таких отвратительных сделок просто тошнит. Мой сын не вернется, когда этому научится. Это добрый друг Леа, не правда ли, дочь моя? Вот что он сказал мне перед своим отъездом: "Будь счастлив, папашка! Леа — последняя из последних, и Патрис не замедлит разбить ей физиономию террасой дома". Я ничего не ответил на эти глупости. Леа запретила мне говорить об этом, но она весьма ценит таких ребят, как я. Не так ли, дети мои?

Дети (*вместе*). Да, сударь. Да здравствует отец полковника!

Патрис. Ах, сударь! Значит, ваш сын — полковник?

Третий ребенок. Мы просто устали повторять. Мой сын — полковник зуавов.

Патрис. Ну что ж, милое мое дитя, постройте свои войска и оставьте меня в покое.

Третий ребенок. Слушай мою команду! Смирно!

Дети строятся. Отец полковника достает из кармана револьвер и расстреливает их в упор.

Внесите это в свой охотничий список, господин Патрис.

Патрис. О, сын мой, сын мой! Какими же будут наши потомки! Подойдите, чтобы я мог наградить и обнять вас, как полагается.

Третий ребенок. А как же иначе, папа; я случайно оказался отцом полковника зуавов, но я всегда есть и буду дитя любви.

Удар грома.

Патрис. Зачитайте сообщение под эту барабанную дробь.

Леа. О мой Господь, ты дал мне груди коровы, даруй же мне сегодня ночной колпак мятежа, ибо Патрис и мой ребенок оба покинули меня.

135

Удар грома.

Третий ребенок. Сударыня, поднимитесь. Ваш Патрис ничего не утратил в своих странствиях. Нил пересекает множество областей, а я составлял счастье всего семейства еще до своего совершеннолетия. Поблагодарите своего сына, принимая моего. Если бы Патрис встретил полковника зуавов, он ничего не потерял бы. Его вернули бы вам евнухом, Леа. И у моего отца оказался бы сейчас этот резкий, пронзительный голос, который всегда кажется знакомым, голос, который предвещает гения.

Леа. Спасибо, мой маленький. Ты говоришь, как книга.

Третий ребенок. Мама, книги не говорят.

Патрис. А что они делают, дитя мое?

Третий ребенок. Они читают.

Удар грома.

Патрис. Убирайтесь, эй вы, мошкара. Старичье из карманов. Убирайтесь жужжать. Они раздражают меня, эти дети. Они приводят меня в отчаяние.

Леа. Да, их стоит убить. У меня они тоже вот где, выше головы.

Патрис. Милая шляпка, этот венец принадлежит и новорожденным, причем у одного уже есть свой сын — полковник зуавов. Но что со мной станется во всей этой истории? И это возвращение, любовь моя?

Леа. Ты потолстел, о мой Патрис.

Патрис. И это возвращение?

Леа. Ах, разве мало я тебя ждала?

Патрис. Это возвращение?

Леа. С каким нетерпением!

Патрис. Правда? И чтобы уж закончить...

Леа. Закончить? Но что?

Патрис. Чтобы любить друг друга.

Леа. Я голодна.

Патрис. О, моя дорогая, какие у тебя большие зубы.

Леа. Это чтобы лучше укачать тебя, дитя мое.

Патрис. Ну хорошо, пойдем спать.

Леа. Нет, я хочу, чтобы ты рассказал мне сказку.

Патрис. Ну ладно! Расскажу уж тебе одну. Это будет последняя. Жатва фабричных труб проходит в конце ноября. Сначала, чтобы сделать трубы потоньше, их катают по песку. После этой операции они становятся гладкими и блестящими. Одни, предназначенные для размножения, размещаются справа, другие — слева. Эти последние делятся на две группы. Первая предназначена для вооружения. Из них делают пушки. Другую группу продают с публичных торгов. Стало быть, эти последние расходятся в разные стороны. Но, проходя из рук в руки, они постепенно стираются и вскоре уже вообще ничего не остается от этих фабричных труб. Остаются только сами фабрики и пушки. Тогда пушки нацеливают на фабрики. Каждой

даме, которая об этом попросит, выдают по пушке, и в конце концов больше не остается ни одной пушки.

Леа. А что же они сделали, о мой Патрис, со всеми этими пушками?

Патрис. Милая, хочешь — верь, хочешь — не верь, но они их съели.

Леа. Неправда.

Входит Автор.

Автор. Эй! Патрис!

Леа. Кто вы?

Патрис. Это Автор.

Автор. Я вам нужен?

Патрис. Нет, спасибо.

Автор (*протягивая ему револьвер*). Вот, возьмите, это необходимо.

Патрис. Вы правы. (*Стреляет в автора.*)

Автор. Бесплезно, мой дорогой Патрис! Эти пули меня не задевают. А жаль!

Патрис. Ну, тогда оставьте себе и эту штуку. Мне нечего с ней делать.

Автор. Прошу вас. Если вы не хотите сделать это для меня, сделайте это в интересах драмы, которую вы разыгрываете. Уверяю вас, что последний *Выстрел* совершенно необходим для развязки.

Патрис. Вы так думаете?

Автор. Я в этом уверен.

Патрис. Тогда я послушаюсь. До свидания, сударь.

Автор. Прощайте, Патрис.

Леа. Эй, послушайте, автор!

Автор. Сударыня?

Леа. А мне вы ничего не дадите?

Автор. Это справедливо. Вот, возьмите. (*Дает ей второй револьвер.*)

Леа. Ну он-то по крайней мере заряжен? (*Патрису.*) Я уверена, что ты не проверил у своего барабан.

Автор. Не волнуйтесь, оба они надлежащим образом укомплектованы.

Леа (*Патрису*). Ты не находишь, что в этом господине есть что-то от Довика?

Патрис. В этом господине есть все, что ему необходимо. Довольно же, Леа.

Автор. Будьте снисходительны, Патрис. Леа — женщина.

Патрис. Что вы говорите?

Автор. Я говорю: Леа — женщина.

Патрис. Но я тоже женщина. Что вы скажете на это?

Автор. Вот мой ответ: мне это известно еще лучше, чем вам, но я не считаю, что вы достигли в этом совершенства.

Патрис. Видите, какая у меня белая кожа.

Автор. Это еще ничего не доказывает.

Патрис. Это и в самом деле ничего не доказывало бы, не будь на свете вечных снегов. Соболаговолите узнать, господин автор, что вечные снега научили меня ясно видеть. Правда, горы меня немного смущали. Но знаете, что я сделал с горами?

Автор. Что же вы сделали с горами?

Патрис. Я сделал из них людей.

Автор. Ваши слова делают все невозможным, друг мой.

Патрис. Ну что ж, создайте театр без слов.

Автор. Но сударь, а разве я когда-либо собирался поступить иначе?

Патрис. Да, но вы вложили мне в уста слова любви.

Автор. Надо было их выплюнуть.

Патрис. Я пробовал, но они превращались то в *Выстрелы*, то в головокружения.

Автор. Я же здесь напрасно. Жизнь так устроена.

Патрис. Потому оставьте жизнь в покое и зачищайте в своем мозгу.

Автор. Не премину.

Патрис. Когда ваш мозг разродится, сохраните мозг-малютку и для меня.

Автор. Можете на меня рассчитывать.

Патрис. Я бы вполне без него обошелся, но это развleчет малыша Леа.

Автор. Вы больше ничего не хотите у меня попросить?

Патрис. Ничего.

Леа. А можно мне тоже кое-что попросить?

Автор. Если вы не слишком привередливы.

Леа. Тогда дайте нам парочку миниатюрных мозгов. Один для малыша, другой — для меня.

Автор. Для вас?

Леа. Да, так у меня окажется три.

Автор. Как это?

Леа. Мой, мозг Патриса и ваш.

Автор (*поспешно*). Можете на меня рассчитывать, можете на меня рассчитывать. (*Патрису, тихо.*) Друг мой, один добрый совет: воспользуйтесь той штукой. Речь идет о вашем будущем. (*Убегает.*)

Патрис. Куда вы бежите?

Автор. Я собираюсь родиться. Спокойной ночи.

Долгое молчание. Патрис и Леа смотрят друг на друга.

Патрис. Ах, Леа! Все равно есть еще любовь.

Леа. Любовь, вытертая до нитки, а нитка годится только на веревку, чтобы повеситься. Любовь: тайный труд по стиранию всего. Есть еще ты, Патрис.

Патрис. Ну, я... стоит ли об этом говорить. Я — крошечная капля мозга на нити. Есть еще ты, Леа.

Леа. Ах, Патрис! Прекрасная архитектура гнева. Я вдоволь напилалась розами: это пахнет цветами. Теперь мне нужны уголь и полотно. Есть еще печаль, Патрис.

Патрис. Печаль? Капля кипящего масла, порождающая тело. Изгиб земли — это печаль мира; но язык — это печаль мысли, как ноющая боль в шее — это печаль тела; вот так резким ударом распутываются все самые печальные зацепки жизни. Печаль? Великое порождение. Но есть еще доброта, Леа.

Леа. Доброта? Нет, Патрис. Доброта, это приношение на грани возможного, вялая немочь смерти. Жирные щеки и напряженные коленки. Не втягивай меня в это. Фабрика, производящая дрессированных собак. Но есть еще прощение, Патрис.

Патрис. Прощение — как солнце; прощение — как возвращение. Прощение — как бумеранг. Прощение — как множество рождений. Прощение — как времена года. Прощение без всякой обиды.

Леа. Есть еще смерть.

Патрис. О да, смерть. Но и смерть — как прощение. Как снег на горе. Прощение — как пламя, которое отсечено лезвием ножа. Прощение — как вода, из которой творятся дома. Прощение — как убийство, которым творятся прочие преступления. Прощение — как тайна, благодаря которой творится храм. Прощение — как конь, которым творится удача. Прощение — как старик, из которого творятся облака. Прощение — как "я", и этим я создаю виновного. Прощение — как "ты", и этим я создаю разъедающую кислоту. Сердце уже красно. Теки же, Леа. Руки на бронзе тень. Сердце уже красно до глубины театра, где кто-то сегодня умрет.

Леа. Довольно, Патрис. (*Стреляет.*)

Патрис. Что ты натворила, Леа? Что ты натворила? Ты только что убила какого-то зрителя.

Конец пятой картины и третьего акта

Конец

Томас Бернхард
О ПАКОЙНИК¹²

Драмолетка для двух актрис и сельской улицы

Пустынная сельская улица в Верхней Баварии.
Две бабы возвращаются из церкви после вечерней
МОЛИТВЫ.

Густые сумерки.

Первая баба (*останавливается*):

Хлянь хлянь

пади хлянь

во-он там шой-та

о пакойник

141

хватает спутницу за рукав

Хлянь

чилавек

вишь

во-он там чилавек

во-он хлянь

во-он

прамеш диревьеу во-он

хлянь

вишь во-он

обе таращатся

Нибось только шо зашибли

и не едить-та никто

---

¹² Перевод с немецкого Андрея Гордасевича.

оглядывается, затем снова смотрит между деревьев

О как
Ить када тудыть шли
ничаво ш не былоть
ничаво ришительна
и не едять-та никто

Вторая баба:

Хлянь, он накрытай

Первая баба:

Бумахаю
Хтой-та иво уш прикрыл

хочет подойти поближе, чуть не роняет молитвенник

142

Пади на вон падержжи
на вон

вторая баба: берет у первой молитвенник

Первая баба:

Ить када тудыть ишли
ничаво не была-ть
ничаво ришительна
нешта была
када тудыть ишли-та

Вторая баба:

Не-е

Первая баба:

Ничаво ришительна
ей-ей не была-ть
нибось тока-тока зашибли

ини ты шо видила-ть
можо ты шо видила-ть

Вторая баба:

Не-е

Первая баба:

Ить я ничо ни видила ришитильно ничо

Вторая баба:

И ить ни едять-та нихто ай

Первая баба:

Нибось тока-тока зашибли
пака мы у церкви были-та
Ишь накрытай
хтой-та иво накрыл уш

Вторая баба:

Бумахаю

143

Первая баба:

Их усихда накрывают
Пакойникау
Бумахаю

Вторая баба:

Бумахаю

Первая баба:

Бумахаю накрытай
ишь как
пади пади

тянет спутницу за собой

Не бойса шо ты боисси
пакойники ш не кусаюца

*вторая баба сперва медлит, затем приближается,
хоть и неохотно, к месту происшествия*

Первая баба:

Уш я их пакойникау стока-стока навидаласи
шо ш мне их баяца
Ишь накрытай он
бумахаю
Ить как жа-ть здесь-та иво аставили-та
уш коли накрыли-та
Ить хтой-та иво накрыл уш
ишь

Вторая баба:

А-а

Первая баба:

Бумахаю

144

Вторая баба:

А-а

Первая баба:

Ить хтой-та ш видел иво а
ить иначе ш он так прикрытай ни лижал ба
Видать хтой-та пириехал иво
А апосля видать прикрыли

Вторая баба:

Бумахаю
Ишь

Первая баба:

Ить хлянъ бальной какой кусок-та

Вторая баба:

А-а

Первая баба:

Видать шол хтой-та мима с бумахаю

Вторая баба:

Видать хтой-та пириехал ивой
а апосля видать шол хтой-та мима с бумахаю
ить хлянь кусок-та бальшой какой

Первая баба:

Хлянь
Ишь нага
во-он
нага
сзаду ишь
сзаду хлянь ишь нага торчит

Вторая баба:

А-а

Первая баба:

Мужик
Ишь мужик
Ить мужик эта-ть

Вторая баба:

А-а мужик

Первая баба:

Ишь мужик
пади пади
не бойсь
эта мужик

Вторая баба:

Мужик

Первая баба:

Ишь как

Вторая баба:

А можа знакомый какой

Первая баба:

Пади

пади суды-та

Вторая баба:

Можа знакомый какой

мужик

Ить шой-та он седой шо ля

Первая баба:

А-а шо ты

уш я их пакойникау стока навидаласи

пади суды-та

Не бойса шо ты боисси

пади жа

146

тянет вторую бабу за собой

Мине отец тада сказывал

надать пакойнику у лицо пахлядеть

пади пади

Не бойса шо ты баисси

ступай са мной-та

Вторая баба:

И ить ни едить-та нихто ай

Первая баба:

Кажись нету

о как

*оглядывается, не едет ли какая машина, не со-
бьет ли их обеих*

И ить нихто ни едить хлянь нихто

никаво

хватает спутницу за рукав, храбро тянет ее к телу, разочарованно

Аи-хлянь-ке-ся кой жа тета пакойник-та

отпускает спутницу

От-те на
хлянь
тента ш бумаха
рулон
патирял хтой-та
с хрузавика видать
хлянь бумаха
рулон

дотрагивается своим черным сапожком до рулона

Рулон
рулон тента
ишь
хлянь
хлянь а
рулон
а я-та усё пакойник-пакойник
а тента рулон а
о-та-да

нагибается, рассматривает рулон

Рулон

хочет раскатать рулон, но внезапно он весь рассыпается

Вторая баба (вскрикнув):

О-та-да
Свастика тока

Первая баба:

О-та-да
Тента ш плакаты-та тенти
Шо мой-та клеить сбиралси
Ночью-та
Са свастикай плакаты-та а

Вторая баба:

Свастика тока
о-та-да
плакаты тока са свастикай
а я-та усё пакойник-пакойник
а тента плакаты тока са свастикай

Первая баба: (сердито):

Во олух мой-та
плакаты пасеял
ить я ш иму хаварила
пакрепше привязавай к мапеду-та
во олух
во олух мой-та
ить нешта ш так я иму хаварила привязать
во олух
пади суды
на держи плакаты
на держи
держи

они подбирают плакаты и встают с ними у обочины

Первая баба:

Нибось паедит хто
вазьмёт нас
ить усихда едит хтой-та
а сиводня ну как назло никаво
ты эта ежели тижало табе ты скажи тада
пади

давай суды

берет у спутницы молитвенник

Шо ш я ни данису

А тады ночью я сама плакаты тенти...

Во олух мой-та

Падём

Ну падём

Во олух

тащат плакаты домой

guydebord

Ги Дебор **ТЕЗИСЫ О КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ¹³**

150

1. Традиционная цель эстетики состоит в том, чтобы заставить почувствовать в лишении и отсутствии некоторые прошлые элементы жизни, которые посредством искусства избегают смешения образов, так как образы это то, что страдает от господства времени. Степень эстетического успеха измеряется красотой, неотделимой от времени и даже стремящейся претендовать на вечность. Цель ситуационистов заключается в непосредственном участии в изобилии чувств, даруемом жизнью, путём изменения преднамеренно организованных мимолетных мгновений. Успех этих мгновений определяется ничем иным, как эффектом от их прохождения. Ситуационисты определяют культурную деятельность, с точки зрения тотальности, как метод экспериментального конструирования повседневной жизни, которая может быть постоянно совершенствуема по мере увеличения возможностей для досуга и исчезновения разделения труда (начиная с разделения художественного труда).

2. Искусство способно перестать быть отчётом об ощущениях и превратиться в непосредственного организатора высших ощущений. Речь идёт о производстве самих себя, а не поработавших нас вещей.

3. Масколо прав, когда говорит в книге «Коммунизм»¹⁴, что сокращение рабочего дня режимом дик-

---

¹³ Ситуационистский Интернационал №1 (июнь 1958).
Перевод с французского Степана Михайленко.

татуры пролетариата является «наиболее верной гарантией революционной сущности этого режима». Действительно, «если человек — это товар и к нему относятся как к вещи, если основные человеческие отношения являются отношениями между вещами, то причина этого в том, что у человека можно купить его время». Масколо, однако, приходит к поспешному выводу, что «время добровольного труда» всегда потрачено не зря, и что «покупка времени является единственным злом». Не существует никакой свободы в использовании времени без владения современными инструментами конструирования повседневной жизни. Использование таких инструментов означает превращение утопического революционного искусства в экспериментальное революционное искусство.

4. Международную организацию ситуационистов можно рассматривать как объединение рабочих передовых отраслей культуры, точнее, как союз тех, кто провозглашает право на труд, невозможный в нынешних социальных условиях, или ещё точнее, как попытку создания организации профессиональных культурных революционеров.

5. В действительности мы отделены от подлинного контроля над материальными ресурсами, накопленными к нашему времени. Коммунистическая революция так и не произошла, и мы всё ещё живём в ситуации разложения старых культурных надстроек. Анри Лефевр верно замечает, что это противоречие находится в центре специфического современного разногласия между прогрессивным человеком и миром, и называет культурные тенденции, основанные на этом разногласии «романтически-революционными». Недостаток концепции Лефевра заключается в том, что он

---

¹⁴ Ги Дебор отсылает читателя к работе французского философа Диониса Масколо «Коммунизм. Революция и коммуникация или диалектика ценностей и потребностей». См. Mascolo D. Le communisme. Révolution et communication ou la dialectique des valeurs et des besoins. — Paris, 1953.

делает простое выражение разногласия критерием революционного действия в области культуры. Лефевр заранее отказывается от каких-либо попыток глубоких культурных изменений, оставаясь довольным содержанием: знанием (всё ещё слишком отдалённым) о том возможном и невозможном, что может быть выражено в абсолютно любой форме в ситуации разложения.

6. Те, кто хотят преодолеть во всех аспектах старый установленный порядок, не должны связывать себя с нынешним беспорядком, даже в области культуры. Мы должны немедленно приступить к борьбе, в том числе, и в области культуры, за непосредственное появление изменённого порядка будущего. Его возможность, уже присутствующая в нашей среде, обесценивает все известные формы культурного выражения. Необходимо довести все формы псевдокоммуникации до их полного уничтожения, для достижения в будущем истинно непосредственной коммуникации (в терминах нашей рабочей гипотезы о высших культурных методах: «созданной ситуации»). Победа будет за теми, кто сможет создать беспорядок, не полюбив его.

7. В мире культурного разложения мы можем попробовать наши силы, но не применить их. Практическая задача преодоления нашего разногласия с миром, то есть преодоления разложения некоторым высшим созиданием, неромантична. Мы будем «романтически-революционными» по определению Лефевра именно в случае нашей неудачи.

Ги Дебор, Жиль Вольман
МЕТОДИКА DÉTOURNEMENT¹⁵

Всякий разумный человек в наше время знает очевидный факт, что искусство не может быть более названо ни высшей деятельностью, ни даже компенсирующей деятельностью, которой можно было бы посвятить себя с честью. Причиной этой деградации совершенно точно является развитие производительных сил, которое требует иных производственных отношений и новой жизненной практики. На этапе гражданской войны, в которую мы вовлечены, и в тесной взаимосвязи с направлением, которое мы разрабатываем для появления новых типов высшей деятельности, мы полагаем, что все известные средства самовыражения соединятся в единый стиль пропаганды, охватывающий все стороны социальной реальности в их непрерывном взаимодействии.

Существует несколько противоречащих друг другу мнений относительно форм и самой сущности просветительской пропаганды; мнений, в большинстве своем, вдохновленных одной из форм модной ныне политики реформизма. Достаточно сказать, что с нашей точки зрения, предпосылки революции, как на культурном, так и на чисто политическом уровне, не просто созрели, но уже начали подгнивать. Речь идет не только о возвращении в прошлое, которое является реакционным; даже «современные» культурные цели являются крайне реакционными, поскольку они зависят от идеологических формулировок старого общества, чья агония длится по сей день. Экстремальное новшество

---

¹⁵ Перевод с французского Степана Михайленко.

является единственной исторически оправданной тактикой.

Литературное и художественное наследие человечества должно быть использовано в партизанских пропагандистских целях. И речь идет не о банальном провоцировании скандала. Поскольку отрицание буржуазной концепции гения и искусства уже порядком устарело, Мона Лиза с пририсованными усами¹⁶ является не более интересной, чем оригинальная версия картины. Нам необходимо довести этот процесс до точки отрицания отрицания. Бертольд Брехт, рассказывающий в недавнем интервью еженедельнику «France-Observateur», что он сделал купюры в ряде классических театральных постановок, чтобы усилить их воспитательный эффект, гораздо ближе, чем Дюшан, к тем революционным результатам, к которым мы призываем. Однако, следует заметить, что в случае с Брехтом, эти полезные изменения сильно ограничены его неуместным уважением к культуре, которое требует правящий класс, тем самым уважением, которому учат и газеты рабочих партий и начальные школы буржуазии, и которое приводит к тому, что даже самые красные муниципалитеты рабочих пригородов Парижа предпочитают видеть на гастролях Народного национального театра пьесу «Сид», а не «Мамашу Ку-раж».

Необходимо полностью уничтожить любые представления о частной собственности в этой области. Появление новых потребностей отменяет любую значимость ранее «великих» работ. Они становятся препятствиями, опасными привычками. Вопрос не в том — нравятся они нам или нет. Мы должны их преодолеть.

Любые элементы, независимо от того, что является их источником, могут быть использованы для создания новых комбинаций. Открытия современной поэзии в

---

¹⁶ Речь идёт о картине «L.H.O.O.Q.» (1919) французского художника-сюрреалиста Марселя Дюшана (1887-1868).

области аналогичной структуры образов показывают, что при совмещении двух объектов, не важно насколько сильно отстраненных от оригинального контекста, между ними обязательно формируется новая связь. Самоограничение до самостоятельного подбора слов — не более чем условность. Слияние двух чувственных миров или объединение двух независимых выражений вытесняет оригинальные элементы и производит синтетическую организацию большей эффективности. Использовать можно всё что угодно.

Очевидно, что творец не ограничен лишь исправлением работы или сборкой разнообразных фрагментов устаревших работ в новое произведение; позволено также изменять значение этих фрагментов любым способом, оставляя идиотам рабское корпение над «цитированием».

Подобные методы часто использовались для достижения комического эффекта. Но такой юмор — результат противоречия, чьё существование заранее полагается неизменным. Поскольку мир литературы от нас также далёк, как и пещерный палеолит, подобные противоречия не кажутся нам смешными. Потому необходимо представить такой пародийно-серьезный уровень, где накопление реверсированных элементов (далёкое от целей вызвать возмущение или смех ссылкой на оригинальные работы) выразит наше безразличие к бессмысленному и позабытому оригиналу и позволит выйти на более высокий уровень.

Лотреамон продвинулся настолько далеко в этом направлении, что он по сей день оказывается частично не понят даже самыми преданными поклонниками. Несмотря на очевидное применение такого метода к языку теории в «Поэзиях», где Лотреамон, основываясь на максимах Паскаля и Вовенарга, стремится свести умозаключения путём непрерывной концентрации к единой максиме; некто Виру¹⁷ вызвал значительное

---

¹⁷ Авторы статьи отсылают читателя к работе Мориса Виру «Лотреамон и доктор Шеню», опубликованной в 1952 г.

удивление три или четыре года назад, окончательно доказав, что «Песни Мальдорора» являются одним большим *détournement*, основанным, главным образом, на работах Бюффона¹⁸ и других исследованиях по природоведению. Тот факт, что авторы газеты «Фигаро», как и сам Виру, смогли увидеть в этом возможность принизить Лотреамона, и то, что другим казалось, что они должны защищать Лотреамона, восхваляя его дерзость, лишь свидетельствует о старческой немощи этих двух лагерей маразматиков, находящихся между собой в придворной борьбе. Такой лозунг как «плагиат необходим, он подразумевается прогрессом» до сих пор не понят многими, как и известная фраза, о том, что поэзию «должны творить все».

Помимо творчества Лотреамона, чье столь преждевременное появление позволило ему избежать по большей части заслуженной критики, тенденции *détournement*, которые можно распознать в современных выражениях, являются в основном бессознательными или случайными; лучшие образцы могут быть найдены скорее в рекламной индустрии, нежели в загнивающем искусстве.

Для начала мы можем выделить две основные категории реверсированных элементов, вне зависимости от того, сопровождалось ли соединение элементов внесением изменений в оригинал или нет. Это незначительный *détournement* и обманчивый *détournement*.

Незначительный *détournement* — это *détournement* элемента, который сам по себе не представляет ценности, и который потому черпает свои смыслы из нового контекста, в который он помещен. Например, вырезки из газет, банальная фраза или посредственная фотография.

(т.е. всё-таки за 4 года до публикации «Методики *détournement*»). См. Viroux M. *Lautréamont et le Dr. Chenu* // *Mercure de France*. — № 1070. — December 1952.

¹⁸ Жорж-Луи Леклерк (граф де Бюффон, 1707-1788) — французский натуралист, биолог, математик, естествоиспытатель и писатель.

Обманчивый *détournement*, также известный как *détournement* предыдущего предложения, наоборот, имеет в своем основании некоторый действительно значимый элемент, который меняет свой смысл под влиянием контекста. Например, лозунг Сент-Жюста или эпизод фильма Эйзенштейна.

Объемные работы, созданные по такой методике, будут состоять по большей части из одной или более последовательностей незначительных и обманчивых *détournement*.

Теперь можно сформулировать несколько принципов использования *détournement*.

Элементом, реверсированным наиболее сильно, является тот, который наиболее ярко способствует общему впечатлению, а не те элементы, которые непосредственно определяют природу этого впечатления. Например, в метаграфии¹⁹, посвященной Гражданской войне в Испании, фразой с наиболее глубоким революционным смыслом, является фрагмент рекламы губной помады: «красивые губы — красные». В другой метаграфии («Смерть J.H.») 125 рекламных объявлений о продаже бара выражают самоубийство лучше, чем посвящённая ему газетная статья.

Искажения, вносимые в реверсированный элемент, должны быть максимально упрощены, поскольку основное действие *détournement* связано с сознательным или полубессознательным воспоминанием оригинальных контекстов этих элементов. Это общеизвестный факт. Отметим лишь, что эта зависимость от памяти предполагает необходимость выявления целевой аудитории до совершения *détournement*; это лишь частный случай общего закона, который регулирует не только *détournement*, но и всякое иное действие в мире. Идея о подлинной, незамутненной экспрессии мертва; она лишь временно существует в виде пародии, пока наши остальные враги также еще живы.

---

¹⁹ Метаграфия — вид леттристского творчества.

Чем ближе *détournement* по своей форме приближается к рациональному высказыванию, тем менее он эффективен. Это справедливо по отношению ко многим максимам, реверсированным Лотреамоном. Чем более очевиден рациональный характер высказывания, тем более оно становится схожим с обычной остроумной колкостью, использующей слова оппонента против него самого. Естественно, это не ограничивается рамками устной речи. Именно поэтому мы возражали против проекта наших товарищей, предлагавших реверсировать антисоветский плакат фашистской организации «Мир и свобода»²⁰ (на котором поверх флагов западных держав был написан лозунг «с единством придёт сила») добавив снизу надпись «с коалициями придёт война».

Détournement путём простого переворачивания «с ног на голову» является всегда самым очевидным и наименее эффективным. Например, Чёрная месса противопоставляет созданию обстановки, основанной на христианской метафизике, создание обстановки по той же системе, на основе реверсированных (и, таким образом, сохраненных) ценностей этой метафизики. Такие перевёртыши, однако, могут быть не лишены прогрессивного смысла. Например, Клемансо (по прозвищу «Тигр») может стать «Тигром, по прозвищу Клемансо».

Из изложенных выше четырех законов самым важным является первый, чьё применение универсально. Остальные три практически применимы только к обманчивым *détournement*.

Первыми видимыми последствиями повсеместного использования *détournement*, помимо возросшей силы революционной пропаганды, станут: возрождение многих плохих книг, что станет возможным благодаря участию множества безымянных авторов; все более

---

²⁰ «Paix et Liberté» — ультраправая антикоммунистическая организация, действовавшая во Франции с 1950 по 1955 гг.

обширные трансформации фраз и пластиковых фигур, которые бывают в моде; и прежде всего, простота производства, намного превосходящая по количеству, разнообразию и качеству автоматическое письмо, которое так давно нам наскучило.

Détournement ведет не только к открытию новых граней таланта, но и к лобовому столкновению со всеми правовыми и социальными условностями; оно не может не оказаться мощным культурным оружием на службе реальной классовой борьбы. Дешевизна производства делает détournement тяжелой артиллерией, которая пробивает Китайскую стену разума. Оно является реальным средством пролетарского эстетического воспитания, первым шагом к литературному коммунизму.

Идеи и творения в области détournement могут свободно множиться. На данный момент мы ограничимся демонстрацией некоторых непосредственных возможностей в разных сферах коммуникации — при осознании, что все эти отдельные сферы имеют значение только в связи с сегодняшними технологиями, и они стремятся слиться в высшем синтезе по мере развития этих технологий.

Помимо различных возможностей непосредственного использования реверсированных фраз на плакатах, музыкальных альбомах или в радиопередачах, две основные области применения реверсированной прозы — метаграфии и, в меньшей степени, ловкие извращения классической формы романа.

У détournement целых романов практически нет будущего, но во время переходного периода могут быть предприняты отдельные попытки такого рода. Подобные détournement станут лучше, если их будут сопровождать иллюстрации, чья связь с текстом не будет очевидна с первого взгляда. Несмотря на связанные с этим неоспоримые трудности, на наш взгляд, будет возможно сделать поучительный психогеографический détournement на основе романа Жорж Санд «Консуэло», который, украшенный подобным образом,

мог бы возродиться на литературном рынке под каким-нибудь безобидным названием вроде «Жизнь в пригороде», или даже под реверсированным названием «Потерянный патруль». (Было бы целесообразно повторно использовать таким образом названия старых фильмов, чьи пленки рассыпались в пыль под действием времени, или тех фильмов, что отупляют молодежь в кино клубах).

Метаграфическое письмо, вне зависимости от того, сколь устаревшей может быть его пластичная форма, представляет наиболее богатые возможности для реверсирования прозы, как и других подходящих объектов или изображений. Составить мнение на этот счет можно на основе проекта, задуманного в 1951 г., но впоследствии заброшенного по причине нехватки финансовых средств для реализации, который представлял собой машину для пинбола, сделанную таким образом, что игра света и более-менее предсказуемые траектории движения шара создавали метаграфически-пространственную композицию, называвшуюся «Тепловые ощущения и желания людей, проходящих мимо ворот Музея Ключи примерно через час после захода солнца в ноябре». С тех пор, конечно, мы уже поняли, что ситуационистско-аналитическое исследование не может развиваться научно за счет подобных проектов. Финансы, однако, всё еще годятся для менее амбициозных целей.

Очевидно, что в области кинематографии *détournement* может достичь наибольшего эффекта, и, таким образом, наибольшей красоты.

Силы киноязыка настолько обширны, и отсутствие координации этих сил настолько очевидно, что практически любой фильм, превышающий по качеству ничтожную среднюю отметку, может предоставить предмет для бесконечной полемики среди зрителей или профессиональных критиков. Лишь конформизм подобной публики мешает ей обнаружить столь же значимые достоинства и столь же вопиющие недостатки в самых худших фильмах. Чтобы развеять эту

потешную путаницу ценностей, мы можем рассмотреть кинокартину Дэвида Гриффита «Рождение нации»²¹ как один из наиболее важных фильмов в истории кинематографа из-за использования в нём множества новаторских решений. С другой стороны, это расистский фильм, а потому абсолютно не достоин быть демонстрируемым в его нынешнем виде. Но его тотальный запрет мог бы показаться ошибочным с вторичной, но, возможно, более важной, кинематографической точки зрения. Гораздо лучше было бы реверсировать весь фильм целиком, возможно, даже без перемонтажа, путем замены звуковой дорожки на осуждающий рассказ об ужасах империалистической войны и действиях Ку-Клус-Клана, продолжающихся в США и по сей день.

Такой крайне умеренный *détournement*, в конечном счёте, является ничем иным, как моральным эквивалентом реставрации старых картин в музеях. Но большинство фильмов достойно лишь быть разделённым на фрагменты для составления новых работ. Очевидно, что подобное преобразование существующих фрагментов кинолент будет сопровождаться добавлением других элементов: как музыкальных и живописных, так и исторических. Хотя всё кинематографическое фальсифицирование истории до сей поры было подобно шутовским реконструкциям Саши Гитри²², можно было бы сделать так, чтобы Робеспьер перед казнью сказал: «несмотря на многочисленные испытания, мой опыт и величие моих целей убеждают меня в том, что всё хорошо»²³. В этом случае *détournement* греческой трагедии позволил нам возвеличить Робеспьера, но мы можем представить себе и принципиально иной, неореалистический эпизод — у стойки при-

²¹ «Рождение нации» (1915) — фильм режиссера Дэвида Гриффита, повествующий о Гражданской войне в США.

²² Александр Жорж Пьер Гитри (псевд. Саша Гитри, 1885-1957) — французский актёр, режиссёр и драматург.

²³ Реверсированная фраза из мифа о Сизифе.

дорожного бара один дальнобойщик со всей серьезностью обращается к другому: «раньше мораль заключалась в книгах философов, а мы положили её в основу государственного управления»²⁴. Как можно видеть, подобное сопоставление подсвечивает идею Максимилиана, идею о диктатуре пролетариата.

Свет *détournement* распространяется по прямой линии. По мере того, как новая архитектура, как нам кажется, начнёт своё развитие со стиля экспериментального барокко, архитектурный комплекс (под этим понятием мы подразумеваем динамичную обстановку в сочетании с поведенческими моделями), вероятно, реверсирует существующие архитектурные формы, и, в любом случае, будет физически и эмоционально использовать все виды реверсированных объектов: аккуратная расстановка кранов и строительных лесов заменит несуществующую скульптурную традицию. Это шокирует лишь наиболее фанатичных поклонников садов во французском стиле. Говорят, что на старости лет, Д'Аннуцио, этот фашистский чмошник, держал в своем парке носовую часть истребителя. Если забыть о его патриотических мотивах, то эта идея оказывается не лишенной своего очарования.

Если *détournement* распространится до урбанистической реализации, не так уж много людей останутся незатронутыми точным воссозданием в их городе целых кварталов другого города. Жизнь никогда не может быть слишком запутанной, *détournement* подобно го уровня может сделать её воистину прекрасной.

Названия, как мы уже видели, сами по себе являются основным элементом *détournement*. Этот вывод проистекает из двух общих наблюдений: во-первых, что все названия являются взаимозаменяемыми, а во-вторых, что они играют решающую роль в некоторых жанрах. Все детективные романы из «Черной се-

---

²⁴ Фраза Максимилиана Робеспьера.

рии»²⁵ необычайно схожи между собой, и лишь постоянная смена названий позволяет удерживать значительную аудиторию. В музыке название всегда оказывает большое влияние, хотя его выбор зачастую ничем не оправдан. Было бы недурно внести окончательную правку в «Героическую симфонию»²⁶, назвав её, например, «Ленинской симфонией».

Название сильно способствует реверсированию произведения, но реакция на произведение по его названию неизбежна. Таким образом, можно широко использовать конкретные названия, взятые из научных публикаций («Прибрежная биология морей умеренного климата»), или из публикаций на военную тему («Ночной бой мелких подразделений пехоты»), или даже разнообразные фразы из детских книг с картинками («Красивые пейзажи приветствовали путешественников»).

В заключение, мы должны вкратце упомянуть о некоторых аспектах того, что мы называем *ultradétournement* — тенденций по использованию *détournement* в повседневной жизни. Жестам и словам могут быть присвоены иные значения, как это делали на протяжении всей истории из практических соображений. Тайные общества в древнем Китае использовали крайнюю тонкость условных знаков для выражения множества форм социального поведения (способ расстановки чашек, питья, цитирования стихов, прерываемого на условленных строках). Необходимость в тайном языке, в паролях неотделима от стремления к игре. В конечном счете, любой знак или слово подходит для того, чтобы быть превращенным в нечто иное, даже в полную свою противоположность. Роялистских боевиков в Вандее называли Красной Армией за использование ими омерзительного изображения Свя-

²⁵ *Série Noir* — французская книжная серия, специализирующаяся на «крутых» детективах. Издается с 1945 г.

²⁶ Другое название — «Симфония №3» Людвиг ван Бетховена.

тейшего сердца Иисуса в качестве своего символа. В ограниченной области лексики политической войны это выражение было полностью реверсировано через сотню лет.

Помимо языка, те же методы можно использовать для реверсирования одежды, со всем присущим ей сильным эмоциональным значением. Здесь мы снова увидим, что понятие маскировки тесно связано с игрой. Наконец, когда мы окажемся на уровне создания ситуаций — конечной стадии всей нашей деятельности — каждый сможет реверсировать ситуации, целенаправленно изменяя то или иное определяющее условие.

Методы, которые мы вкратце рассмотрели, представлены не как наше собственное изобретение, но как широко распространенная практика, которую мы предлагаем систематизировать.

Сама по себе теория *détournement* мало нас интересует. Но мы обнаруживаем ее взаимосвязь практически со всеми конструктивными аспектами ситуационистского переходного периода. Таким образом, её обогащение через практику представляется необходимым.

Мы откладываем развитие этих тезисов на более поздний срок.

Филипп Соллерс
СТРАННАЯ ЖИЗНЬ ГИ ДЕБОРА²⁷

Не столь важно, что говорится время от времени о Ги Деборе. Дискуссии о нем успели размножиться, стать небеспристрастными, противоречивыми; и это лишь начало, рассуждения и биографии следуют одна за другой, взбудораженные и запутавшиеся современники все более поражаются, что не придали значения этому странному голосу, возвещающему об иной форме бытия. Мы много судачим о его нраве, детстве, похождениях, о палитре мая 68-го, ее диковатой и меланхолической композиции, о его пристрастии к выпивке, образованности, мегаломании, друзьях и недругах, надломах и самоубийстве. Как обычно, реальная История останется вдалеке от этих соображений. Однако терпение: Дебора все больше публикуют (и для кого-то это небезосновательный повод беспокоиться и сетовать), что, конечно, еще не говорит о том, что больше читают. Ведь, по правде говоря, прежде чем его прочесть, необходимо научиться жизни определенного фасона. Жизни как у него? Ну нет, ни в коем случае. Опыт совершенной свободы редок и, тем не менее, многолик. Чтобы его оценить, лучше быть искателем приключений или поэтом, нежели журналистом или университетским преподавателем.

«Человек определяется тем, что он на практике понимает под поэзией; стало быть, что его удовлетворяет под этим именем (здесь Гегель говорит: “По

---

²⁷ Первая публикация в газете «Le Monde» (15.10.1999). Перевод с французского В. Мячека.

тому, чем довольствуется дух, можно судить о величине его потери”²⁸).

Письма, которые начали появляться в печати, открывают нам определенное количество новых деталей. Парадоксально, но никто не работал так, как автор знаменитой записки «Никогда не работайте!». Это была чудная работа: подрывная деятельность на полной ставке с ее корреспонденцией, поездками, уловками, прениями, обменами. Самый передовой авангард, перемешанный с уроками прошлого (в частности, взятыми у сюрреализма). Что в этих письмах поражает новых сообщников больше всего? Скорость. Следовало действовать быстро: разоблачать лживый мир искусства и приобщать к этому художников, налаживать международные контакты, привлекать архитекторов, урбанистов, социологов, ставить их в чрезвычайное положение. Бунт 20-х годов забыт и обуздан и современным капитализмом, и сталинским тоталитаризмом. Но есть еще порох в пороховницах, и есть еще смысл перехватить эстафету в борьбе с *«идиотизмом торговли псевдо-экспериментальным искусством»* или *«старинной светскостью художников»* (которая восстает в наши дни с новой силой, не правда ли?). Врагом признавался арт-трафик, и атаковать его следовало под таким углом, чтобы разоблачить все общество в целом. Темная эпоха конца 50-х, Франция воюет с Алжиром: *«Надежды на демократию в наши дни скудны. И время не играет нам на руку»*. Угроза фашизма, разлад в стане левых, полицейский надзор и это остроумное замечание: *«Не будучи провозглашенным, Ситуационистский Интернационал не мог бы быть официально расформирован»*. Левачество или ультралевачество своего времени? *«Эти люди — паразитические механицисты. Уверисты: марксизма здесь так мало, насколько это возможно. Их идеи оборачиваются в религиозные: пролетариат — их скрытый Господь. Их пути неисповедимы, интеллектуалам следует сми-*

ряться и выжидать. Но как, в таком случае, они поймут, что пламя уже в доме?»

Дебор обладал политической трезвостью в той же мере, насколько его обуревали поэтические страсти (Лотреамон, Краван). Строгость и игра: *«Задача состоит в коллективном действии свободных индивидов, объединенных исключительно вследствие и ради осуществления реальной свободы творца»*. Решительная и радикально настроенная группа, практикующая одно- временно девиации и открытость, способна трансформировать жизнь. Позже, в фильме *«In digit...»*, Дебор скажет: *«Способы опрокинуть мировой порядок мы искали не в книгах, но блуждая. Это был долгий путь, где ничто не напоминало виденное накануне, нигде не завершающийся»*. Можно представить себе, как встряхивал такой практический подход псевдореволюционное руководство с его казенным языком. *Поэзия: да, но в жизни*. И снова настигают те же тревоги — серийное производство лирики и декоративного искусства. Коротче говоря, система объяла все, переполняясь ложью. Опять та же шутка: отчуждение труда перекидывается на искусство. Ответ более жесткий: долой популизм, долой мизерабилизм, даешь непрекращающиеся веселье и насмешки, выливающиеся, интеллигентно и артистично, в разного рода излишества. Не только свобода, но и роскошь: *«Я не знаю, пришли ли мы к какому-нибудь согласию относительно понятия роскоши, которое я, со своей стороны, отнюдь не отвергаю. Я полагаю, что нужно способствовать созданию революционного концепта роскоши, которая будет врагом и лживой роскоши прошлого, и ее отсутствия (комфортная и функциональная пустота домов и жизни)»*.

В 1960-м Дебор заметил (оставалось еще восемь лет до того, как бросить вызов небесам): *«Хотя, по большому счету, мы продолжаем вести полуподпольное существование — все еще наталкиваясь на неимоверную, но, как нам кажется, почетную враждебность, можно утверждать, что наши возможности значительно возросли»*. *«Сейчас мы участвуем в организа-*

ции долгой распри». «Необходимо представить себе и подвергнуть критике грядущую жизнь». «Те, кто на наших глазах делал много шума, совершенно остепенились, причем самым нелепым, иногда омерзительным образом. Ни свобода, ни ум не даются раз и навсегда. Симулякры же их неизбежно окажутся еще более хрупкими, они будут разлагаться в соответствии с принятой модой».

Более сорока лет назад написаны эти строки. Но так уж они устарели?

Тем, кто участвовал в смутные времена в создании *«In girum...»*, особенно запомнился голос, наложенный на череду экранных образов. В нем была сила и дерзость: большая поэзия. Некоторые долго продержавшиеся под гипнозом не боялись ставить его в один ряд с Боссюэ, Ариосто, Ли Бо, Данте, Музилем, Паскалем, Омаром Хайямом, Библией, Гегелем. И речь шла не о цитатах, а о реальных доводах! Невероятная претенциозность! Эстетический и нравственный прорыв Дебора в *«Полном кинематографическом собрании»*, одной из самых красивых книг XX в., состоит в ее вызове чудовищной индустрии спячки. Мрачная шутовскость приговоров, вынесенных кинопублике и *«утомленным служителям пустоты»*. Возмутительная беззастенчивость с точки зрения всех устоев: *«Я горжусь, что сделал фильм кое-как, и мне нравится, что на него жалуются те, кто всю свою жизнь живет кое-как»*. Панегирик *«легкой кавалерии»*, вступившей в войну с целым миром. Интенсивная медитация на водах времен и пламени желаний. Безупречная автобиография, в особенности здесь: *«Уже долгое время я веду существование темное и неуловимое»*. Те, кого не трогает это произведение, не способны чувствовать, и точка. Их последующие реплики об искусстве и литературе не имеют никакого значения. Это, в лучшем случае, *«обдуренные невежды, которые мнят себя компетентными, модернизированные безграмотные»* и прочие действующие лица Спектакля. Речь уже не о некой «теории»; никаких семинаров, дебатов, выста-

вок, тезисов, вернисажей: *«Эпоха настоящего не может быть частью теории; это прежде всего игра, война, путешествие»*. Дебор был великим поэтом-метафизиком в аду общества, где поэтов быть не может, и потому он и по сей день остается революционером: *«Те, кто однажды справятся лучше, свободно выскажутся на сей счет, и их слова не останутся незамеченными»*.

к а м у ш е к в б о т и н к е

АНТИСЕМИТ ЛИ ЖАН-ЛЮК ГОДАР? МНЕНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЫ И ФРАНЦУЗСКОГО ИСТОРИКА КИНО АНТУАНА ДЕ БАЕКА²⁹

13 ноября 2010 года Жан-Люку Годару должны были вручить «Оскар» за вклад в киноискусство. В связи с этим в американской прессе на него посыпались обвинения в антисемитизме.

170

В прошлом месяце газета The Jewish Journal поместила портрет режиссера на обложку под провокационным заголовком «Жан-Люк Годар — антисемит?» Газета The New York Times посвятила передовицу исследованию противоречивой истории с «Оскаром» за вклад в кинематограф и описала «разгорающиеся споры о том, действительно ли Годар, признанный антисионист и защитник прав палестинцев, — вдобавок еще и антисемит?»

Резко осудил решение Киноакадемии Дэниэл С. Мариашин, вице-президент компании B'nai B'rith International: «Они установили стандарты для искусства, однако забыли о нормах приличия и морали. Как можно наслаждаться фильмами, зная, каких взглядов придерживается их автор?»

The New York Times отмечает, что в одном из интервью, опубликованном в 1985 году в Le Matin и про-

---

²⁹ Журнал «Искусство кино» (12 ноября, 2010).

цитированном Ричардом Броуди в биографии режиссера, Годар заявил, что киноиндустрия погрязла в еврейском ростовщичестве. «В кино мне кажется интересным тот факт, что в нем изначально заложена идея долга», — цитирует Годара автор биографии, — «Настоящий кинопродюсер всегда является воплощением образа еврея из Центральной Европы».

Фиксируя и оценивая подобные высказывания, Броуди в своей книге «Всё есть кино: творчество Жан-Люка Годара» (Everything Is Cinema: The Working Life of Jean-Luc Godard, 2008) объясняет «ожесточение и обострение антисемитских взглядов Годара» факторами из его прошлого: детство, проведенное в обескровленной войной Европе, усиление про-палестинского радикализма в 1960-е и сложный, противоречивый взгляд на историю. Однажды Годар выразил недовольство тем, как Стивен Спилберг представил Аушвиц в своей картине «Список Шиндлера». В 1995 году он отказался от почетной премии кинокритиков Нью-Йорка отчасти потому, что, по его словам, «не смог помешать Спилбергу воссоздать Аушвиц».

Том Шерак, президент Американской киноакадемии, на вопрос, есть ли у него какие-то опасения по поводу награждения Годара, ответил: «Я поддерживаю решение управляющего совета вручить «Оскар» Годару за вклад в киноискусство в период зарождения французской «новой волны». Киноакадемия всегда рассматривает заслуги номинанта в искусстве вне зависимости от обстоятельств его личной жизни. Мы уже вручали награды таким режиссерам, как Роман Полански и Элиа Казан, чью личную жизнь нельзя назвать образцовой. Они совершали предосудительные поступки, и нас критиковали за то, что мы их чествовали. Но наша цель иная. Мы всегда чувствовали, что искусство способно перевесить ошибки, допущенные в личной жизни».

Ему вторит Фил Олден Робинсон, вице-президента Киноакадемии: «Дэвид Уорк Гриффит получил почет-

ного «Оскара» в 1936 году, при этом он был ярким расистом».

Los Angeles Times в свою очередь замечает, что хотя Киноакадемию есть за что критиковать, в данном случае их позиция вполне оправдана. Художники не всегда оказываются милыми и приятными людьми, но если бы мы стали сторониться каждого актера или режиссера из-за его личных проступков или проявлений нетерпимости, то вскоре вообще лишились бы номинантов на премии. The Jewish Journal извлекла немалую пользу из навязчивых антисемитских страхов Голливуда: в феврале в ней была опубликована статья о номинированных на «Оскар» фильмах «Серьезный человек» и «Воспитание чувств», озаглавленная «Реализм или антисемитизм?»

На французском портале Rue89 на эту кампанию откликнулся кинокритик и видный историк французского кино и, в особенности, периода «новой волны», а также автор недавней биографии Годара, вышедшей в издательстве Grasset, Антуан де Баек.

Намеки, появившиеся в израильской газете Haaretz, а затем в New York Times и Los Angeles Times, кажутся доказательствами очевидного факта: присудив награду Жан-Люку Годару 13 ноября, члены американской Киноакадемии оказали почтение антисемиту. Этот слух, словно грязное пятно, способен подорвать уважение к картинам, текстам, идеям и личности режиссера.

В начале 2010 года газета Le Monde посвятила обсуждению этого вопроса целую страницу: «Антисемит ли Годар?» На этот вопрос следует ответить отрицательно: «Нет, Годар не антисемит!»

В своей заметке в газете Point от 8 апреля Бернар-Анри Леви также опроверг эти слухи, разъяснив, что репутация режиссера складывается из разных домослов и хлестких и даже отвратительных фраз, которые обычно произносятся в личных беседах, но, естествен-

но, никогда не публикуются. Леви видит в этом «прием дисквалификации, широко применяемый в нынешнюю эпоху жесткого контроля над искусством и мыслями».

В нескольких главах биографии, посвященной Годару, я обращаюсь к «еврейскому вопросу» в контексте творчества режиссера. Я пытаюсь объяснить, как режиссер, который с необыкновенным постоянством, начав в 1969 году с фильма «До победы» (*Jusqu'à la victoire*) и по сегодняшний день (доказательства тому — картины «Наша музыка» (2004) и даже «Фильм социализм» (2010), занимает твердую позицию антисоциалиста, выражает глубокую, хотя иногда и слепую, солидарность с палестинцами, а также демонстрирует критическое, пытлиное, порой маниакальное отношение к «еврейскому вопросу», которое, однако, никак нельзя назвать антисемитским или ненавистническим.

Для Годара Холокост занимает центральное место в истории XX века — в этом плане он далек от нигилизма — и стал уже своего рода проклятием: бывшие жертвы превратились в палачей. Претворение в жизнь идеи создания государства Израиль в силу парадоксального поворота истории привело к тому, что израильтяне, не признающие палестинцев, оккупировали их территории и превратились в главных виновников конфликта.

«Евреи поступают с арабами так же, как в свое время поступили с евреями нацисты», — резко заявляет Годар в картине 1975 года «Здесь и там», комментируя этот парадокс. Фраза, безусловно, резкая, но в целом абсолютно банальная в контексте пропалестинской позиции французских левых в период после шестидневной войны 1967 года. В его высказывании под словом «евреи» понимается не народ, а именно сущность государства Израиль.

Точно так же в «Здесь и там» образ Голды Мейер, в то время премьер-министра Израиля, то и дело сменяется изображениями Гитлера. Подобное сближение — не сравнение, не попытка приравнять Мейер к Гитле-

ру, а лишь монтаж в чисто годаровском смысле: два не идентичных друг другу образа, соединяясь, порождают определенный смысл.

Мнение о том, что бывшие жертвы превратились в палачей, конечно, чересчур категорично в историческом и философском смысле, но оно не свидетельствует об антисемитизме его автора. Это мнение может и должно обсуждаться, вызывать полемику, оспариваться в ходе дебатов и столкновения позиций, но его не стоит судить слишком строго, тем более объявлять явно антисемитским.

Верите ли вы, что Бернар Анри-Леви или Клод Ланцман стали бы спорить с Годаром о том, антисемит он или нет? Годар — антиссионист-пессимист, не верящий в возможность примирения израильтян с палестинцами.

Годар, однако, играет в опасные игры с такой болезненной темой. Он обожает провоцировать, вызывать разногласия. Вот уже тридцать лет он сдабривает свои картины и речь в интервью резкими суждениями, выражениями своего радикализма или монтажом изображений, порой карикатурных, надуманных, не совсем разумных.

Но все это говорит скорее о его стремлении к театральным эффектам, о желании привлечь к себе внимание СМИ, а не об антисемитизме.

Нет сомнений, что Годар как личность может быть не очень приятным, склонным к крайностям и провокациям человеком, но давайте же будем судить его именно по этим параметрам и без добавления к его порокам несправедливых обвинений.

Кричать сегодня о «Годаре-антисемите» — значит отмахнуться от истории и взглядов французских левых, которым режиссер остается верен вот уже несколько десятилетий. Поражает именно этот разрыв: что сорок лет спустя осталось у левых от их антиссионизма? Вот в чем вопрос.

В своих заметках в *Le Point* Бернар Анри-Леви опирается на свой личный опыт: он вспоминает ряд

так и не осуществленных совместных проектов с Годаром.

1. Анри-Леви упоминал возможные съемки игрового фильма в Индии, где бы Годар как этакий сумеречный Брандо сыграл бы Курца, архитектора в городе, лежащем в руинах.

2. «Не торжественный обед», дебаты Годара и Ланцмана о Шоа, арбитром в которых выступил бы сам Анри-Леви.

3. Наконец к 2006 году режиссер и философ планировали взяться за съемки фильма-путешествия в Израиль «Земля обетованная». Проект провалился, когда Годар предложил взять третьим участником Тарика Рамадана, а Анри-Леви отказался от этой идеи.

Лучшим способом окончательно освободить Годара от обвинений в антисемитизме была бы публикация писем, записей и подготовительных материалов, относящихся к проектам, на которые ссылался Бернар-Леви. Это было бы увлекательное досье, которое позволило бы нам окупнуться в историю нашего времени.

Э д у а р д Л и м о н о в

Эдуард Лимонов «ПАСТЕРНАКИ», ДЕТИ ИХ «ПТЮЧИ» И «ЛОХИ»³⁰

Ересь «пастернаков» возникла в России вскоре после смерти цезаря Иосифа Сталина и быстро распространилась по стране. К середине 60-х в России насчитывались уже миллионы «пастернаков». Что такое «пастернаки» и в чем состоит их ересь?

«Пастернаки» одевались особо: носили замшевые куртки или свитера, некоторые имели бороды, даже курили трубки. Жилища их выглядели совершенно одинаково: на стенах висели одинаковые фотографии святого основателя ереси Б. Л. Пастернака или почему-то даже Хемингуэя (в крупной вязки свитере). На книжных полках у «пастернаков» стояли одни и те же книги: обязательные (обыкновенно вывезенные из-за границы) издания Цветаевой, Мандельштама и, разумеется, самого Пастернака. Все остальное пространство полок занимали пузатые тома тошнотворных Чеховых, Толстых и Достоевских. Хронологически и исторически «пастернаки» были детьми «живага» и отцами «птючей».

Уже с начала 60-х годов «пастернаки» пытались предъявить свои права на участие во власти. Первым был, конечно, сам основатель секты Пастернак. Однако ему хорошо дали по голове стоявшие у власти «лохи», и Пастернак заткнулся и отрекся от ереси, и вскоре умер. Но нашлись продолжатели дела. Тандем «пастернаков» Сахаров/Боннэр, триплекс Синяв-

---

³⁰ Глава из книги «Анатомия героя» (Русич, 1998).

ский/Розанова/Даниэль выступили в конце 60-х как диссиденты. Однако главным в их поведении было не несогласие (диссидентство) с политикой и государственным строем страны, но коренное эстетическое и этическое отличие их от стоявших у власти «лохов». Церковь «лохов» молилась на Программу КПСС, руководствовалась заповедями цезарей Ленина и Сталина и предтеч Маркса/Энгельса. Святые и предтечи и мученики «пастернаков» были не политическими, но вышли из литературы архаичной, глупой, скучной и ноющей. Правда, троица святых погибла при власти «лохов»: Мандельштам, арестованный «лохами», — в лагере, Цветаева повесилась, якобы гонимая «лохами», и Пастернак, согласно евангелию от пастернака, умер, «затравленный». «Лохи» были кровными врагами «пастернаков», и последние с середины 60-х до середины 70-х неисчислимое количество раз пытались оттянуть у «лохов» часть власти. К середине 70-х «лохам» удалось подавить интеллектуальные бунты «пастернаков». Большая часть главарей «пастернаков» была вытеснена за границу, Сахаров сослан в Горький, а массы «пастернаков» заткнулись и лишь горько злословили на кухнях. «Пастернаков» оказалось в России неожиданно очень много. Страсть к троице Цветаева/Мандельштам/Пастернак и шестым копиям «Архипелага Гулаг» разделяли не только люди культуры и искусства, но и инженеры, дворники, люди без определенных занятий, рабочие магазинов, философствующие алкоголики. Национальность «пастернаков» варьировалась от липайской до алма-атинской, и нельзя сказать, что преобладали собственно «пастернаки», русских тоже было невпроворот.

В 1986 году неожиданно, как подарок с неба, «пастернаки» получили лишний исторический шанс в лице правителя Михаила Горбачева. Он оказался покровителем «пастернаков», потому что, будучи настоящим «лохом», все же тайно мечтал всю жизнь сделаться более развитым существом, «пастернаком». Взвинчивая «реформы» Горбачева, требуя все более и более ради-

кальных мер, «пастернаки» привели страну к тяжелейшему в ее истории кризису. Однако к концу 1990 года «пастернаки» стали стаями перебегать от правителя Михайлы к «лоху» Борису Ельцину, поскольку последний обязался лучше служить их интересам, а Михайла топтался в кризисе, то ли не решаясь на решительные меры, то ли сомневаясь в уже содеянном. «Лох» Борис принял «пастернаков» с распростертыми объятиями. Дабы оставить Михайлу без работы, «пастернаки» научили Бориса ликвидировать страну, которой формально был цезарем Михайла, — Союз Советских Социалистических Республик. Преступление это чудовищное и сравнимое только с падением Римской Империи, до сих пор не осмыслено в достаточной мере. Если христианская ересь угробила Римскую Империю, то «пастернаки» угробили более могущественную империю, «советскую». Года три пользовался «лох» Борис услугами «пастернаков», но крайне мало дал взамен. К 1995 году немногие «пастернаки» во власти были вытеснены оттуда и заменены «лохами». Более того, возникла мощная конкурирующая группа «лохов» во главе с Геннадием Зюгановым, и уж там для «пастернаков» совершенно не было места, так как оппозиция зюгановских «лохов» против «лохов» Бориса именно и была направлена против «пастернаковского» элемента в их режиме. А так ведь «лох» «лоху» глаз не выключает.

Пока суть да дело, у «пастернаков» выросли дети их — поколение «птучей». Одноименный журнал и ночной клуб того же имени в столице г. Москве как нельзя лучше определяет эту совсем уже муторную ересь. Суть ее заключается в безоглядной любви ко всем предметам, произведенным к западу от границ России, будь то зажигалка или «виртуальная реальность», клип или нижнее белье, тампакс или фильмы Дэвида Линча или Тарантино. Похожее на слово «свищ», среднего рода, ересь «птуч» закономерно могла родиться только от родителей-«пастернаков» и по прямой линии от дедушек и бабушек «живаг». Следует отметить рег-

рессивную тенденцию в этой ереси в сравнении с ересью «пастернаков». Если «пастернаки» еще предъявляли претензии на власть, у «птючей» нет таких претензий. Травоядные по сути своей, они лишены агрессивности отцов и вполне довольны оставленным для них ограниченным жизненным пространством: экран телевизора, реклама, клип, диск, «вок-мэн», паркет ночного клуба, постель. «Птючи» ручные, вялые, глуповатые, склонны к употреблению наркотиков, к дремоте под аккомпанемент хлипкой музыки. «Птючи» ближе стоят к домашним животным, чем к человеку.

Но вернемся к «пастернакам». Из политики, куда они хлынули толпой при перестройке, их выкинули, если не всех, то почти всех. Ушли «пастернака» Гайдара, только что с грохотом выперли едва ли не последнего из крупных «пастернаков» — Собчака. Остался уникальный чистый «пастернак» Явлинский. Новодворская, несомненно, чистый «пастернак».

Большинство наших политических лидеров сегодня «лохи» (они же «гопники»). Ельцин — «лох»-центрист, начинал в обнимку с «Пастернаками», но сегодняшний его режим — это «гопничество» с легким оттенком «пастернаковской» ереси. Баркашов — «лох»-экстремист. Зюганов также является «лохом»-центристом с примесью «марксовской» и «патриотической» ересей. Лебедь — «лох»-неандерталец, ВВЖ — хитрый «лох»-еврей прибалтийского типа, Брынцалов — «лох»-бизнесмен.

Эдуард Лимонов
СКАЗОЧНИК ДУТИН³¹

Дугин принёс правые импульсы, правые сказки, мифы и легенды. Правую энергию. Правый неотразимый романтизм, которому невозможно было противостоять. Он как бы расшифровывал и переводил тот яркий шок, который советский ребёнок испытывал при произнесении аббревиатуры «SS». Дугин говорил о доселе запрещённом, потому был невозможно романтичен. Не думаю, что у Дугина вообще была когда-либо какая-то устойчивая идеология или таковая будет. Он как хамелеон или кто там, спрут, — короче, животное, мимикрирующее под цвет среды, в которой оказалось: жил тогда в фашистской среде и потому ходил в правых фашистских цветах. Он тогда изучал фашизм, пожирал все попадающиеся ему книги о фашизме, национал-социализме, вообще правых. И выдавал свои свежеприобретённые сведения русскому миру в виде статей в журнале «Элементы», статей в газете «День». Он издавал в начале 90-х книги — среди прочего мистика Майринка и позднее Эволу со своими предисловиями. Самой неумелой, наивной продукцией Дугина является его ранний журнал «Гиперборея», но и в нём он умудрялся дать обществу духовную пищу — впервые переведён был лунатик Мигель Серрано, например.

Знания по фашизму, добытые Дугиным, были высоконаучного качества, поскольку он знал как минимум четыре оперативных языка европейской цивилизации и имел, таким образом, доступ к первоисточни-

---

³¹ Глава из книги «Моя политическая биография» (Амфора, 2002).

кам. У Дугина была отличная цепкая память учёного и поэтический темперамент, позволяющий ему не просто излагать предмет, но излагать вдохновенно. В данном случае правые идеи. Можно было бы с полным основанием назвать Дугина «Кириллом и Мефодием» фашизма — ибо он принёс с Запада новую для нашей земли Веру и знания о ней.

Можно было бы. Но тогда можно называть его Кириллом и Мефодием для новых левых, ведь он, наравне с правыми и новыми правыми (Ален де Бенуа серьёзно называл Дугина своим дорогим другом и боялся его обидеть), пропагандировал новых левых, в частности Ги Дебора. Думаю, на самом деле Дугину подетски нравилось всё яркое и крайнее. Диапазон его увлечений был необыкновенно широк. Я познакомился с ним в 1992-м, сегодня на дворе 2002-й, за это время он прошёл через фашизм, пересёк поспешно кусок левой земли, на несколько лет забрался в староверие. В 1998-м заговорил вдруг одним языком с Джорджем Соросом и Селезнёвым, теперь дожил до воспевания путинского режима Реставрации. Что он будет делать дальше? Ангелами и ангелологией и книжным сатанизмом он уже занимался в «Милом ангеле» и в постановке совместно с Курёхиным «Поп-механики 418». Что он станет делать дальше? Нельзя пародировать себя, Дугин не может уже второй раз стать фашистом. Есть ещё возможность изучить ваххабизм, мусульманство и стать ваххабитом-старовером. Правда, на том поле давно сидит его бывший учитель Гейдар Джемаль. Самым умным было бы для Дугина стать чистейшим учёным. С учёного взятки гладки. Учёному не обязательно отвечать за свой базар. Он может жить, не теряя и пуговицы от пальто. А вот революционеру, фашисту невозможно прожить, не теряя пуговицы от пальто.

В истории партии Дугин сыграл важнейшую роль. Он принёс к нам знания, вдохновение, свою яркую манию величия. Определённое безразличие к разделению правые/левые. У меня это безразличие было ещё

более ярко выражено. Хотя о правых идеях я знал гораздо меньше Дугина. Может быть потому, что я представляю красную половину Национал-большевизма, а Дугин — чёрную. На самом деле я сам часто упрощал ответ на вопрос: «Дугин — правый? Вы — левый?» Я отвечал, что НБП — это красный национализм, а когда Дугин ушёл от нас в 1998 году, я даже заявил, что вместе с ним ушёл от нас и правый аспект идеологии. Но я, признаюсь, говорил это неискренне, а в надежде изменить имидж партии, вызвать к нам симпатию средств массовой информации. Симпатии тогда не возникло, поэтому беру свои слова обратно.

В Александре Дугине впоследствии открылось немало неприятных мне черт. Он оказался злопамятен, разрушителен, тотально ревнив, он время от времени обнаруживал, что такой-то и такой-то украл у него идею. Так было в случае проекта Евразийского Содружества, выдвинутого Назарбаевым. «Это я, я», — утверждал Дугин, хотя он всего лишь читал Трубецкого, Савицкого раньше других. На самом деле он безусловно внёс огромный вклад в популяризацию и евразийства и, впоследствии, геополитики в России. Но он безосновательно принимает себя за владельца этих идей. Так же, как он некоторое время претендовал на *ownerschip* национал-большевизмом. Идеи не принадлежат никому, Саша, а если вдруг некая идея начинает отождествляться с именем того или иного человека, то потому, что он сломал себе шею под знаменем этой идеи. У вас никогда не наблюдалось желания или согласия сломать себе шею под знаменем национал-большевизма. Или под каким-либо другим знаменем. Потому удовольствуйтесь немалой честью быть одним из отцов-основателей Национал-большевистской партии. Самой интересной политической партии России. И куда она ещё вырвется!

Маня величия Дугина усиленно раздувалась его женой Наташей и, возможно, семьёй (тут мои знания обрываются, я мало что знаю о родителях и родственниках А.Г.Дугина, знаю, что мать его недавно умерла).

Добавляли к этому и «ученики», и даже родители учеников. Помню, на дне рождения Кости Чувашева мать и отец последнего общались с Дугиным по меньшей мере как с пророком, явившимся огласить прибытие Мессии. После нескольких рюмок прорывались и нотки уже мессианского церемониала. Безусловно, Дугин как интеллектуал и эрудит превосходил любую отдельно взятую фигуру российского мира. В 1993–1997 годах мы с ним устраивали пресс-конференции Национал-большевистской партии, обычно на Хлебном переулке в помещении института Америки и Канады, куда нас любезно пускала Н.А.Яковлева. Демократка, она тем не менее предоставляла слово нам — идеологическим противникам. Первое время журналисты стекались на нас как мухи на мёд, однако быстро охладели. Причина была простая, с нами невозможно было себя проявить. Все каверзные вопросы, припасённые этими, считающими себя «острыми» и «крутыми», юношами, девушками, дядями и тётями, легко парировались нашим несокрушимым тандемом. У Дугина были знания, у меня наглость остроумия, сенсационная полемичность. Так что журналисты не могли с нами отличиться. Когда мне не удавалось квалифицированно ответить на вопрос, я отфутболивал его «пасом» Дугину. «Я полагаю, что доктор Дугин более квалифицирован, чтобы ответить на этот вопрос». «Доктор Дугин» — намеренно звучало как «доктор Геббельс». Конечно, Дугин не был доктором чего-либо. Его в своё время вышибли со второго курса Московского авиационного. Неотразимый и вдохновенный в статьях, Дугин одиноко терялся на телевидении, вдруг становился сухим и неинтересным, заходил слишком издалека — пока он излагал преамбулу, ведущий отбирал у него микрофон. Дугин не вписывался в мгновенные рамки телевидения, в его поверхностную сенсационность. Наилучшим образом он общался с массами на своих лекциях: как правило, он был занимательно интересен. Хороши также его передачи для «Радио 101», в одной из них — радиопостановке о бароне Унгерне — я участвовал,

исполнял роль Унгерна. Дугин раздал нам, участникам, листки с текстом, подчеркнув наши роли, — и всё. Передача шла прямо в эфир. Сценаристом он оказался отличным. Для революционера у него не хватило характера. Человек книжный, с очень лимитированным жизненным опытом, Александр Гельевич родился в 1962 году в Москве и выезжал из Москвы считанные разы. Сын мамы-профессорши и папы-полковника, он с самого начала жизни оказался в среде привилегированных. Его капризы и таланты приводили его и в шиздом. Некоторое время он был бардом: хвалился, что написал песню «Пиздец проклятому совдепу». Рано, ещё юношей, познакомился с кружком Евгения Головина, объединявшим таких нестандартных людей, как Гейдар Джемаль и (до отъезда его в Америку) писатель Юрий Мамлеев. Головин — переводчик с французского (когда-то, до отъезда за границу, с ним меня познакомил художник В.Бахчанян, я читал в рукописи ещё переведённую Головиным «Вторую песню Мальдώρα»), персонаж московского underground(a), говорят, заставил юношу Дугина учить языки. К счастью, Дугин подчинился Головину и тем самым заложил основы своего сегодняшнего богатства: эрудиции. По русским книгам приобрести эрудицию было невозможно, имеющиеся переводные источники были скудны, объекты для перевода избраны тенденциозно. Совершенно не было материалов по истории Великих Национальных Движений Европы: по национал-социализму и по фашизму. Когда грянула перестройка — в 1986 году, Дугину было всего лишь 24 года. В 1988 году в чёрной рубашке и с портупеей (я его уже таким не застал, но так как все «памятники» ходили в портупеях, то, полагаю, не отстал и Дугин) Александр Гельевич вошёл в совет «Памяти». Предполагаю, что он произвёл там фурор (его затмевал старший учитель и не меньший эрудит Гейдар Джемаль, но Джемаль не русский, ему доверия не было) и вызвал чувство ревности и опасения за своё место у вождя Дмитрия Васильева — «Дим Димыча». Никто больше в «Памяти» таким об-

ширным багажом знаний о фашизме не обладал. Юный Дугин стал читать лекции «памятникам». Посему пребывание Дугина и Джемала в этой организации оказалось кратковременным. Оба позднее сказали мне, что их заложил Баркашов, якобы записал на кассету злые и нетрезвые высказывания Дугина о Дим Димыче и дал их послушать вождю. Вождь изгнал обоих эрудитов-интеллектуалов из организации. Думаю, вся «Память» вздохнула с облегчением. Интеллектуалы всегда источник сомнений и волнений для жизни политической партии. А если они ещё и эрудиты, тогда совсем плохо. С момента основания газеты «День» в 1990 Дугин стал сотрудничать с газетой Проханова. В первые три года газете удалось стать настоящим форумом идей. Рядом с «Кириллом и Мефодием фашизма» там нашли место и идеологи мусульманского движения. Шамиль Султанов исполнял обязанности заместителя редактора и вёл мусульманскую полосу в газете, правда, тогда ещё между Россией и мусульманским миром не лежала Чечня. Гейдар Джемаль был частым автором газеты «День».

Издательская деятельность Дугина (я думаю, его издательская продукция, включая его собственные книги, вряд ли превышает 20 книжек) поначалу давала ему значительные средства, однако шоковая терапия Гайдара разорила его в 1992-м, как и многих других дилетантов издательского рынка. Потому он перебивался с хлеба на воду, когда мы с ним познакомились. Квартира, правда, расположена была в элитном центре, три сталинские комнаты. Ползал по паркетам головастый, как дочка Маркса и Энгельса, ребёнок Даша (я тотчас назвал ребёнка «маленький монстр»), у Дугина были редкие книги и компьютер. Сегодня я думаю, что он преувеличивал свою бедность того времени, возможно, ему было неловко передо мной. Ведь у меня вообще ничего не было: ни квартиры, ни прописки, ни общегражданского паспорта. Возможно, после того как я уходил, он с отвращением выбрасывал сардельки в помойное ведро и ел мясо? Шучу...

Он познакомился со мной в 1992-м, стал вместе со мной отцом-основателем партии. Долгое время, однако, его деятельность в партии носила скорее совещательный характер, он наблюдал и советовал. Оживился он только тогда, когда увидел, что у партии есть кадры, и не в количестве нескольких учеников, но многие десятки способных пацанов только в московской организации. Вот тут я увидел, как у него — в переносном смысле — закапала слюна из пасти... Учить Дугин любил и любил иметь учеников. Справедливости ради следует сказать, что первые годы личный состав партии пополнялся за счёт фанатов Лимонова, Летова и Дугина. То, что мы сделали в литературе, в музыке, в ... ну, назовем дугинские труды «философией», — привлекало к нам ребят. Позднее, в 1999-м, к нам пошли люди, привлечённые уже имиджем самой партии. В «Книге мёртвых» я вспоминаю сцену у пивной палатки возле метро «Арбатская», когда длинногривый, в длинном пальто, Дугин говорит мне: «Вам, Эдуард, воину и кшатрию, надлежит вести людей, я же — жрец, маг, Мерлин, моя роль женская — объяснять и утешать». По моим воспоминаниям, это была весна 1995 года — он тогда фактически предложил мне партнёрство. Я поверил в серьёзность происходящего. Я всегда принимал себя всерьёз, потому сподобился прожить нелёгкую, но чёткую, цельную и сильную жизнь. Александр Гельевич, возможно, выбрал вначале такую же жизнь, как и я, но не вытянул. Не по силам оказалось отвечать за свой базар. Но отцом-основателем партии он является. И тут всякий ревизионизм неуместен. Глупо было бы выпихнуть Дугина из истории НБП. Идеологический вклад он внёс: его контрибуция — правые идеи, которые он знал хорошо. И правые сказки: их он рассказывал в «Лимонке» до самой весны 1998 года. Как-то я сказал, что Дугин не был идеологом НБП, но был сказочником партии: действительно, он умел с популяризаторским блеском рассказывать сказки. Правые легенды подавались им незабываемо. Все мы навсегда запомнили опубликованную в «Элементах» его

притчу о героях, называемых монголами «Люди длинной воли». О тех, кто достойно умел пройти весь путь жизни воином, а не только его краткую часть. Сам Александр Гельевич оказался человеком короткой воли.

Вадим Климов
**МОЛОДЕЖНЫЙ НОНКОНФОРМИЗМ
В ЯДОВИТОМ ПЯТНЕ СВОБОДЫ**

Многие знают о подростковых бандах 1980-х, субкультурных разногласиях, которые на излете советского безвременья ломали юное общество по меридиану лояльности — условные любера (патриотичная архаика) против неформалов (новомодные западники).

Чуть меньше известно о том, что еще до массового распространения в России неформалов, условные любера, то есть агрессивная молодежь рабочих кварталов, точно так же объединялись в банды и конкурировали друг с другом по территориальному признаку. Всплеск молодежной преступности в крупных российских городах приходится на 1970-е годы.

Прочитав роман Эдуарда Лимонова «Подросток Савенко», можно узнать, что кровавое противостояние шпаны из разных районов присутствовало уже в 50-е, на которые пришлась юность писателя. Суровые нравы, беспокойное обаяние силы и полный запрет на проявление чувств.

Разумеется, все это существовало и раньше, но в то время у подобных взаимоотношений в юношеской среде имелись очевидные основания: война, революция, разгул бандитизма. Начиная со второй половины 1950-х все это отходит на задний план, рассыпается в качестве объяснения.

Советское руководство отчаянно борется со взрослой преступностью и добивается колоссальных результатов. Спустя десять-пятнадцать лет после окончания Великой отечественной войны, организованная преступность в стране практически полностью ликвиди-

рована. Остаются только мелкие урки, бессмысленно перебирающиеся из одной тюрьмы в другую, но их протест против советского образа жизни настолько беспомощен, а образ настолько карикатурен, что в молодежной среде они никого не увлекают.

Параллельно с разгромом организованной преступности либерализируется репрессивная машина в отношении подростков. Советский проект делает ставку на положительный пример пионерии и комсомола, которые, однако, увлекают не всех — остаток оседает на другом полюсе силы и формирует шпану.

Сама собой создается ситуация благоприятная для подросткового бунта. Карательная государственная система беззуба (она ориентирована на взрослых), а взрослый преступный мир ликвидирован. Отстраняясь от полюса официоза (пионерии, комсомола), выпадая из его пропагандистского поля, молодежь попадает на никем не занятую территорию, где вольна делать все, что ей заблагорассудится.

Настораживает реализация этой внезапной свободы (а это именно свобода). Подобный эффект описывает Уильям Голдинг в романе «Повелитель мух» — свобода сводится лишь к выбору противостоящей силы, чтобы дисциплинированно соответствовать предписаниям избранной банды.

Но как бы не было регламентировано поведение шпаны, какой бы сеткой гласных и негласных запретов оно не покрывалось, выпадение из пропагандистского поля государства видится как движение к свободе. Оседлав параболу восхождения и увядания советского проекта, юные хулиганы выцарапали себе островок свободы, избавленный от любого назидания.

Здесь до них не мог дотянуться никто: ни репрессивная машина, у которой не было полномочий, ни пропагандистская, у которой не осталось запала, ни родительская, лишенная вообще какого бы то ни было влияния.

Свобода молодости началась в верхнем экстремуме советского господства и крепла по мере дряхления го-

сударства. Когда СССР окончательно распался, свобода ядовитым пятном расплзлась по всему обществу, которое довольно быстро к ней приспособилось и наспех соорудило для себя новое оголовье.

Свобода снова превратилась в риторическое понятие, его используют только легкомысленные поэты и политические маргиналы. А молодежь, увы, полностью выветрилась из общественной жизни. Единственное, как она еще проявляется — своими самоубийствами в соцсетях.

Вероятно, будущий островок свободы всплывет именно там — на стыке виртуальности и суицида.

Платон ПОЛИТИК³²

Из полилога Сократа, в котором принимают участие четверо — Сократ, Феодор, Чужеземец и Сократ-младший — оставлены только реплики последнего. (Примечание главного редактора.)

Сократ мл. Да.

Сократ мл. Безусловно.

Сократ мл. Нет, именно так.

Сократ мл. Хорошо бы.

Сократ мл. А как же?

Сократ мл. Возможно.

Сократ мл. Думаю, что это твое дело, чужеземец, а не мое.

Сократ мл. Ты прав.

Сократ мл. Да, это так.

Сократ мл. Как же иначе?

Сократ мл. Пусть это будут у тебя как бы два вида одного цельного знания.

Сократ мл. Каким?

Сократ мл. Да, это было бы необходимо.

Сократ мл. Скажем.

Сократ мл. Да.

Сократ мл. Это справедливо.

Сократ мл. Как же иначе?

---

³² Платон. Законы. М.: «Мысль», 1999. Перевод С.Я. Шейнмана-Топштейна.

Сократ мл. Ни в чем.

Сократ мл. Конечно!

Сократ мл. Это ясно.

Сократ мл. Конечно.

Сократ мл. Очевидно, да.

Сократ мл. Конечно, так нужно сделать.

Сократ мл. Скажи ты, какое?

Сократ мл. Да.

Сократ мл. Как же иначе?

Сократ мл. Конечно.

Сократ мл. Да.

Сократ мл. Это так.

Сократ мл. Бесспорно.

Сократ мл. Правильно.

Сократ мл. По-видимому.

Сократ мл. По моему мнению, да.

Сократ мл. Как же иначе?

Сократ мл. Конечно.

Сократ мл. Лучше, пожалуй, последнее.

Сократ мл. Что ты имеешь в виду?

Сократ мл. Да, это верно.

Сократ мл. Суцая правда.

Сократ мл. Совершенно верно.

Сократ мл. Конечно, нужно.

Сократ мл. Как именно?

Сократ мл. Конечно.

Сократ мл. Каким образом?

Сократ мл. Да.

Сократ мл. В соответствии с чем?

Сократ мл. Безусловно.

Сократ мл. Но которую из них, по твоим словам, надо взять?

Сократ мл. Это правильно.

Сократ мл. Верно.

Сократ мл. Теперь мне ясно то, что ты говоришь.

Сократ мл. Здесь подойдет и то и другое.

Сократ мл. Хотел бы я это заметить. И мне кажется, что у людей пища одна, а у животных — другая.

Сократ мл. Чего именно?

Сократ мл. Что, чужеземец, ты хочешь этим сказать?

Сократ мл. Как ты назовешь ту ошибку, которую мы сделали только что при делении?

Сократ мл. Совершенно верно. Но, чужеземец, как же яснее распознать это — вид и часть, если они не одно и то же, но друг от друга отличны?

Сократ мл. Чего именно?

Сократ мл. Но как же иначе?

Сократ мл. Пусть будет так.

Сократ мл. О чем ты спрашиваешь?

Сократ мл. Это правда.

Сократ мл. И это так было.

Сократ мл. Каким образом?

Сократ мл. Да, не нужно этого делать.

Сократ мл. Но в чем же?

Сократ мл. Так.

Сократ мл. Прекрасно.

Сократ мл. Да.

Сократ мл. Какое состояние?

Сократ мл. Ну и хорошо, чужеземец, что это так получилось.

Сократ мл. Что же?

Сократ мл. Конечно, и эти я видел, и о тех от многих слышал.

Сократ мл. Да уж конечно.

Сократ мл. Да, конечно.

Сократ мл. Да, по-моему, так.

Сократ мл. Конечно, ясно.

Сократ мл. Как?

Сократ мл. Сушая правда.

Сократ мл. Да, это так.

Сократ мл. Ясно, что следует.

Сократ мл. А обоими путями следовать невозможно?

Сократ мл. Итак, я избираю оба пути — поочередно.

Сократ мл. Говори.

Сократ мл. Каким образом?

Сократ мл. Это очевидно.

Сократ мл. Так как же следует говорить?

Сократ мл. Пусть будет так, согласно сказанному:
ведь это во всех отношениях ясно.

Сократ мл. Конечно.

Сократ мл. Хорошо.

Сократ мл. Что именно?

Сократ мл. Я понимаю.

Сократ мл. Конечно.

Сократ мл. Ясно, что о несмешанной.

Сократ мл. Да, надо.

Сократ мл. Нет, конечно. Но каким образом разделить нам эти два рода?

Сократ мл. Каким же именно?

Сократ мл. Что ты имеешь в виду?

Сократ мл. Нет, не в ином.

Сократ мл. Как же иначе? Я почти понимаю, что ты хочешь сказать.

Сократ мл. Что же это?

Сократ мл. Да, я вижу и нахожу это очень странным.

Сократ мл. Да уж конечно.

Сократ мл. Несомненно, придет.

Сократ мл. Что именно?

Сократ мл. Похоже, что это так.

Сократ мл. Непременно.

Сократ мл. Ты прекрасно и как должно представил мне счет да еще как бы добавил к счету проценты, увеличив тем самым оплату.

Сократ мл. Отлично.

Сократ мл. Все это, безусловно, верно.

Сократ мл. Что ты имеешь в виду?

Сократ мл. Скажи яснее.

Сократ мл. Говори же.

Сократ мл. Да.

Сократ мл. Это так.

Сократ мл. Какое же?

Сократ мл. Разве это возможно?

Сократ мл. Это было бы с их стороны неправильным.

Сократ мл. Совершенно верно.

Сократ мл. никоим образом.

Сократ мл. Сущая правда.

Сократ мл. Нет, этого ни в коем случае нельзя допустить.

Сократ мл. Но какой это путь?

Сократ мл. Несомненно.

Сократ мл. Говори же.

Сократ мл. Ты, верно, говоришь о знамении золотого овна?

Сократ мл. Рассказывают и об этом.

Сократ мл. Конечно, от очень многих.

Сократ мл. Это сказание тоже принадлежит к древнейшим.

Сократ мл. Ты прекрасно молвил; не упусти же ничего, прошу тебя.

Сократ мл. По какой же именно?

Сократ мл. Все, что ты изложил, выглядит очень правдоподобно.

Сократ мл. Какая?

Сократ мл. Каким же образом?

Сократ мл. Это возможно.

Сократ мл. И это правдоподобно.

Сократ мл. Как же иначе?

Сократ мл. А в чем это переживание состоит?

Сократ мл. Но как же происходило тогда, чужеземец, возникновение новых существ? И как рождались они друг от друга?

Сократ мл. Да, это непременно вытекает из сказанного раньше. Но жизнь, о которой ты говорил, что она протекала под властью Кроноса, — совпадала ли она с тем, прежним круговоротом или с нынешним? Ведь ясно, что каждая перемена в движении Солнца и звезд совпадает с первым круговращением.

Сократ мл. никоим образом.

Сократ мл. Да, конечно, очень хочу.

Сократ мл. Какая же и сколь великая, по твоим словам, возникла у нас ошибка?

Сократ мл. Каким образом?

Сократ мл. Это правда.

Сократ мл. Отлично.

Сократ мл. Правильно.

Сократ мл. Истинно так.

Сократ мл. Как же иначе?

Сократ мл. Да.

Сократ мл. Каким образом?

Сократ мл. Ты прав, если такое имя бывает.

Сократ мл. Правильно. Но какое же теперь последует разделение?

Сократ мл. Это очевидно. Но снова спрошу: что же потом?

Сократ мл. Правильно.

Сократ мл. Ты правильно говоришь.

Сократ мл. Каким образом?

Сократ мл. А как же?

Сократ мл. Каких именно?

Сократ мл. Правильно.

Сократ мл. На какие же части?

Сократ мл. То есть?

Сократ мл. Истинно так.

Сократ мл. Несомненно.

Сократ мл. Значит, чужеземец, рассуждение о политике получило у нас таким образом завершение.

Сократ мл. Правильно! Покажи же, чего не хватает в том, что у нас было сказано.

Сократ мл. Как это ты говоришь?

Сократ мл. Как так?

Сократ мл. Так что же? Скажи! Уж меня-то ты можешь не стесняться.

Сократ мл. Как ты сказал?

Сократ мл. Почему бы и нет?

Сократ мл. И даже очень.

Сократ мл. Каким именно?

Сократ мл. Безусловно.

Сократ мл. Это очевидно.

Сократ мл. Да, удивляться здесь не приходится.

Сократ мл. Это почти невозможно.

Сократ мл. Было бы совершенно правильно поступить именно так.

Сократ мл. Весьма даже необходим.

Сократ мл. Почему бы и нет?

Сократ мл. Как ты говоришь?

Сократ мл. Ты прекрасно сказал.

Сократ мл. Совершенно верно.

Сократ мл. От каких это родственников?

Сократ мл. Понимаю.

Сократ мл. Безусловно.

Сократ мл. Выходит, так.

Сократ мл. Как так?

Сократ мл. Да.

Сократ мл. Какое распускание?

Сократ мл. Ни в коем случае.

Сократ мл. Как же иначе?

Сократ мл. Ни в коем случае.

Сократ мл. Конечно.

Сократ мл. Несомненно.

Сократ мл. Да, это так.

Сократ мл. Почему бы этого и не сделать?

Сократ мл. Какие же?

Сократ мл. Как это?

Сократ мл. Это имеет под собой основание.

Сократ мл. Совершенно верно.

Сократ мл. Прекрасно.

Сократ мл. Да, не иначе!

Сократ мл. Как это?

Сократ мл. Да.

Сократ мл. Безусловно, так.

Сократ мл. Пусть будет разделено.

Сократ мл. Значит, надо это сделать.

Сократ мл. Понял, понял: мне кажется, говоря о сучении, ты имеешь в виду работу по основе.

Сократ мл. Ни в коем случае.

Сократ мл. Каким образом?

Сократ мл. Да.

Сократ мл. Правильно.

Сократ мл. Совершенно верно.

Сократ мл. Совершенно верно.

Сократ мл. Но мне, чужеземец, ничего из сказанного не показалось лишним.

Сократ мл. Говори, говори.

Сократ мл. Надо так сделать.

Сократ мл. О каких вещах?

Сократ мл. Да.

Сократ мл. Скажи, пожалуйста, какое же здесь будет деление?

Сократ мл. Как, как ты говоришь?

Сократ мл. Да, кажется.

Сократ мл. Это очевидно.

Сократ мл. Как же иначе?

Сократ мл. Так.

Сократ мл. Конечно.

Сократ мл. Да, совершенно.

Сократ мл. Значит, надо как можно скорее это согласие установить.

Сократ мл. Какое же?

Сократ мл. Это верно, но что же дальше?

Сократ мл. Ты назвал два огромных раздела, сильно отличающихся один от другого.

Сократ мл. Постараемся.

Сократ мл. О каком рассуждении ты говоришь?

Сократ мл. Разумеется, чтобы знать всё.

Сократ мл. Разумеется, ради последнего.

Сократ мл. Ты великолепно сказал.

Сократ мл. Да, из-за чего?

Сократ мл. Пусть будет так. Ты только говори по порядку.

Сократ мл. Правильно.

Сократ мл. Ты прекрасно сказал. Сделаем же, как ты говоришь.

Сократ мл. Правильно.

Сократ мл. Значит, и не нужно делить надвое.

Сократ мл. Как же мы поступим теперь?

Сократ мл. Да.

Сократ мл. Конечно, нет.

Сократ мл. Какой же именно?

Сократ мл. Что ты имеешь в виду?

Сократ мл. Да и как ему иметь?

Сократ мл. Что же это?

Сократ мл. Понимаю.

Сократ мл. Безусловно.

Сократ мл. Каким именно?

Сократ мл. Да, конечно.

Сократ мл. И это мне почти что понятно.

Сократ мл. Что ты имеешь в виду?

Сократ мл. Прекрасно.

Сократ мл. Конечно.

Сократ мл. Безусловно.

Сократ мл. Похоже, что так.

Сократ мл. Да, это необходимо.

Сократ мл. О каких слугах ты говоришь?

Сократ мл. Конечно.

Сократ мл. Скорее уж, может быть, искусству купли-продажи.

Сократ мл. Как можно!

Сократ мл. Какие? О чем ты говоришь?

Сократ мл. Что они, как ты и сказал, слуги, а не правители государств.

Сократ мл. Несомненно.

Сократ мл. Да.

Сократ мл. Это очевидно.

Сократ мл. Да, несомненно.

Сократ мл. О ком ты говоришь?

Сократ мл. А именно?

Сократ мл. Ну так скажи. Ведь похоже, что ты усмотрел что-то несообразное.

Сократ мл. Что за сборище?

Сократ мл. Да, этого ни в коем случае нельзя упустить.

Сократ мл. Что?

Сократ мл. Да.

Сократ мл. Как же иначе?

Сократ мл. Да, несомненно.

Сократ мл. Какие же это названия?

Сократ мл. Да, конечно.

Сократ мл. Несомненно.

Сократ мл. Это верно.

Сократ мл. А что препятствует тому, чтобы так считать?

Сократ мл. Каким?

Сократ мл. О чем ты говоришь?

Сократ мл. Да.

Сократ мл. Да.

Сократ мл. Ты правильно говоришь.

Сократ мл. Иное допущение невозможно.

Сократ мл. Надо это сделать так, как указало нам рассуждение.

Сократ мл. Вряд ли!

Сократ мл. Если так, то это было бы легчайшим из всех искусств; а мы знаем, что из тысячи человек не найдется против остальных элинов такого количества даже отличных игроков в шашки, не то что царей. Мы должны в соответствии с прежним рассуждением назвать царем того, кто обладает царским знанием, — правит ли он на самом деле или нет.

Сократ мл. Конечно!

Сократ мл. Ты совершенно прав.

Сократ мл. Прекрасно.

Сократ мл. Чужеземец, обо всем прочем ты говорил, как нужно; а вот о том, что следует управлять без законов, слышать тяжело.

Сократ мл. Совершенно верно.

Сократ мл. Нет. Почему?

Сократ мл. Как же иначе?

Сократ мл. Сущая правда: закон поступает по отношению к каждому из нас именно так, как ты говоришь.

Сократ мл. Видимо, так.

Сократ мл. Конечно.

Сократ мл. Да, это очень распространено.

Сократ мл. Что ты имеешь в виду?

Сократ мл. Совершенно верно.

Сократ мл. Да, это так.

Сократ мл. Видимо, это так.

Сократ мл. Правильно.

Сократ мл. Да, чужеземец, это ясно из только что сказанного.

Сократ мл. Из чего именно?

Сократ мл. Так.

Сократ мл. Безусловно.

Сократ мл. Конечно, вызовет.

Сократ мл. Пока что не догадываюсь.

Сократ мл. Ну и что же? Разве это неверно?

Сократ мл. Что именно?

Сократ мл. Ты говоришь сущую правду.

Сократ мл. Несомненно.

Сократ мл. Ты говоришь сущую правду.

Сократ мл. Против того, что было тобой сказано, нечего возразить.

Сократ мл. Что ты имеешь в виду?

Сократ мл. Как, как ты сказал? Я ведь и раньше не совсем понял то, что ты говорил о подражаниях.

Сократ мл. Какая же это погрешность?

Сократ мл. Что же именно мы сейчас одобряем?

Сократ мл. Безусловно.

Сократ мл. О каких уподоблениях ты говоришь?

Сократ мл. Какой же?

Сократ мл. Ты говоришь очень странные вещи.

Сократ мл. Это еще чуднее!

Сократ мл. Но ведь тот, кто при подобных обстоятельствах по доброй воле и охоте принимает бразды правления, справедливо понесет наказание, в чем бы оно ни состояло.

Сократ мл. Ясно, что все без исключения искусства у нас бы погибли и, поскольку закон запрещает исследование, никогда не возродились бы вновь. И таким образом, жизнь, трудная и сейчас, стала бы к тому времени вовсе невыносимой.

Сократ мл. Да, это сущая правда.

Сократ мл. Как же иначе?

Сократ мл. Правильно.

Сократ мл. Конечно.

Сократ мл. Да, мы так сказали.

Сократ мл. Несомненно.

Сократ мл. Безусловно.

Сократ мл. Да, это решено.

Сократ мл. Да, это невозможно.

Сократ мл. Ты прекрасно сказал.

Сократ мл. Да, очевидно.

Сократ мл. Допустим.

Сократ мл. Видимо, так.

Сократ мл. Как же иначе?

Сократ мл. Да и как же иначе?

Сократ мл. Очевидно.

Сократ мл. Сушая правда.

Сократ мл. Да, это надо рассмотреть. Как же иначе?

Сократ мл. Как ты говоришь?

Сократ мл. Да, именно эти три.

Сократ мл. Как это все будет выглядеть?

Сократ мл. Каким же образом мы ее расчленим?

Сократ мл. Да, это так.

Сократ мл. Твое объяснение делает это правдоподобным.

Сократ мл. Видимо, так.

Сократ мл. Да, видно, все это так и бывает и происходит, и надо поступать, как ты говоришь.

Сократ мл. Точнехонько метнул ты это слово в так называемых политиков!

Сократ мл. Да, очевидно.

Сократ мл. Почему?

Сократ мл. Да, говорят, что это происходит именно так.

Сократ мл. Ясно, что надо попытаться это сделать.

Сократ мл. Что именно?

Сократ мл. Есть.

Сократ мл. Да, скажем.

Сократ мл. Да.

Сократ мл. Она должна управлять остальными.

Сократ мл. Конечно.

Сократ мл. Как же иначе?

Сократ мл. Я думаю, ясно, что это надо отнести к ораторскому искусству.

Сократ мл. Той, которая управляет наукой убеждения и речи.

Сократ мл. Ты прекрасно сказал.

Сократ мл. Да.

Сократ мл. О какой же?

Сократ мл. Как же можно не отнести к искусствам то, что рождается из всего военачальнического и воинского опыта?

Сократ мл. Следуя сказанному раньше, ее следует считать иной.

Сократ мл. Полагаю, что да.

Сократ мл. Кроме нее, нельзя назвать никакой.

Сократ мл. Это невозможно

Сократ мл. Конечно, рассмотрим и это.

Сократ мл. Да, не иначе: деятельность этой способности заключена примерно в названных тобой границах.

Сократ мл. Видимо, так.

Сократ мл. Правильно.

Сократ мл. Видимо, так.

Сократ мл. Безусловно.

Сократ мл. Отлично!

Сократ мл. Это ясно.

Сократ мл. Во всяком случае это нужно сделать.

Сократ мл. Я не понял тебя.

Сократ мл. Да, конечно.

Сократ мл. Да.

Сократ мл. Какое?

Сократ мл. Что ты имеешь в виду?

Сократ мл. Да.

Сократ мл. Что ж, говори, как это надо рассматривать.

Сократ мл. Скажи яснее.

Сократ мл. Конечно. Как же иначе?

Сократ мл. Нет, совсем не помню.

Сократ мл. Почему бы и нет?

Сократ мл. Как это?

Сократ мл. Да.

Сократ мл. И даже очень.

Сократ мл. Что ты хочешь этим сказать?

Сократ мл. Сущая правда.

Сократ мл. Каким образом?

Сократ мл. Какого рода разлад?

Сократ мл. Видимо, это так.

Сократ мл. О чем ты говоришь?

Сократ мл. Ты говоришь о тяжелой и страшной беде.

Сократ мл. Бывает и так.

Сократ мл. Иначе сказать нельзя.

Сократ мл. Да, похоже, что это так.

Сократ мл. Что именно?

Сократ мл. Как же иначе?

Сократ мл. Да, безусловно.

Сократ мл. Да, это считается правильным.

Сократ мл. Совершенно верно.

Сократ мл. Каким же именно способом?

Сократ мл. Что? Как ты говоришь?

Сократ мл. Так оно и подобает.

Сократ мл. Это похоже на правду.

Сократ мл. Совершенно верно.

Сократ мл. Как же иначе?

Сократ мл. Несомненно.

Сократ мл. Да. И как это сделать?!

Сократ мл. Сущая правда.

Сократ мл. Как же? И о каких связях ты говоришь?

Сократ мл. Как это?

Сократ мл. Конечно.

Сократ мл. Естественно.

Сократ мл. А именно?

Сократ мл. Почему это? Да и ради чего?

Сократ мл. Естественно.

Сократ мл. И это, естественно, случается таким образом.

Сократ мл. Как это?

Сократ мл. По-видимому, и это верно.

Сократ мл. Да, иначе не может быть.

Сократ мл. Превосходно изобразил ты нам, чужеземец, царственного мужа — политика.

Юлиус Эвола
АМЕРИКАНСКАЯ «ЦИВИЛИЗАЦИЯ»³³

Американская пресса признала недавно скончавшегося Джона Дьюи³⁴ самой авторитетной фигурой американской цивилизации. Это действительно так. Его теории всецело представляют то видение человека и жизни, которое лежит в основе американизма и свойственной ему «демократии». Сущность таких теорий состоит в следующем: каждый может стать кем угодно в пределах технологических средств, находящихся в его распоряжении. Точно также и личность не определяется своей истинной природой, и реального различия между людьми не существует: есть только различие в их квалификации. Согласно этой теории каждый может стать тем, кем он захочет — для этого достаточно всего лишь знать, как научиться этому. Это, очевидно, случай человека, «сделавшего себя сам» (self-made man); в обществе, потерявшем смысл традиции, будет распространяться понятие личного развития, и вместе с этим будет усиливаться уравнилельное учение чистой демократии. При принятии основы таких идей всё природное разнообразие устраняется. Любой может утверждать, что все люди обладают равным потенциалом и термины «высокий» и «низкий» теряют своё значение, как и любое отношение дистанции и уважения; любой образ жизни становится общедоступным. Всем органическим концепциям жизни

---

³³ Перевод Олега Молотова.

³⁴ Джон Дьюи (1859–1952) — американский философ, психолог и педагог, один из ведущих представителей прагматизма, оказавший сильное влияние на педагогическую мысль США. — *Здесь и далее в статье прим. перев.*

американцы противопоставляют механистическую концепцию. В обществе «равных возможностей» всё имеет характер сфабрикованного существования. В американском обществе публичное поведение — это только маска. Равным образом представители американского стиля жизни (way of life) демонстрируют, что он враждебен личности.

Американская «открытость мышления» (open-mindedness), которая иногда воспринимается как достоинство, на самом деле является обратной стороной их внутренней бесформенности. То же самое касается их «индивидуализма». Индивидуализм и личность — не одно и то же: первое относится к бесформенному миру количества, а второе — к миру качества и иерархии. Американцы — живое опровержение декартовской аксиомы «я мыслю, следовательно, я существую». Американцы не мыслят, но тем не менее существуют. Американский «дух», ребяческий и примитивный, испытывает недостаток характерной формы и поэтому открыт любому виду стандартизации. В высших цивилизациях, например, в индоарийской, любое существование без характерной формы или касты (в изначальном смысле этого слова) не было свойственно даже рабам или шудрам, а существовало только у парий. В этом отношении Америка — общество парий. В высших цивилизациях роль парий состояла в подчинении тем, кто имеет определённую форму и внутренние законы. Вместо этого современные парии сами стремятся господствовать и пытаются распространить свое господство на весь мир.

Существует популярное мнение, что Соединённые Штаты — это «юная нация», которую «ждёт великое будущее». Соответственно, американские недостатки описываются как «детские ошибки» или «трудности роста». Нетрудно увидеть, что миф о «прогессе» играет большую роль в этой оценке. Согласно представлению о том, что всё новое является хорошим, Америка играет привилегированную роль среди цивилизованных государств. В Первой мировой войне Соединен-

ные Штаты выступили в роли «цивилизованного мира» *par excellence*. Вмешиваться в судьбы других народов было не только правом, но и обязанностью «самой развитой» нации.

История, однако, развивается циклично, а не линейно. Далеко от истины то, что самые молодые цивилизации неизбежно должны быть «высшими» — в действительности они могут оказаться дряхлыми и упадочными. Существует определённое соответствие между самыми прогрессивными и самыми примитивными фазами исторического цикла. Америка — это последняя стадия современной Европы. Рене Генон называл Соединённые Штаты «Дальним Западом» в том смысле, что Соединённые Штаты воспроизводят *reductio ad absurdum* негативных и самых дряхлых аспектов западной цивилизации. Всё, что в Европе происходило в слабой форме, в Соединённых Штатах увеличилось и сконцентрировалось в качестве симптомов разложения и культурного и человеческого упадка. Американскую ментальность можно истолковать только как пример упадка, демонстрируемый своей духовной атрофией по отношению ко всем высшим интересам и непониманием высших чувств. Горизонты американского духа ограничены всем несложным и непосредственным. Неизбежным следствием этого является то, что всё становится банальным, односложным и приниженным, даже всякая душевная и духовная жизнь. Сама жизнь в американских понятиях совершенно механистична. Смысл «Я» в Америке всецело ограничен физическим уровнем существования. Типичному американцу несвойственны духовные проблемы или сложности: он «естественный» конформист.

Примитивный американский дух можно только поверхностно сравнить с юным. Американский дух — это особенность разлагающегося общества, о чём я уже говорил.

Американская мораль

Сильно превозносимая сексуальная привлекательность (sex appeal) американских женщин из фильмов и журналов в значительной степени вымышлена. Современные медицинские исследования в Соединённых Штатах показали, что у 75% молодых американок отсутствует сильное сексуальное чувство, и вместо удовлетворения своего либидо они бесплодно ищут нарциссическое удовольствие в эксгибиционизме, тщеславии и стерильном культе фитнеса и здоровья. У американских девушек нет предубеждений в отношении секса; они представляют собой доступную цель для мужчины, который рассматривает весь сексуальный процесс как нечто отдельное от всего остального и, следовательно, незанимательное и обыденное событие. Таким образом, после того, как её сводили в кино или на танцы, девушка должна позволить себя поцеловать — это нечто вроде американских правил хорошего тона, но это ещё ничего не означает. Фригидность и материализм — характерные черты американских женщин. Мужчина, «встречающийся» с американской девушкой, приобретает материальные обязательства по отношению к ней. Она же добивается материальной выгоды. В случае развода американский закон в подавляющем большинстве случаев благосклонен к женщине. Поэтому американские женщины готовы к разводу, если видят возможность заключить более выгодную сделку. Это достаточно распространенный случай в Америке, когда женщина выходит замуж за одного мужчину, но уже «помолвлена» со своим будущим мужем, за которого она планирует выйти замуж после прибыльного развода.

«Наши» американские СМИ

Американизация в Европе широко распространена и очевидна. В Италии этот феномен, стремительно развившийся в эти послевоенные годы, воспринима-

ется большинством людей если не с энтузиазмом, то, по крайней мере, как нечто естественное. Не так давно я писал о том, что из двух больших опасностей, противостоящих Европе — американизации и коммунизма — первая является более коварной. Коммунизм представляет собой угрозу только в грубой и катастрофической форме непосредственного захвата власти коммунистами. С другой стороны, американизация прокладывает себе путь и постоянно просачивается при помощи изменения ментальности и привычек, что само по себе кажется безобидным, но результатом этого становится основательное извращение и деградация, с которыми можно бороться, только борясь с самим собой.

Кажется, что именно здесь внутреннее сопротивление у большинства итальянцев является слабым. Забывая о собственном культурном наследии, они охотно обращаются к Соединённым Штатам как к вождю-родителю (*elterlich Führer*) всего мира. Любой, кто хочет быть современным, должен применять к себе американские стандарты. Стидно наблюдать, как европейская страна так унижает свое достоинство. Благоговение перед Америкой не имеет ничего общего с культурным интересом к образу жизни других людей. Наоборот, низкопоклонство перед Соединёнными Штатами ведёт лишь к тому, что человек начинает считать, что нет иного стиля жизни и ценностей, находящихся на таком же уровне, как американские. Наше радио американизировано. Не имея каких-либо критериев оценки, оно просто следует модным сиюминутным тенденциям и выдаёт на рынок всё, что считается «приемлемым» — приемлемым для наиболее американизированной, т. е. наиболее деградировавшей, части общества. Остальных просто тянут за собой. Даже стиль презентации на радио стал американского радио в состоянии подавить дрожь от мысли, что единственный способ избежать коммунизма — поддаться американизации?» Это слова не посторон-

него, а американского социолога Джеймса Бёрнхема, профессора Принстонского университета. Такое суждение американца должно бы заставить итальянских радиоведущих покраснеть от стыда. Следствием демократии с девизом «занимайся своим делом» является отравление большей части населения, неспособной к различению, когда её не ведёт какая-либо власть или идеал, и которая слишком легко теряет чувство собственной идентичности.

Индустриальный порядок Америки

В своем классическом труде о капитализме Вернер Зомбарт подвел итог позднекапиталистической эпохи, высказав его в выражении: *fiatproducto, pereathomo*³⁵. В своем крайнем проявлении капитализм представляет собой систему, в которой человек оценивается исключительно с точки зрения товарного производства и развития средств производства. Социалистические доктрины появились как результат недостатка человеческого фактора в этой системе.

С повышением интереса к так называемым трудовым взаимоотношениям в Соединённых Штатах началась новая фаза. На первый взгляд это казалось усовершенствованием, но в реальности оказалось пагубным явлением. Предприниматели и работодатели осознали важность «человеческого фактора» в производственной экономике: игнорирование индивида, вовлечённого в производство, его мотивов, чувств, повседневной жизни, является ошибкой. Таким образом, появилась целая школа, изучающая человеческие отношения на производстве, основывающаяся на бихевиоризме³⁶. Научные работы — такие как «Челове-

---

³⁵ Да будет продукт, да сгинет человек (лат.).

³⁶ Бихевиоризм — направление в американской психологии XX в., отрицающее сознание как предмет научного исследования и сводящее психику к различным формам поведения, понятого как совокупность реакций организма на стимулы внешней среды.

ские взаимоотношения на производстве» (Human Relations in Industry) Б. Гарднера и Г. Мура — представили подробный анализ поведения сотрудников и их мотивации с чёткой целью определить наилучшие способы устранения всех факторов, которые могут препятствовать максимизации производства. Некоторые исследования, конечно же, вытекают из менеджмента, разрабатываемого специалистами различных академий. Социологические исследования зашли так далеко, что анализируют социальное окружение служащих. Этот род исследований имеет практическую цель поддержания психологической удовлетворённости, которая так же важна, как и физическая. В случаях с рабочими, выполняющими монотонную работу, не требующую большой сосредоточенности, исследования акцентируют внимание на «опасности» того, что в это время мысли человека могут блуждать где-то далеко, а это в результате негативно скажется на его отношении к работе.

Не забыли и о личной жизни служащих — отсюда увеличение числа так называемых штатных совещаний. Приглашают специалистов для того, чтобы рассеять тревогу, психологические беспокойства и устранить трудности с адаптацией, вплоть до того, что дают советы в отношении самых личных вещей. Используется откровенно психоаналитическая и часто прикладная техника, состоящая в том, чтобы субъект «говорил открыто», а получаемые путём такого «катарсиса» результаты не скрывались. Но всё это в «век экономики» не имеет ничего общего с улучшением духовного состояния человека, или с тем, что европеец почитал бы реальными человеческими проблемами. С обратной стороны «железного занавеса» с человеком обращаются как с вьючным животным, и его повиновение достигается террором и голодом. В Соединённых Штатах человек также считается только фактором труда и потребителем; только исходя из этого рассматривается любой фактор его существования, а любым аспектом его внутренней жизни пренебрегают. В

«стране свободных» человеку всеми средствами внушают, что он достиг такой степени счастья, о которой до сей поры и не мечтал. Он забывает, кто он такой, откуда он появился, и наслаждается настоящим.

Американская «демократия» в промышленности

В США существует заметное и растущее расхождение между пережитками преобладающей политической идеологии и реальными экономическими структурами нации. Большую роль в исследованиях этого предмета играет «морфология бизнеса». Исследования подтверждают впечатление, что американский деловой мир на самом деле далёк от типа организации, соответствующего демократическим идеалам американской пропаганды. Американские фирмы имеют пирамидальную структуру. Они составляют верхушку очевидной иерархии. Большие компании управляются по тому же принципу, что и правительственные министерства, и имеют сходную структуру. У них есть координирующие и контролирующие органы, выделяющие руководителей из массы служащих. Вместо того чтобы становиться более гибкой в социальном смысле, «элита менеджеров» (Бёрнхем) становится более авторитарной чем когда-либо — и в этом есть что-то общее с американской внешней политикой.

Вместе с этим виден конец ещё одной американской иллюзии — Америки как «страны возможностей», где каждый имеет возможность реализовать свой шанс; страны, где каждый может вознестись из грязи да в князи. Вначале существовали «открытые границы» для всех. Потом это закончилось, но появились новые «открытые границы» — безграничный потенциал промышленности и торговли. Но как показали Гарднер, Мур и многие другие, возможности со временем иссякают. Из-за непрерывно растущей специализации труда в производственном процессе и усиливающегося значения квалификации то, что раньше казалось оче-

видным для американцев — что их дети «пойдут дальше», чем они — теперь не так уж очевидно. Так называемая политическая демократия Соединённых Штатов, движущая сила и мощь страны, то есть её промышленность и экономика, становится, очевидно, недемократичной. Проблема заключается в следующем: должна ли реальность подстроиться под идеологию или наоборот? До недавнего времени наблюдались громкие требования первого: призывы вернуться к «настоящей Америке», к свободному предпринимательству и личности, свободной от контроля центрального правительства. Тем не менее, есть также и те, кто предпочли бы ограничить демократию, чтобы адаптировать политическую теорию в соответствии с коммерческой реальностью. Если бы маска американской «демократии» была сброшена, то стало бы предельно ясно, до какой степени «демократия» в Америке (и повсеместно) является лишь инструментом в руках олигархии, которая, пользуясь методом «косвенного воздействия», гарантирует возможность злоупотребления и обмана в огромном масштабе для тех многих, кто признаёт иерархическую систему, считая ее вполне законной. Эта дилемма «демократии» в Соединённых Штатах однажды может уступить место некоторым интересным преобразованиям.

Сергей Нечаев
КАТЕХИЗИС РЕВОЛЮЦИОНЕРА

Написан и отпечатан летом 1869 г. в Женеве. Первоначально заглавие отсутствовало и появилось как обозначение этого документа в ходе процесса над нечаевцами в 1871 г. Кругок С. Г. Нечаева (1847–1882), сына провинциального мецанина, возник в Петербурге в конце 1868 г., в атмосфере студенческих беспорядков, когда вновь активизировавшееся революционное подполье пыталось взять реванш за разгром, последовавший после выстрела Каракозова. С 1869 г. Нечаев живет за границей, сближаясь с М. А. Бакунным и Н. П. Огаревым, участвует в выпуске целого комплекса прокламаций. Входящий в этот комплекс «Катехизис революционера» является плодом коллективного творчества, вобравшим в себя идеи не только Нечаева, но и Бакунина, и П. Н. Ткачева, которым принадлежат базовые положения «революционного макиавеллизма». В «Катехизисе» впервые в русской истории была сформулирована программа широко-масштабной террористической деятельности. Революционная практика Нечаева выразилась в основанной им организации «Народная расправа» (осень 1869 г., Москва). Инспирированное руководителем убийство члена организации студента Иванова привело к судебному процессу над нечаевцами, имевшему широкий резонанс в русском обществе.

Отношение революционера к самому себе

1. Революционер — человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единственным исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью — революцией.

2. Он в глубине своего существа не на словах только, а на деле разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром и со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями, нравственностью этого мира. Он для него — враг беспощадный, и если он продолжает жить в нем, то только для того, чтобы его вернее разрушить.

3. Революционер презирает всякое доктринерство и отказывается от мирной науки, предоставляя ее будущим поколениям. Он знает только одну науку, науку разрушения. Для этого, и только для этого, он изучает теперь механику, физику, химию, пожалуй, медицину. Для этого изучает он денно и ночью живую науку людей, характеров, положений и всех условий настоящего общественного строя, во всех возможных слоях. Цель же одна — наискорейшее и наивернейшее разрушение этого поганого строя.

4. Он презирает общественное мнение. Он презирает и ненавидит во всех ее побуждениях и проявлениях нынешнюю общественную нравственность. Нравственно для него всё, что способствует торжеству революции.

5. Революционер — человек обреченный. Беспощадный для государства и вообще для всего сословно-образованного общества, он и от них не должен ждать для себя никакой пощады. Между ними и им существует или тайная, или явная, но непрерывная и непримиримая война не на жизнь, а на смерть. Он каждый день должен быть готов к смерти. Он должен приучить себя выдерживать пытки.

6. Суровый для себя, он должен быть суровым и для других. Все нежные, изнеживающие чувства род-

ства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены в нем единою холодною страстью революционного дела. Для него существует только одна нега, одно утешение, вознаграждение и удовлетворение — успех революции. Денно и ночью должна быть у него одна мысль, одна цель — беспощадное разрушение. Стремясь хладнокровно и неутомимо к этой цели, он должен быть всегда готов и сам погибнуть и погубить своими руками всё, что мешает ее достижению.

7. Природа настоящего революционера исключает всякий романтизм, всякую чувствительность, восторженность и увлечение. Она исключает даже личную ненависть и мщение. Революционная страсть, став в нем обыденностью, ежеминутностью, должна соединиться с холодным расчетом. Всегда и везде он должен быть не то, к чему его побуждают влечения личные, а то, что предписывает ему общий интерес революции.

Отношение революционера к товарищам по революции

217

8. Другом и милым человеком для революционера может быть только человек, заявивший себя на деле таким же революционером, как и он сам. Мера дружбы, преданности и прочих обязанностей в отношении к такому товарищу определяется единственно степенью полезности в деле всеразрушительной практической революции.

9. О солидарности революционеров и говорить нечего. В ней вся сила революционного дела. Товарищи-революционеры, стоящие на одинаковой степени революционного понимания и страсти, должны, по возможности, обсуждать все крупные дела вместе и решать их единодушно. В исполнении таким образом решенного плана, каждый должен рассчитывать, по возможности, на себя. В выполнении ряда разрушительных действий каждый должен делать сам и прибе-

гать к совету и помощи товарищей только тогда, когда это для успеха необходимо.

10. У каждого товарища должно быть под рукой несколько революционеров второго и третьего разрядов, то есть не совсем посвященных. На них он должен смотреть, как на часть общего революционного капитала, отданного в его распоряжение. Он должен экономически тратить свою часть капитала, стараясь всегда извлечь из него наибольшую пользу. На себя он смотрит как на капитал, обреченный на трату для торжества революционного дела, только как на такой капитал, которым он сам и один, без согласия всего товарищества вполне посвященных, распоряжаться не может.

11. Когда товарищ попадает в беду, решая вопрос, спасти его или нет, революционер должен соображаться не с какими-нибудь личными чувствами, но только с пользою революционного дела. Поэтому он должен взвесить пользу, приносимую товарищем — с одной стороны, а с другой — трату революционных сил, потребных на его избавление, и на которую сторону перетянет, так и должен решить.

12. Принятие нового члена, заявившего о себе не на словах, а на деле, в товарищество не может быть решено иначе, как единодушно.

Отношение революционера к обществу

13. Революционер вступает в государственный, словесный и так называемый образованный мир и живет в нем только с целью его полнейшего, скорейшего разрушения. Он не революционер, если ему чего-нибудь жаль в этом мире, если он может остановиться перед истреблением положения, отношения или какого-нибудь человека, принадлежащего к этому миру, в котором — всё и все должны быть ему ненавистны. Тем хуже для него, если у него есть в нем родственные, дружеские или любовные отношения — он не революционер, если они могут остановить его руку.

14. С целью беспощадного разрушения революционер может, и даже часто должен, жить в обществе, притворяясь совсем не тем, что он есть. Революционеры должны проникнуть всюду, во все слои, высшие и средние, в купеческую лавку, в церковь, в барский дом, в мир бюрократический, военный, в литературу, в третье отделение и даже в Зимний дворец.

15. Все это поганое общество должно быть раздроблено на несколько категорий. Первая категория — неотлагаемо осужденных на смерть. Да будет составлен товариществом список таких осужденных по порядку их относительной зловредности для успеха революционного дела, так, чтобы предыдущие номера убрались прежде последующих.

16. При составлении такого списка и для установления вышереченного порядка должно руководствоваться отнюдь не личным злодейством человека, ни даже ненавистью, возбуждаемой им в товариществе или в народе. Это злодейство и эта ненависть могут быть даже отчасти... полезными, способствуя к возбуждению народного бунта. Должно руководствоваться мерою пользы, которая должна произойти от его смерти для революционного дела. Итак, прежде всего, должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революционной организации, и такие, внезапная и насильственная смерть которых может навести наибольший страх на правительство, и, лишив его умных и энергичных деятелей, потрясти его силу.

17. Вторая категория должна состоять именно из тех людей, которым даруют только временно жизнь, дабы они рядом зверских поступков довели народ до неотвратимого бунта.

18. К третьей категории принадлежит множество высокопоставленных скотов или личностей, не отличающихся ни особенным умом и энергиею, но пользующихся по положению богатством, связями, влиянием и силою. Надо их эксплуатировать всевозможными путями: опутать их, сбить их с толку, и, овладев, по возможности, их грязными тайнами, сделать их

своими рабами. Их власть, связи, богатство и сила сделаются, таким образом, неисощимой сокровищницей и сильной помощью для разных революционных предприятий.

19. Четвертая категория состоит из государственных честолюбцев и либералов с разными оттенками. С ними можно конспирировать по их программам, делая вид, что слепо следуешь за ними, а между тем прибрать их в руки, овладеть всеми их тайнами, скомпрометировать их донельзя, так, чтоб возврат был для них невозможен, и их руками и мутить государство.

20. Пятая категория — доктринеры, конспираторы и революционеры в праздно-глаголющих кружках и на бумаге. Их надо беспрестанно толкать и тянуть вперед, в практичные головоломные занятия, результатом которых будет бесследная гибель большинства и настоящая революционная выработка немногих.

21. Шестая и важная категория — женщины, которых должно разделить на три главных разряда. Одни — пустые, обесмысленные и бездушные, которыми можно пользоваться, как третьей и четвертой категорией мужчин;

Другие — горячие, преданные, способные, но не наши, потому что не доработались еще до настоящего бесфразного и фактического революционного понимания. Их должно употреблять как мужчин пятой категории. Наконец, женщины совсем наши, то есть вполне посвященные и принявшие всецело нашу программу. Они нам товарищи. Мы должны смотреть на них как на драгоценнейшее сокровище наше, без помощи которых нам обойтись невозможно.

Отношение товарищества к народу

22. У товарищества нет другой цели, кроме полнейшего освобождения и счастья народа, то есть чернорабочего люда. Но убежденные в том, что это освобождение и достижение этого счастья возможно только путем всесокрушающей народной революции, то-

варищество всеми силами и средствами будет способствовать развитию и разобшению тех бед и тех зол, которые должны вывести, наконец, народ из терпения и побудить его к поголовному восстанию.

23. Под революциею народною товарищество разумеет не регламентированное движение по западному классическому образцу — движение, которое, всегда останавливаясь перед собственностью и перед традициями общественных порядков так называемой цивилизации и нравственности, до сих пор ограничивалось везде низвержением одной политической формы для замещения ее другою и стремилось создать так называемое революционное государство. Спасительной для народа может быть только та революция, которая уничтожит в корне всякую государственность и истребит все государственные традиции, порядки и классы в России.

24. Товарищество поэтому не намерено навязывать народу какую бы то ни было организацию сверху. Будущая организация, без сомнения вырабатывается из народного движения и жизни. Но это — дело будущих поколений. Наше дело — страстное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение.

25. Поэтому, сближаясь с народом, мы прежде всего должны соединиться с теми элементами народной жизни, которые со времени основания московской государственной силы не переставали протестовать не на словах, а на деле против всего, что прямо или косвенно связано с государством: против дворянства, против чиновничества/против попов, против гильдейского мира и против кулака-миroeда. Соединимся с лихим разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером в России.

26. Сплотить этот мир в одну непобедимую, всесокрушающую силу — вот вся наша организация, конспирация, задача.

Пьер Дрие Ла Рошель
НИЦШЕ ПРОТИВ МАРКСА³⁷

Сегодня мы спрашиваем себя, не Ницше ли оказал наибольшее влияние на социальную философию за последние тридцать лет.

Нам, конечно, и прежде было известно, что многие представители художественного мира, которые вызывают наш интерес во Франции и за ее пределами, будь то в предшествующем, современном или же последующем поколениях, были в какой-то момент покорежны и ошеломлены этим неистовым властителем душ.

Но все большее число фактов заставляет нас почувствовать влияние Ницше в более широком кругу явлений, чем казалось вначале.

Разве не пронизаны ницшеанским духом все крупные общественные движения, развернувшиеся перед нашими глазами за последние двадцать лет?

Ницше сформировал Муссолини, мы это знаем. Но не повлиял ли он и на Ленина?

Если он не оказал на Ленина личного влияния, то, во всяком случае, я позволю себе утверждать, что философия, блестящим представителем которой он был, наложила на Ленина отпечаток, точнее, определенно повлияла на темперамент Ленина. Если меня станут уверять в том, что Ленин не читал ни единой строки философа-антисоциалиста, я охотно соглашусь, но укажу на его окружение. Так ли уж непроницаемы среды? Влияния — это в буквальном смысле воздух, которым дышат. И я замечу, что Ленин жил в той самой Швейцарии, куда приезжал и тоже вдыхал новый воздух юный марксист Муссолини. Вся Швейцария

---

³⁷ Перевод с французского А.В. Шестакова.

была, без сомнения, пронизана духом, который полностью обновил философию в конце XIX века и самым стремительным из проводников которого был гений Ницше. Пока какой-нибудь историк убедительно покажет нам факт во всех деталях, мы можем заметить, что там, где преподавал Вильфредо Парето, развивалась, как и в других уголках Европы, та самая философия, что дала столько неожиданных плодов и в самых разных областях. Философия критики разума, философия иррационального, философия действия, прагматическая философия. Главная движущая сила этой философии — мысль Ницше, мысль поэта, по силе воздействия на художников и политиков превосходящая мысль такого философа, как Бергсон.

Конечно же, эта философия по сути своей шла вразрез с рационалистским детерминизмом, служащим основой марксизма. Вот поистине сила, которая нанесла марксизму цепью косвенных ударов страшный урон, — урон, действенность которого мы только начинаем осознавать.

Но можно ли тем не менее сказать, что, взявшись за чтение Ницше, — любопытно было бы знать, одновременно с чтением Маркса или чуть позднее, — будущий глава итальянской соцпартии Муссолини, открыл в свой ум путь той субстанции, которая начисто уничтожит другую? Нет. Хотя ницшеанство и марксизм взаимно уничтожаются в их сущностной исключительности, но в значительной мере возрождаются как важные составляющие в совершенно новой общественной форме, которую производит на свет сплав их влияний.

Так разве у Ленина — более извилистым путем бессознательных заимствований — не могло произойти обратное? Ведь кое в чем он расходится с Марксом. Там, где, как может показаться, следует говорить лишь о марксизме, не без оснований говорят о ленинизме. Легко решить, что Ленин такой же самоучка в философии, как и Муссолини, с головой окунулся в унаследованную русскими коммунистами как завет Маркса

и Энгельса и с переменным успехом продолжаемую ими рационально-детерминистскую оборону против неокритицистских, антирационалистических тенденций, которые заявляли о себе в конце прошлого века повсюду, в том числе в их собственных кругах. Да, когда он сочиняет свой философский компендиум *«Материализм и эмпириокритицизм»*, кажется, что это так. (Книга эта очень разочаровывает, но разве вышло бы лучше, если бы Наполеона попросили перед назначением командующим Итальянской армией истолковать несколько статей из Энциклопедии?). И разве гений Ленина, всецело тактический, вполне уютно чувствующий себя в текстах, посвященных борьбе, не проникнут чем-то родственным философии движения и действия, которая распространялась в это время Вильфредо Парето и Жоржем Сорелем в философии, Пуанкаре в науке, а немногим позже, в обличье футуризма, кубизма, сюрреализма привнесла в искусство доктрины, основанные на отрицании разумного начала бытия, на идеалистическом феноменализме, ведомом прагматической моралью?

Я со своей стороны никогда не соглашусь с той мыслью, что гений Ленина вполне согласуется с основным уроком, который большинство учеников Маркса правомерно выводят из корпуса его сочинений. Ленин сделал вид, что отдал предпочтение линии, которая единодушно считалась линией Маркса, но на деле он уклонился далеко в сторону. Он ушел от марксизма по следам самого Маркса, того неусыпного и неведомого Маркса, который в конце жизни отвергал марксизм, — как Христос несомненно отверг бы христианство, — чему, правда, не захотели последовать его апостолы, сознающие свою посредственность и нуждавшиеся в законченной системе. Так он взял у Маркса только то, что может быть перенесено с одной эпохи на другую, только то, что могло прийтись впору нашему релятивистскому времени, — практические советы и общий порыв. Его гибкости, его чувству реально достижимого противна доктринерская непреклонность. Нет сомне-

ния, что будь Ленин жив он, подобно всем великим людям дела, подчинился бы требованиям возможного. И с точки зрения возможного он мог бы точно так же сблизиться с Муссолини, как и со Сталиным.

Самые рьяные марксисты, делая упор на тактической гибкости Маркса, рекомендуемой и применяемой им во всех сочинениях по разным поводам, при всех разборах различных событий, постепенно забывают о том, что только там эта гибкость и присутствует, что в его теоретических построениях ее нет. Нет ее ни в *«Коммунистическом Манифесте»*, ни в *«Капитале»*. В конечном счете главные элементы творчества Маркса — те, что обусловлены его одержимостью, убеждающей силой, живостью его литературной интуиции в исторической, философской, экономической областях, — оказываются придавлены слишком тяжелым гнетом философии, модной во времена его молодости, гегелевского историзма, а также философии, которая преобладала в период его зрелости, рационалистического детерминизма. Их действенность приостановилась в следующую эпоху, которую приводила в волнение уже другая философия.

У Маркса две эти философии наслаиваются и отягчают друг друга. И напрасно он и еще более Энгельс все время пытались выдвинуть на первый план релятивизм, который, впрочем, бурлил в глубине их сознания, но так и не одержал победу, — тот релятивизм что восторжествовал только в годы старости Маркса и Энгельса, разрушая прежние теории, чересчур привязанные к бытию.

Именно поэтому, несомненно, творчество Маркса встретило столь сильное сопротивление в философских и научных кругах в начале нашего века и даже в конце прошлого. Дело в том, что в тот момент, когда он оставлял незавершенной, но величественной свою социально-экономическую фантазию, философия, на которой она была основана, оказалась уже повсеместно разгромленной названными нами людьми. Ницше же в расцвете своей деятельности и творчества тоже был в

двух шагах от этого детерминизма, но впоследствии полностью преодолел его. Благодаря этому освобождению Ницше приобретает сегодня в наших глазах, видевших несколько революций, облик антимарксиста по преимуществу. В сфере его влияния в конечном счете оказались сконцентрированы все социальные выводы антисциентистской реакции. Все они выходят из строгого и существенного для позднего Ницше антирационализма — Ницше периода «Воли к власти». И все они, по крайней мере сейчас, ведут к антимарксизму.

Если бы я мог выйти за упрощающие рамки обычной статьи, я не преминул бы показать, что между Марксом и Ницше все же есть точки соприкосновения на философской почве, и что влияния их могли бы совпасть. Оба критиковали и высмеивали классическую немецкую философию, философию идеалистическую. Оба сровняли или попытались сровнять с землей все старые понятия — Бога, бытие, сущее, душу. Оба опирались в своем релятивистском порыве на сенсуализм XVIII века, с новой силой вспыхнувший в веке XIX. Было бы любопытно также посмотреть, как тот и другой каждый в свое время и на свой манер вдохновлялись дарвиновской идеей борьбы и отбора. Но в разрушении Ницше пошел значительно дальше: Маркс остался привязан к одному из понятий, к понятию причинности.

В любом случае некоторые успехи, достигнутые антимарксизмом в последние десятилетия в Центральной Европе, а втайне, несомненно, и в России, обязывают нас выдвинуть следующую формулу: Ницше в противовес Марксу, Ницше вслед за Марксом, Ницше — подлинный пророк и вдохновитель революций послевоенного времени.

Само собой разумеется, что о политическом влиянии Ницше можно говорить, лишь ясно осознав серьезные недоразумения, с которыми связана идея всякого влияния такого рода. Ницше — поэт и художник. Его учение многолико и иносказательно, как учение

любого художника. Это учение всегда будет уклоняться от полного присвоения его людьми какой-то одной партии и одного времени, а какой-то из своих сторон всегда будет открыто поискам другой партии в другое время. Но с какой бы то ни было стороны людям физического труда для примитивного использования будут доступны только отходы его мысли. Так попытаемся понять, как эти последние будут накладывать свои трафареты на тексты философа-одиночки.

Ницше ясно говорит: «Человек — случайность в мире случайностей. Мир не имеет общезначимого смысла. Он не имеет никакого смысла, помимо того, который мы однажды придаем ему ради развития нашей страсти и нашего дела».

На этой метафизической основе фашизм смог утвердить свои исходные постулаты.

1) Если мир не имеет смысла, то он, очевидно, не есть тот марксистский мир, который, вопреки многочисленным оговоркам Маркса и Энгельса, является, в сущности, миром гегельянским и проводит линию «прогресса», завершающуюся «пролетарским триумфом». Ницшеанский принцип, носившийся в воздухе между 1900 и 1920 годами, подготовил умы к слоому предначертанного горизонта, в который марксисты как им казалось, эти умы заключили.

2) Этот постоянный, исходящий из каждой строчки «Воли к Власти» призыв к осуществлению устремлений и действий любой ценой, получил отчетливый и скорый отклик в чувстве, которое движет фашизмом Муссолини и Гитлера, вере в действие как таковое, в добродетель действия. «Сначала дело, потом мысль», — таков основной лозунг «народных смельчаков» и «Балтикума» 1919 года. Наоборот, для марксистов действию предшествуют две вещи: сначала развитие материи, цепь материализовавшихся состояний истории; затем мысль, которая сопутствует этому движению, и лишь затем, наконец, действие.

3) Постулируя в своей «Воли к Власти» самостоятельность человека в центре мира и самостоятельность

человеческого действия, Ницше указывает, как на следствие, на то, что ячейка человеческой энергии, общественного движения — это индивид, способный к максимальному действию, представитель элиты, хозяин. Таким образом, он скрыто постулирует двойственность социальной структуры, на которой и основывается фашизм: вождь и группа, окружающая вождя.

Вот главное, и достаточно было бы ограничиться этим. Таким образом, в свете нынешних событий ницшеанская философия кажется определенно более сильным возбудителем движения, чем гегельянская философия марксизма. Конечно, можно возразить, что Гегель и еще больше Маркс оказались жертвами умственной лени своих учеников. Я охотно допускаю это, и мне бы не хотелось, чтобы в ходе настоящих размышлений возникло недопонимание. Сам будучи увлечен ницшеанским релятивизмом, я не считаю, что общность точек зрения по тем или иным философским или религиозным учениям каким-то образом ведет к одинаковой общественной позиции. В одной и той же философской доктрине, как показывает нам история, могут найти точку опоры люди противоположных политических взглядов. Разве не было гегельянцев правых и левых? Могут быть и ницшеанцы правые и левые. И мне кажется, что сталинская Москва и Рим, последний сознательно, первая — неосознанно, уже базируются на этих двух типах ницшеанства.

Но будет полезно указать и на то, как в данный момент, при сложном сплетении обстоятельств, одна философия способствует ослаблению одного общественного движения, тогда как другая философия способствует усилению другого. Глядя на то, что только что произошло в Германии, приходится признать, что в идее объективного развития истории, ее материального движения, содержится сильнейший соблазн фашизма и бездействия. Гегельянец полагает, — расходясь, разумеется, со своей собственной системой, однако, события свидетельствуют, что именно так он ее и понимает, — что история идет сама по себе, мар-

ксист полагает, что капитализм сам готовит себе собственную гибель. Результатом является спячка и малодушные в день пробуждения. Ницшеанец, наоборот, верит, что в мире, где царит случайность, его деятельность может в любую минуту привести к взрыву и преобразить этот мир.

Во всяком случае, этот вывод дает нам возможность постичь следующий основополагающий факт: все революции, произошедшие за последние двадцать лет, были совершены вопреки марксизму или же были направлены против него.

Повторим еще раз, революция 1917 года была ленинской, а не марксистской. Ленин действовал, отойдя от марксизма, взяв из учения Маркса самое живое, но и самое хрупкое, что в нем есть. В самом деле, одно из двух: либо Маркс, либо марксизм. Если Маркс так гибок, так прагматичен, как уверяют нас некоторые редкие толкователи, тогда марксизм — как историческая система, как пророчество, основанное на пролетарском понимании истории, — не существует. Или же марксизм существует, и ловкий и отвечающий на все вопросы Маркс, которого мы ценим в отдельных его описаниях, исчезает за мощной исторической схемой, которую от него требовали и получили помимо всего прочего.

Если Ленин и Троцкий (последний уж точно читал Ницше) с такой легкостью несли бремя марксизма, то только потому, что, самую тяжелую его часть им пришлось бросить по пути.

Затем, очевидно, что перевороты в Риме и Берлине вывели всю свою энергию из ницшеанского, в высшей степени антимарксистского релятивизма и прагматизма.

Но напоследок мы не можем отказать себе в следующих рискованных суждениях, которые могли бы показаться граничащими с клеветой, если не помнить о весьма ироничных чувствах, которые вызывают у нас взаимоотношения философии, или философской поэзии, и политики.

Мы не можем не задуматься о том, что никто острее Ницше не критиковал немецкий дух, и что тем не менее в некотором отношении никто не был большим немцем, чем он. Как, впрочем, и Гёте. Получается, что в этой склонности к героическому одиночеству и к романтическому вызову, к которым устремляется сегодня немецкий народ, Ницше его опередил. Конечно, это сравнение — не более чем нагромождение банальных недоразумений, но банальное и социальное — одно и то же. И, в конце концов, в банальности министерского постановления метафизика некоего Ницше является лишь простым отголоском, как метафизика, которая входит в репертуар банальностей за общим столом в каком-нибудь скучном семейном пансионе.

Если политиками завладевает мысль, подобная мысли Ницше, в той точке, где начинается ее изгиб, они не успокаиваются, пока она вновь не сомкнется с почвой, от которой оторвалась. Ясно, что Ницше предпринял огромное, исключительное усилие, чтобы самому вырваться из общественного застоя и помочь в этом человечеству. Но не менее верно, что некоторые второстепенные направления его творчества позволяют уличить его в потакании тому, к чему он сам испытывал отвращение, — неподвижности. Так, в «Воле к власти», отходя от главной линии своего идеалистического метода, с помощью которого он хотел поддерживать человечество в состоянии перманентной революции, он вдруг пускается в апологию кастовой системы и восхваляет прелесть законов Ману.

Очевидно, тут он оказывается жертвой одной из странных превратностей диалектики жизни. Релятивистская философия Ницше или философия становления Гегеля и Маркса вдруг уступает необходимости, которая обязывает, чтобы придать движению реальность, четко обозначить его пункты и моменты и, следовательно, отвергнуть, остановить бытие. Революции приводят к созданию учреждений. И в учреждениях бытие, застывшее на одно мгновение, стремится замкнуться в самом себе.

Во всяком случае, в своей экономической автаркии, в своем благородном консерватизме, в своем стремлении раз и навсегда определить немецкий дух — что угрожает остановкой его развития — Гитлер досадным образом сходится с Ницше, восхваляющим законы Ману.

И вот тут-то сказывается постоянная ирония истории: вслед за гегельянством ницшеанство становится источником инерции. Таков закон.

Июнь 1932

Вадим Климов
**БОЛОТО АЛОГИЧНОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОЛТОВНИ**

Десять заповедей лишь потому так лаконичны,
ясны и понятны, что были написаны
без помощи советников и экспертов.

Шарль де Голль

Когда-то внутренняя процедура экспертизы стала общим местом. Эксперт синонимичен говорящей голове, готовой рассуждать на любые темы. Абсолютно любые — у эксперта не должно быть никаких ограничений.

232

Эгалитаризм прокатился по планете, опустив интеллектуальную дискуссию на критический уровень. Там, где у каждого есть свое мнение, которое нужно непременно озвучить, никакое обсуждение невозможно. Здесь-то и приходит на помощь эксперт, несущий ту же ахинею, что остальные, но приправленную высокими должностями и регалиями.

Любопытно, как концепт эксперта преломляется в коллективном бессознательном, пытающемся оторваться от безликой массы. Кто-то пытается ориентироваться в информационном хаосе, оценивая квалификацию говорящего. Однако сам он необходимой квалификацией не обладает, поэтому воспринимать содержание речи может лишь условно.

Более того, на любое мнение эксперта можно найти противоположное мнение другого эксперта. У слушателя всегда есть выбор, он лукавит, говоря, что доверяет лишь авторитету говорящего. Нужного эксперта можно подобрать под любое мнение.

И разумеется, эмансипированный слушатель не может обойтись без ресентимента, когда подвергает сомнению квалификацию говорящего, не имея никакой возможности для ее адекватного понимания. Даже на вчерашней презентации исследования о Юлиусе Эволе было проговорено, что Эвола, мол, плохо понимал солдатское братство, потому что не служил в армии. Точнее, служил в Первую мировую войну, но его подразделение в боевых действиях не принимало участия.

Почему-то о подобном принижении статуса всегда узнаешь не от кого-то вроде Эрнста Юнгера, а от анонимных очкариков, в лучшем случае посещавших военную кафедру в гуманитарном институте. Можно еще пенять Эволе на недостаточный аристократизм, одну из центральных его идей, ведь титул барона — один из самых низких в иерархии. Но сообщить об этом должен непременно человек вообще без титула: кто, кроме него, заступится за высшее дворянство.

Все-таки идея равенства не хуже идеи свободы управляет обществом, проникая в самые труднодоступные уголки. Пропущенный через два этих сита социум обращается в гомогенный фарш, местами истерично возбуждающийся по поводу и без.

***

В «Обособленном субъекте» я ввожу такое понятие как холостое мышление. Это нескончаемое прокручивание одних и тех же мыслей без возможности довести их до финала и принять какое-то решение. Это проблема современности, приведшая недалекого индивида к ментальным перегрузкам, с которыми он очевидным образом не справляется.

Приученный все анализировать, но беспомощный в практическом плане человек любую проблему переживает не меньше трех раз. Сначала он мается ее предчувствием, когда трудности еще не наступили, но индивид уже ощутил их на себе. Затем переживание са-

мих трудностей в момент их актуализации. И наконец переживание постфактум, страдания по поводу прошедшего.

Информационное общество окончательно выхолостило понятие информации, превратив средства ее донесения в бездонный поток ангажированной лжи. Запад преуспел в этом больше остальных. Но и наши отечественные СМИ стараются не отставать.

Это видно хотя бы по бесконечному транслированию западного вранья, которое достаточно было один раз обличить, но вместо этого большую часть эфирного времени по поводу нашего противостояния с Первым миром зрителя знакомят с этой ложью, которую сам Запад в лице своих наиболее разумных интеллектуалов называет спектаклем.

Информационное общество сделало невозможным получение хоть какой-то более-менее адекватной картины происходящего. Ложь, противоречия, неприкрытые ненависть и нетерпимость вместо так называемой объективной информации.

У обывателя, потребляющего эту зловонную субстанцию, нет никаких шансов не то что повлиять на ситуацию, а хотя бы составить о ней реалистичное мнение. Чего бы это ни касалось: конфликта на Украине, в Иране, Газе, взаимоотношений с США, Европой, Китаем. Все, что так или иначе касается чьих-то интересов, мгновенно превращается в манипулятивную жвачку, бестолково копирующую саму себя.

В таких условиях, когда у вас нет ни влияния, ни картины происходящего, бессмысленно вариться в ежедневных информационных плевах, существующих с единственной целью — воровства вашего времени и интеллектуальных ресурсов.

Трагедия современного индивида не в недостатке мышления, а в его избытке. Который только умножает демократизированное информационное пространство. Нет и никогда не было никакой демократии, а теперь не осталось и реалистичной информации. Одно вонючее болото алогичной болтовни.

Интересное следствие интеллектуальной деградации — тотальное потребительство. Это уже не навязанные рекламой искусственные потребности и полумные дамочки, проводящие все свое время в нескончаемом шопинге, а потребительство как мировоззрение — восприятие себя как клиента в любой ситуации.

Отсюда общение как будто перед вами курьер или официант. Вдобавок это неадекватное буйство подкрепляется общим упадком когнитивных способностей и полным обесцениванием информации. С приходом так называемого информационного общества ценность информации свелась к нулю.

Аживая манипулятивная чепуха по всем каналам коммуникации. От близких друзей до международной политики. Больше невозможно составить скольконибудь адекватное мнение о происходящем. Бессмысленный поток противоречивой чепухи, ежесекундно меняющейся.

В таких условиях сложно говорить о человеческом достоинстве. Индивид свелся к заказчику, воспринимающему общество и весь мир как супермаркет. Даже соискатели публикаций в «Опустошителе» воспринимают редакцию как неловкого курьера, привезшего им пиццу в помятой коробке.

Их бессвязный речевой поток сложно воспринимать содержательно. Люди больше не понимают ни других, ни самих себя. Я уже не говорю о нюансах восприятия, коннотациях, оттенках смысла и отношений. Всеобщий коллапс дегенератов, разучившихся элементарным нормам общения.

Ситуацию могла бы улучшить тотальная информационная диета с отменой придатков смартфона, всю жизнь проводящих с пальцем у экрана. Но современные власти, само собой, на это не пойдут. Это такие же выродившиеся калеки, как все остальные. Вороватые и циничные менеджеры на хлебных местах.

Войны, обвалы экономики, ментальная деградация населения — всего лишь способы заработка кретинов у власти. Ценность мира свелась к размеру банковского счета. Такая цивилизация не достойна ни будущего, ни жалости. Ей остается только сдохнуть в водовороте кредитов и страховок, с детьми, мечтающими стать менеджерами и блогерами.

***

Современный спорт, как и почти все остальное, до предела коммерциализирован. Отсюда его столь хаотичная волатильность, которая особенно проявляется в командных видах. Составы, например, футбольных клубов, постоянно меняются, и команда, вышедшая в Лигу Чемпионов, может бороться с другой такой же вышедшей, встретив в ее составе часть своих игроков.

Не говоря уже о том, что вчерашний чемпион может запросто скатиться на дно турнирной таблицы и бороться за то, чтобы остаться в высшей лиге, одновременно соревнуясь с другими чемпионами в рамках международного турнира.

Политический процесс, редуцированный до пошлого публичного маскарада, идет еще дальше. Давно не секрет, что политики и не собираются исполнять свои предвыборные обещания. Однако если раньше они просто их игнорировали, то теперь и вовсе противоположны своим обещаниям.

Из названий партий изымается всякое упоминание политического. Это какие-то примитивные симулякры, прикрытые улыбчивыми физиономиями лицемерных олигофренов.

Но главное даже не это. Сам механизм выбора превращен в водевиль. Кандидатов оценивают по параметрам, не имеющим никакого отношения к той деятельности, которой они собираются заниматься. Отсюда столько, казалось бы, неуместных звезд во власти: актеров, спортсменов, певцов, журналистов, телеведущих, блогеров и просто кретинов.

Спекулянт Дональд Трамп в качестве президента — примерно как профессиональный игрок в бильярд в соревнованиях по боксу. Но часто мы не видим даже этого — вместо профессиональных спортсменов комики и шулеры с ментальными расстройствами.

Однако зрители спектакля, очарованные своей ролью судей происходящего, продолжают жрать колючку СМИ, составляя мнение о происходящем по лживым маркетинговым комиксам, с помощью которых им впаривают теперь все: от средства для мытья унитазов до заботы об экологии и психическом здоровье.

А теперь нам сыграют Of The Wand & The Moon свою композицию «We are dust»:

*Behold the stars
They all burn
They'll all burn out
And we are dust
Dust in timeless space
And love is a flame
Devouring moths
And we are dust
Yes we're dust in time and space
Take a look at the sun
It will fall will you run?
Oh don't you know?
We're lost in endless pain*

237

***

Напоследок вскроем смешной миф, который проговаривается практически в каждом голливудском фильме. Судя по его повторению удушающим большинством американских спикеров, подобную мифологию разделяют практически все американцы. Это что-то вроде «свободных людей в свободной стране», демократии и прав человека. Священная корова со знаком доллара между рогов.

Речь идет о мифе «денег налогоплательщиков». Простой американец постоянно вспоминает о них, ко-

гда ему кажется, что власть имущие тратят деньги неправильно: на войну, например, запрещенное химическое и биологическое оружие или остров Эпштейна.

А власть имущие, в свою очередь, ой как боятся обвинений в том, что они впустую потратили деньги американских налогоплательщиков. Целая страна, вскормленная молоком демократического скудоумия, которая при помощи убогой поп-культуры убеждает остальной мир поверить в эту безграмотную чепуху.

Безграмотную чисто арифметически. Большая часть населения Соединенных Штатов задействована в сфере услуг и ничего не производит. Подобное образование может существовать исключительно вливаниями извне, чем Америка и занимается, последние лет сто наиболее активно. Это мировой паразит, высасывающий соки из остальных стран.

Их ресурсы, включая интеллектуальные и человеческие, продукцию, капиталы и прочее, перетекают в США, позволяя вести тот образ жизни, который ведет американское население (весьма дифференцированное).

Это благодаря голоду в Африке, детскому труду в Азии, американскому геноциду в Латинской Америке, цветным революциям в Восточной Европе, бесконечным войнам, насаждаемой и возглавляемой коррупцией, вмешательству в дела других государств, включая смену режима (о чем уже открыто заявляют поглупевшему толерантному американскому обывателю)... вот благодаря всему этому и существует американское общество.

Когда какой-нибудь недоумок вдруг вспоминает о своих налогах, употребленных не туда, стоит напомнить, что его налоги всегда употреблялись только на это — на ограбление всего мира, чтобы раздуть инфернальное звездно-полосатое пугало свободы, а остатками подкормить его инфантильных клопов в лице обеспокоенных налогоплательщиков.

Торжество демократии — это насаждение описанного механизма в планетарном масштабе.

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

Буква «р» Николая Трубецкого 4

п р о з а

Николай Старообрядцев. Окошко в сталинизм 6

Егорий Простоспичкин. Там ничего не было 18

м е р т в ы й т е к с т

Матей Вишнec.

Самые хрупкие плоды демократии 26

Рене Домаль. Катехизис 29

Флэнн О'Брайен.

Брат Джона Даффи. Мученический венец 35

Агота Кристоф. Все равно 49

с с е н а

<i>Роже Витрак. Тайны любви</i>	96
<i>Томас Бернхард. О пакойник</i>	141

guydebord

<i>Ги Дебор. Тезисы о культурной революции</i>	150
<i>Ги Дебор, Жиль Вольман.</i>	
Методика <i>détournement</i>	153
<i>Филипп Соллерс. Странная жизнь Ги Дебора</i>	165

к а м у ш е к в б о т и н к е

Антисемит ли Жан-Люк Годар?	
Мнение американской прессы и французского историка кино Антуана де Баека	170

э д у а р д л и м о н о в

<i>Эдуард Лимонов.</i>	
«Пастернаки», дети их «птючи» и «лохи»	176
<i>Эдуард Лимонов. Сказочник Дугин</i>	180
<i>Вадим Климов. Молодежный неконформизм в ядовитом пятне свободы</i>	188

extremum

<i>Платон. Политик</i>	191
<i>Юлиус Эвола. Американская «цивилизация»</i>	206
<i>Сергей Нечаев. Катехизис революционера</i>	215
<i>Пьер Дрие Ла Рошель. Ницше против Маркса</i>	222
<i>Вадим Климов.</i>	
Болото алогичной политической болтовни	232

Решил заглянуть в конкурирующую конторку, как и мы издавшую «Войну», но сопроводив это мышинной возней с истощными воплями и подрагивающими усами Лорченкова. 170 комментариев от восхищенных покупателей на Озоне. Не абы что.

В «Смерти в кредит» Луи-Фердинанд Селин описывает очередного своего хозяина — полубезумного изобретателя с коммерческой жилкой, которая только портила ему жизнь. К чертям собачьим такую жизнь! Но бедолага уже не мог по-другому.

Изобретатель издавал журнал, в котором публиковал статьи с подробными инструкциями, как в домашних условиях соорудить вертолет или сделать себе лоботомию. И каждый день получал десятки писем от благодарных читателей, которые сделали все так, как он написал, и у них получилось. Вертолет взлетел, а лоботомированный больше не мучается лишними мыслями.

Автогерой Селина подозревал, что изобретатель пишет эти письма сам, чтобы хоть как-то скрасить существование своего убогого детища. Вот и продавщица Лорченков, нанятая издательством «Ruinaissance», утопила книгу жалоб и предложений в панегирической моче, каждая капелька которой вопиет о сногшибательных достоинствах перевода. Практически только об этом.

Кто же этот переводчик? Безвестный сантехник из Медона, лично знакомый с Селином и даже вылеченный им посредством блиц-лоботомии, выполненной на ходу, не сбавляя шага. И отметим: выполненной блестяще!

Сам писатель — Селин, не Лорченков, укушенный его талантом — всегда славился своей крайней воздержанностью в жизни и полной невоздержанностью на письме. Перечисление деталей могло занять несколько страниц, а чувства и эмоции граничили в селиновских текстах с помешательством. Примерно как у Достоевского, но на французский лад.

Невоздержанность Лорченкова более всего напоминает цыганскую. Типичные наглый напор, отсутствие минимальной культуры и представлений о естественности. Фальшивомонетчество прямо у кассы, на виду у всех.

170 восторженных комментариев от благодарных покупателей! Горшочек, не вари!

15.01.2026

ИЗДАНИЯ «ОПУСТОШИТЕЛЯ» МОЖНО КУПИТЬ

в Москве:

Фаланстер Тверская, 17

Пушкинская лавка Земляной Вал, 21/2 стр. 1

Листва Жуковского, 4с1

Пиотровский Малая Никитская, 12, стр.12

Чехов и Компания Гончарная, 26 к. 1

Озеро Подколокольный переулок, 11/11/1

Книжный в Клубе Покровский бульвар, 6/20с1

в Санкт-Петербурге:

Все свободны Некрасова, 23

Подписные издания Литейный, 57

Во весь голос Маяковского, 19

Верхняя Пышма **Книги, кофе и др. измерения** Успенский, 99

Владивосток **Игра слов** Партизанский проспект, 44к10

Владимир **N1KE7UP** Большая Московская, 22а

Воронеж **[Элефтерия]** Кардашова, 5

Казань **Смена** улица Бурхана Шахиди, 7

Краснодар **Чарли** Красная, 69

Краснодар **Bookowsky** Рашпилевская, 106

Пермь **Пиотровский** Ленина, 54

Ставрополь **князь МЫШКИН** Космонавтов, 8

Томск **Догма 80** Ленина, 85а, 2 этаж, офис 4

opustoshitel.ru, totenburg.org, mybooks.by (*Беларусь*),
ozon, wildberries, Яндекс.Маркет, Читай-город, Буквоед,
Бартли и компания, kk-galimatya.ru (*Омск*).